

Лана Черная

Моя-Чужая

18+

Annotation

Артем спас ее от чокнутого дружка и от смертельной болезни. А Ася вышла замуж за его лучшего друга.

Теперь она снова в опасности. Но чтобы спасти — Артему придется убить...Асю...

Лана Черная

Моя-чужая

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧУЖАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Июль. 2014 год.

Среда. Ночь.

Стрелка спидометра давно перепрыгнула сотенную отметку. А Артем все сильнее вдавливал в пол педаль газа. Круто выворачивал машину на опасных поворотах, до боли в пальцах сжимая руль. Глаза болели от напряжения, но он не отрывал взгляд от пустого шоссе и думал только об одном — не опоздать. Он должен успеть. Во что бы то ни стало. Иначе она умрет.

Телефонный звонок вспорол тишину салона. Артем нажал на гарнитуру в ухе.

— Она дома, — по-военному четко произнес мужской голос.

— Спасибо, Кирюх, — ответил Артем и разъединился.

Вывернул руль. Машину занесло. Из-под колес разлетелась грязь. Свет фар ослепил мотоциклиста позади, тот юзом пролетел мимо серых столбов слепых фонарей. Артем бегло глянул в зеркало заднего вида — мотоциклист поднялся. Жить будет, а на остановку и помощь времени не было. Он не имел права опоздать! До ее дома десять минут. Артем глянул на часы. С момента ее звонка прошло двадцать. Он должен успеть. Господи, помоги ей!

— Ты только продержись, Настена, — проговорил Артем, сворачивая в пригород. — Я знаю, ты можешь.

Артем домчал до места за семь минут. Выпрыгнул из машины. На ходу вытащил из кобуры пистолет, снял с предохранителя. В двухэтажном особняке, пугающем темными окнами, Артем знал каждый закуток. И о том, как попасть внутрь незаметно — тоже. Он прошел вдоль кованого забора семь пролетов. Под гибкой виноградной лозой узор немного отличался. Если не присматриваться — не заметишь. Но Артем знал этот потайной ход, сам придумывал. Он осторожно приподнял лозу и просунул ладонь между прутьями — нужно найти четвертый от края и прокрутить его с внутренней стороны. Тогда кусок ограждения превратится в калитку. Но едва Артем нащупал замок, как калитка слегка приоткрылась.

— Проклятье, — процедил Артем, толкнув калитку. Она просто не могла быть открытой. И тем не менее кто-то отпер ее перед Артемом. Кто? Но думать было некогда. Время мчалось навстречу беде. И Артем нутром чуял ее леденящее дыхание. Нужно спешить!

Бегом Артем пересек задний двор к деревянной бане. Под ней — тоннель в дом. За спиной мелькнула черная тень. Артем обернулся. Слишком поздно. Что-то тяжелое обрушилось на его голову. И Артем провалился в раскручивающийся воронкой мрак...

Он пришел в себя от резкого хруста. С трудом разлепил глаза — тьма вокруг разливалась разноцветными кругами и рыжими всполохами. Лицо жгло. Он коснулся щеки — мокрая и липкая. Чуть выше виска пульсировала кровью рана. Он медленно сел. Тошнота подкатила к горлу. Краем рубашки он вытер глаза от крови, осмотрелся. Его окружали деревянные стены бани. Выходит, его перетащили сюда и наверняка заперли. Артем выругался. Как же он так попался? Ничего, он достанет этого урода. Артем поднялся и увидел. Дом горел. Пламя рвалось из окон второго этажа, ломало балки, разбивало стекла. И

там, где-то в огне, была она.

— Настена! — проорал Артем, толкнув дверь бани. Заперто!

— Проклятье!

Он толкнул снова — без толку. Он так и знал. Его заперли, чтобы он мог видеть, как погибает его женщина. Так уже было.

— Черта с два! — процедил он, рванув в котельную за стеной.

Тяжелый люк поддавался сразу, и Артем очутился в тоннеле, забитом сизым туманом. Дела плохи. Прошло слишком много времени — пожар охватил весь дом. Дым душил, разъедал глаза. Артем едва держался на ногах, голова кружилась от нехватки кислорода. Но он шел вперед. Ему нужно найти Настену и вытащить оттуда. Живую. Тоннель вывел Артема в просторную кухню. Дым был почти осязаем. Артем закашлялся. Стянул с себя рубашку, намочил и повязал по самые глаза. Холодная вода струйками стекала по спине и груди. Дышать стало легче. Он вышел из кухни, повернул направо. До лестницы на второй этаж всего семь шагов. Настена там — он знал. Тринадцать деревянных ступеней, усыпанные щепками, скользкие, давались с трудом. Над головой стрекотало пламя. Трещало перекрытие, хрустели стекла. Огонь обнял Артема раскаленными щупальцами, обжег кожу, впился в кости. Артем коротко взвыл. Пламя плясало повсюду. Кружилось в диком танце смерти. И в его владениях сгорала Настена. Артем побежал. Ее спальня в самом конце коридора. Горящая дверь разлетелась в щепки. На мгновение Артем остолбенел. Посреди кровати лежала она. Ноги обвиты колючей проволокой, руки скованы над головой. Грудь исполосована. На животе что-то вырезано. И кровь. На простыне, подушках, полу.

Бешенство, злость и дикая боль ударили под дых едким дымом и резким запахом гари, бензина и смерти. Артем кинулся к Настене. Он не знал, жива ли она. Но стиснув зубы, он распутывал и рвал проволоку. По запястьям текла кровь. Пламя сжирало комнату, окольцовывало кровать, не отпускало из смертельных объятий Артема. Он ничего не чувствовал и не слышал. Справившись с проволокой, Артем метнулся к рукам и снова взвыл. На этот раз от злости. Запястья со спинкой сковывали наручники. Артем рванул на себя прут ажурной розы. Снова и снова. Тот не поддавался. Тогда он ударил его ногой. Боль прошла мышцы, но роза звякнула и оплавленная огнем выпала из узора. Руки Настены безвольно упали на окровавленную грудь. Артем перехватил Настену. Прохода не было. Вместо него был огонь. Оставалось только одно — балкон. Внизу заросли розы и пять метров высоты. Позади — смерть. Артем прижал к себе Настену и прыгнул.

* * *

— Сюда! Скорее! Они там! — орал Игнат на медиков. Он мчал к черному джипу, в салоне которого темнел силуэт. Один. Дыхание сбилось. Ася? Артем? На ходу Игнат распахнул переднюю дверцу и выматерился. На водительском месте сидел полуголый мужик. Спина его превратилась в сплошную рану — темную, почти черного цвета. Руки изрезаны, в потеках крови. Пол-лица вздулось огромным пузырем.

— Твою мать! — снова ругнулся он, когда мужик поднял от руля голову, и Игнат узнал Крутова.

— Настена... — прохрипел Артем и стал заваливаться на бок. Игнат подхватил друга и помог переложить на носилки. Следом распахнул заднюю дверцу и едва устоял на ногах. На

заднем сидении лежала девушка, бережно укрытая курткой. Лицо распухло, в кровоподтеках. Волосы обгорели. Ступни исцарапаны, плечи в крови. Она не была похожа на его жену. И тем не менее то была она.

— Ася... — выдохнул Игнат. — Сюда! Скорее! — поторопил он спешащих к нему врачей. — Ася, родная...

Он осторожно коснулся ее шеи, пытаясь нащупать пульс. Спина похолодела, пальцы занемели, не находя биения сердца.

— Нет! Ты должна жить!

— Отойди! — гаркнул кто-то сзади. — Ты нам мешаешь, слышишь?

Но Игнат не мог. Он должен был найти ту слабую ниточку ее жизни. Она не имела права умирать. Только не она! Кто-то схватил его сзади за плечи, пытаясь оттащить. И Игнат чуть не вмазал наобум, как вдруг...Едва ощутимый толчок. Слабый, где-то на грани, но дающий силы жить. Она жива! Жива!

Игнат облегченно выдохнул, приподнял Асю за голову, помогая медикам. Втроем они переложили ее на носилки. Куртка сползла, обнажив израненное тело — в длинных порезах с запекшейся кровью. Одна рука безвольно упала. Что-то звякнуло. Игнат опустил взгляд и увидел наручники, болтающиеся на запястье.

— Подождите, — тихо попросил он, шаря по карманам. Дрожащими пальцами нащупал маленький ключик, чуть не уронил, но снял с ее тонкого запястья наполовину расстегнутые наручники.

Носилки погрузили в скорую, захлопнули дверцу. Машина рванула с места. Тишину вспорол вой сирены. Что-то лопнуло в голове Игната, запульсировало жгучей болью, ноги подкосились. И только когда машина скрылась в темноте улиц, Игнат без сил сел на асфальт посреди дороги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Июль. 2014 год.

Воскресенье (за 2 дня до пожара). День.

Ася выпрыгнула из маршрутки под палящее солнце. Асфальт дышал жаром. На улице словно наступил конец света — ни души. Машины ползли медленно, лениво тащась за трескучими троллейбусами. Да и их можно было сосчитать по пальцам. Ася надела наушники, осмотрелась по сторонам, пропуская опустевший троллейбус, и перебежала дорогу. Через два квартала нырнула в арку. Торопливо прошла несколько дворов, свернула к набережной. Море успокаивало, а ей нужна была передышка — собраться с мыслями, обдумать, правильно ли она поступает. Белые гребни разбивались о волнорезы, окатывали девушку прохладными брызгами. Она улыбалась морю, как старому знакомому. И думала, думала. Все правильно. Она поступает правильно. Все равно отступить некуда — зря она, что ли, тряслась в автобусе сотню километров, а потом еще полгорода проколесила на маршрутке? Ася достала из переброшенной через плечо сумки блокнот, прочитала нужный адрес, проверила письма — перевязанная лентой стопка потрепанных конвертов лежала на дне.

С набережной, минуя Приморский бульвар, кафе и бутики шумного центра, свернула во дворы. Пятиэтажки сменялись частными секторами. Солнце нещадно жгло спину даже под майкой. Можно было подождать троллейбус или маршрутку и домчать за пять минут по пустой полуденной дороге. Но идти было легче, слушая музыку и перебарывая сомнения.

Нужный дом вырос неожиданно. Еще минуту назад казалось, что до него был целый

квартал, но нужные цифры искомой улицы говорили об обратном. Ася сверилась с адресом в блокноте и шагнула в просторный двор. Детская площадка в центре пустовала, как и многочисленные, выкрашенные во все цвета радуги, лавочки. Раскидистые платаны рассеивали злые солнечные лучи, скрадывали жару. Здесь дышалось легко. Солнечные зайчики прыгали по капотам иномарок — других машин в этом дворе не стояло. Ася еще раз заглянула в блокнот, а затем поискала взглядом черный спорткар. «Ниссан» стоял к девушке пыльным боком. Приткнутый кое-как, словно ее хозяин торопился, он резко выделялся на фоне отполированных, будто только из салона, авто.

Ася усмехнулась, вспомнив о страсти хозяина к гонкам. Видать, трек в этот раз не отличался чистотой городских трасс. Перехватив поудобнее сумку, подошла к машине. Глубоко вдохнула — выдохнула и со всей дури саданула ногой по колесу. Взыла сигнализация. От неожиданности Ася отступила назад. В окнах появились недовольные лица зевак, решивших поглядеть, кто и что нарушило их полуденный сон. Но нужного человека она не видела. По крайней мере, ни один не проявил себя как владелец «Ниссана». Уснул, что ли? Или машина ему совсем не дорога? Сигнализация тем временем дважды пикнула, мигнули фары, и противный вой смолк.

— Эй, овца, отвалила от тачки! — прозвучало откуда-то сзади.

Ася обернулась. Шагах в десяти от нее стоял высокий парень. На голове бандана, серый комбинезон на голое тело, перепачканное чем-то черным, а в руках гаечный ключ, опасно поблескивающий в солнечных лучах.

— Ты Данил? — спросила Ася, не двинувшись с места.

— И чо? — нехотя ответил парень, поигрывая ключом. — Слышь, овца, мне с тобой базарить не в кайф. Чапай, а?

Ася с сомнением посмотрела на парня. Данила Костромина она никогда не видела — в соцсетях он не обитал, а совместных фото с Рыжей они не нажили — но по письмам подруги представляла его совсем иначе: ниже ростом, подкачанного. Да и обладать он должен более богатым лексиконом. Вряд ли человек с высшим экономическим образованием будет разговаривать как гопник. К тому же у этого парня не было татуировки на руке. Впрочем, с десяти шагов Ася могла и не разглядеть. Но вряд ли парень тот, кто ей нужен.

— Послушай... — Ася вздохнула. — Не знаю, как тебя там... Мне нужен Данил Костромин. Будь добр, передай ему, что его ищет подруга Рыжей. И если можно побыстрее, я спешу.

— Да я и так все слышал, — отозвался за спиной низкий голос. Ася обернулась и не поверила собственным глазам.

— Ты? — ахнула она.

— Здравствуй, Ася, — мужчина улыбнулся, словно только и ждал с ней встречи, а Ася смерила его пристальным взглядом. Невысокий, смуглый, крепкий: серая футболка под запахнутым пиджаком вычерчивала мускулы; светлые длинные волосы затянуты в хвост, бровь рассечена тремя шрамами. Даня, племянник ее мужа. Неужели он и есть тот самый Данил — любовь всей жизни ее подруги?

— Ты Костромин? — недоверчиво переспросила она. — Даниил Костромин?

— Паспорт показать или достаточно моих честных глаз? — и он весело подмигнул Асе. — Хай, Дэн, — бросил он мимо девушки. Видимо, парню в комбинезоне. — Спасибо, что приглядел за тачкой.

— Братуха, ты зря парился. Тачка просто кайфовая. Двиган в порядке, жижу сменил

уровень в норме. Дрифтуй в кайф, братуха.

— Спасибо, Дэн. А то я совсем зашиваюсь.

— Та мне не запахло, — ответил тот и бросил Данилу ключи, тот поймал их налету левой рукой. Ася припомнила, что Даня лишь писал правой рукой, а все остальное делал левой. Как и возлюбленный Рыжей. Кроме того, у Дани была татуировка на правой руке. Изгибающийся в причудливом узоре черный дракон: хвост его обвивал предплечье, когти цеплялись за локоть, а голова с разинутой пастью покоилась на плече. Ася сама ее набивала шесть лет назад, на его двадцатый юбилей. Этого же дракона ей описывала и Рыжая. Ася тогда еще посмеялась, что похожего дракона набивала другому Дане. Как оказалось — не другому. Больше доказательств не требовалось — перед ней стоял тот, кого она искала.

— Откуда тачка? — Ася кивнула на «Ниссан».

— Отец подарил, — улыбнулся Данил, проведя ладонью по капоту. — Шестьсот восемьдесят лошадок, разгоняется до сотни меньше чем за три секунды. К тому же в этой красавице впаяно турбо и навешен спойлер, — похвалился он.

— Круто, — только и ответила Ася. И без того навороченный спорткар еще и усовершенствовали. Впрочем, от его отца другого подарка ожидать и не стоило. Ася собственными глазами видела автопарк Алекса Костромина, отца Дани и лучшего друга ее мужа, из дорогущих и редких машин. — Как отец, кстати?

— Здорово, — Данил присел на капот. — Счастливей человека я еще не встречал. У них с Ирмой пополнение, но ты наверное в курсе.

— А должна? — удивилась Ася.

— Я думал, Игнат рассказывал, — Данил задумчиво почесал бровь. Ася вздохнула. Ничего ей Игнат не говорил. Они в последнее время вообще мало разговаривали, да и виделись не часто. — Они девочек взяли из детдома, — с улыбкой продолжал Данил. — Такие очаровательные близняшки, Катя и Лиза. Артема в крестные пригласили. Он, кстати, только уехал от меня. Не встречались?

Ася отрицательно мотнула головой. Настроение враз испортилось. Нужно быстрее покончить с тем, зачем она приехала.

— А ты зачем меня искала? — словно уловив ее настрой, спросил Данил. — И откуда знаешь Арину?

— Где мы можем поговорить? — вместо ответа поинтересовалась Ася и встретила с его глазами, в которых читался интерес пополам с удивлением.

— Прощу, — и он распахнул пассажирскую дверцу, у которой стоял.

Ася на мгновение замешкалась.

— А может, на лавочке? — с надеждой спросила она, ткнув на пустые скамейки. Садиться в машину и куда-то ехать она не планировала. Она вообще избегала поездок с малознакомыми людьми, не пользовалась такси и в маршрутках старалась не оставаться единственным пассажиром. И хоть Даню вряд ли назовешь незнакомцем — соглашаться на его приглашение Асе не хотелось.

Данил лишь пожал плечами и захлопнул дверцу.

— Итак? — он сел вполборота к девушке, правую руку положив на спинку скамейки, а левой крутя ключи от машины.

— Я не знала, что ты встречался с Рыжей.

— Ну теперь знаешь, — хмыкнул Данил. — Что дальше?

А Ася задумалась. Игнат как-то рассказывал, что у племянника появилась девица

мутная: то любит, то не любит. То они встречаются, то расходятся. Ревновала его почему зря и никогда не слушала. А три года назад из-за этой девицы Данил едва не разбился на гонке — машина в хлам, а он только чудом выжил. Неужели та девица — Рыжая?

— Ау, — Данил помахал рукой у нее перед глазами.

— Ты должен вернуться к Арине, — на одном дыхании выпалила Ася.

— Вернуться? — он в удивлении приподнял брови. — С чего бы это?

— Потому что она любит тебя, а ты — ее.

— Любопытное заявление.

— Но ведь ты из-за нее, да? — с осторожностью канатоходца предположила Ася. —

Тогда, три года назад...

— Слишком много чести, — огрызнулся он, отвернувшись. Значит, Ася попала в точку. Она и тот день помнила. Игнат позвонил, когда Ася была в роддоме у Рыжей, поздравляла с новорожденной Никой. — Дань, — она тронула его за плечо, но тот сбросил ее руку резким движением.

— Ася, мы не в детском саду, чтобы вместо себя подсылать кого-то. Пора ей учиться со мной разговаривать. Так что можешь передать своей подруге, что ее план провалился, — он встал. — Игнату привет.

— Стой!

Ася вынула из сумки стопку писем и протянула обернувшемуся Данилу.

— Что это?

— Письма Рыжей. Ты должен их прочитать.

— Непременно, как выдастся свободная минутка, — он протянул руку, чтобы взять конверты, но Ася не отдала.

— Ты должен прочесть их здесь и сейчас. Послушай, — Ася вздохнула. Она не представляла, как убедить Данила выслушать ее, прочесть письма подруги. Когда Ася придумывала план — все казалось ей простым до безобразия. Но она не учла совершенно, что Данил просто-напросто может послать ее ко всем чертям. Как и то, кем он окажется — упрямство у них в крови. К тому же она могла ошибиться, и он не любит Рыжую. Такое тоже возможно. Мало ли, что там было три года назад. Иногда и день может стать вечностью. Но Ася была уверена, когда он прочтет письма, то она непременно поймет его чувства.

— Послушай, если ты сейчас не прочтешь хотя бы одно письмо, я...разобью твою кругую тачку. И мне за это ничего не будет, как ты сам понимаешь. Но перед этим достану тебя и всех твоих соседей чудной мелодией сигнализации. А еще я...

Она несла какую-то несуразицу, а Данил смотрел на нее с любопытством и улыбался.

— Любопытно было бы проверить тебя, но я боюсь, что ты сдержишь слово. Да и Игната расстраивать неохота. Ладно, давай свои письма.

Ася облегченно выдохнула. Данил сел обратно на лавочку и вытянул из стопки наугад конверт. Но вместо того, чтобы читать, неожиданно принялся.

Вот черт! Ася и забыла, что почти все письма пахли его духами. Рыжая рассказывала о своей любви, как могла. Вот и душила письма. Не все, но многие. Ася присмотрелась к озадаченному Данилу. Неужели запах до сих пор не выветрился? Похоже, нет.

— Пахнет...мною, — задумчиво произнес Данил. И в один миг переменялся. До этого был такой насмешливый, язвительный и злой. А стал...Ася и понять не могла, каким. Нормальным стал. Просто нормальным, жутко уставшим молодым мужчиной.

Он осторожно распечатал конверт, достал сложенный вдвое тетрадный лист и

погрузился в чтение. Ася знала каждое письмо наизусть, перечитывала сотню раз и не понимала — как? Почему ее подруга, красивая, умная девушка допустила такое унижение? Как она могла жить с нелюбимым человеком? Почему позволяла бить себя? И где был Данил? Разве он не знал об этом? Почему не помог ей?

Если бы он был рядом, Рыжая не связалась бы с Олегом и не родила от него ребенка. И дважды в больнице не лежала бы с сотрясением мозга и переломами. Ася сжала кулаки. Как Данил мог не видеть, как она страдает? Ася не понимала, как не понимала причины, почему Рыжая не призналась во всем Данилу, почему не рассказала о своих чувствах раньше? Может, все сложилось бы иначе.

— Откуда? — хриплый голос вывел Асю из раздумий.

— Что откуда? — не поняла Ася, но сообразила, глянув на смятое письмо. — Письма мне Арина писала.

— То есть ты хочешь сказать, что все это правда?

— От первого до последнего слова, — кивнула Ася.

— Этого не может быть, — он казался растерянным. — Я же спрашивал у нее... Она выглядела такой счастливой... Как же... Нет, я не верю.

— А помнишь Новый год шесть лет назад? — и, не дождавшись ответа, продолжила: — Вы встречали его у Тима. Ты тогда опоздал, пришел позже всех. Арина уже была там с Олегом. Тот напился вдрызг, вел себя неадекватно, поссорился с ней. Она на балкон вышла, расстроенная, а ты уже там курил. Помнишь?

Данил улыбнулся с толикой грусти.

— Я тогда обнял ее и спросил, как ей с Олегом живется. А она ответила, что хорошо.

— А что, по-твоему, она должна была ответить? — разозлилась Ася. — Ты встречался с другой. Жениться собирался. И тебе было плевать на нее.

— Она должна была...

— Что? — перебила Ася. — Поплакаться тебе в жилетку? Показать свои побои? А ты бы увидел?

Данил не ответил.

— Твою мать, Даня! — взвилась Ася, подскочив с лавочки и уперев руки в бока. — Он же ее шнуром душил практически у тебя на глазах! — сорвалась на крик.

Данил молчал, непонимающе смотря на Асю. А она распалялась все больше.

— А ты? Ты просто сбежал в свою Германию. Бедненький, обидели его, променяли на другого. Тьфу! — Ася смачно плюнула под ноги.

— Заткнись! — рявкнул Данил, вмиг став блее мела. Серые глаза почернели от злости. Ася покачнулась назад и хотела уже ответить, но он приказал: — Сядь!

Ася не шелохнулась.

— Сядь, я сказал! — мягче, но так же настойчиво повторил Данил.

Ася плюхнулась на лавочку, по-прежнему воинственно настроенная.

— Во-первых, я никуда не сбегал. А в Германию уехал работать по просьбе Артема, — он говорил спокойно, но Ася видела, как ходили желваки от злости и как он старательно сдерживал себя. — Во-вторых, я звал Арину с собой, но она отказалась, — в словах послышалась горечь.

— Как? — ахнула Ася, не поверив. — Нет, она... она не могла.

Она разжала пальцы, почувствовав невероятную усталость.

— Видимо, плохо ты знаешь свою подругу, — усмехнулся Данил.

— Нет, — упрямо повторила Ася. — Она не могла променять тебя на Олега. Он же... Ог ее бил... избивал и насиловал... даже беременную...

Глаза налились слезами.

— Наверное, я виноват, — он посмотрел на смятое письмо. — Но Арина сама не хотела помощи.

— Ты не прав! — резко возразила Ася.

— Да? — Данил в удивлении изогнул брови. — Тогда почему она ни разу не заявила на него в полицию? Почему не сбежала? И помощи ни у кого не просила.

— У меня просила, — Ася вытерла слезы. — Игнат кого-то просил, Олега били и ни один раз. На время он отставал, а потом какие-то отморозки искалечили отца Арины, мать попала в больницу с проломленной головой. А Арину предупредили — если кому скажет, в живых не оставят никого. Но Арина рассказала мне, а я — Игнату. Он посадил всех, в том числе и Олега. Знаешь, я убить его хотела, — Ася грустно улыбнулась. — Но Игнат как-то прознал и сказал, если я сделаю это — он самолично упечет меня за решетку. И там я тысячу раз пожалею, что не передумала, — она усмехнулась. — Переубедить он умеет.

— Надо было Крутову сказать, — задумчиво подсказал Данил. — Он бы позаботился, чтобы вы никогда не увидели Олега.

— Я просила. Нет, я умоляла Артема помочь, — Ася сцепила в замок пальцы. — Но он потребовал слишком высокую цену.

Данил посмотрел на напрягшуюся Асю.

— Тебя, — не спросил, констатировал. Ася закусил губу.

— Не думала, что Артем окажется такой скотиной, — зло прошептала она.

— Ладно, все это лирика, — помолчав, проговорил Данил, щурясь от проглянувшего сквозь ветви солнца. Но Асе показалось, что не то он хотел сказать, совсем не то. Почему промолчал? Впрочем, неважно. — Я тебе зачем? Олег сидит, Арина в порядке...

— Олег освободился месяц назад, — Ася сложила лодочкой ладони, зажала их между коленей, успокаиваясь. — Он снова ее донимает, угрожает, караулит ее по вечерам с ребенком. Она боится на улицу выходить, на работе отгулы взяла, чтобы Нику дома с бабушкой не оставлять. Я хотела снова Игната попросить, но мы не видимся почти. Ты ей нужен, понимаешь?

— Ладно, — выдохнул он, поднявшись, — я разберусь. Тебя подвезти?

— Что? — от неожиданного предложения Ася растерялась.

— Я спросил, подвезти ли тебя?

Ася отказалась. В этом городе у нее была назначена встреча. Она отдала Данилу письма и проводила взглядом его машину. Он сказал, что разберется — и Ася поверила ему. Была в его словах какая-то решимость, а в глазах — уверенность, что задуманное получится. А он явно что-то задумал — Ася не сомневалась. Улыбнувшись затеплившейся надежде, что теперь у подруги точно будет все хорошо, Ася вышла из прохлады двора.

Солнце опалило лицо, ослепило. Ася нацепила очки и перебежала на другую сторону улицы. И уже нырнула в переулок, как прямо перед ней вылетел черный джип, подняв клубы пыли. Ася заскочила на тротуар, пытаясь обойти затормозившую машину, но водительская дверца неожиданно распахнулась, и из нее выпрыгнул поджарый мужчина, которого Ася предпочитала никогда не знать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Июль. 2014 год.

То же воскресенье. Вечер.

Арина Рыжова спешила домой с работы. В аптеке, где она трудилась провизором, начальница устроила переучет и потребовала Арину явиться. Отказать Арина не могла — начальница не раз выручала ее, когда заболела дочка или нужно было съездить к отцу в клинику для душевнобольных. Да и клинику эту рекомендовала начальница Арины, как и помогла устроить туда отца. А тут еще и у сменщицы сын заболел. Деваться было некуда. Хотя выходить из дома не хотелось. Бывший муж снова объявился. Олег вернулся месяц назад — совсем без тормозов стал. А всему виной подружка лучшая. Олег окончательно съехал с катушек после «помощи» Аси. Нет, ну кто просил её лезть?! Арина же неоднократно повторяла: они разберутся сами. Нет, нужно было влезть, как всегда, со своими пятью копейками и, изображая праведницу, попытаться что-то изменить. А в итоге Олег начал сходить с ума. И ополчился не на «помощницу», а на жену... А ведь у них только начало всё ладиться...

Асе-то легко говорить о том, кто хороший, а кто плохой. Всё при ней: и деньги, и красота, и тело, и муженек с любовником. И вся она такая хорошая, всем должна помогать. Все её любят и оберегают. И не понимает она, что есть отношения, в которые не нужно соваться. Ей хоть бы хны! Всюду свой добродетельный нос всунет. У неё нет ни забот, ни маленького ребенка на руках, ни проблемного мужа. Да что она вообще знает о жизни?!

Сколько ей не объясняла Арина, что Даню-то она любит, но муж есть муж, нет, Ася уперлась. И что в итоге вышло? Олег ненавидит Арину так же сильно, как ненавидит её Даня. Даня... Арина вдохнула терпкий аромат лета и быстрым шагом направилась в сторону дома.

Сумерки сгущались, темнели, приглашая на улицы теплую южную ночь. По дороге Арине встречались влюбленные парочки, обнимающиеся и целующиеся на лавочках и прямо посреди дороги. Они тонули в собственной любви и им было плевать на происходящее вокруг. И Арина им завидовала. У нее не было никого, кроме родителей и маленькой Никули. А единственного, как воздух необходимого мужчину она сама выпихнула из своей жизни глупостью и непониманием. Глупая была... Всегда глупая и наивная. Семью хотела, мужа прощала, думала — наладиться все. Не наладилось, потому что лезли все кому не лень. А она, дура, вместо того, чтобы выгрызть свое счастье и не откровенничать с мнимыми подругами — доверяла не тем людям. Отпускала любимых и предавала...

Она свернула во дворы, где впервые поцеловалась на скрипучих качелях. В такие дни, как сегодня, Арина вспоминала о прошлом. О бывшем муже, когда они только познакомились. Каким он был галантным, дарил цветы, смешные подарки и любил ее. Как сделал ей предложение и кружил на руках, смеясь от счастья, когда узнал, что Арина ждет ребенка. О Дане вспоминала. Мечтала, как повзрослевшая Ника улыбается его улыбкой, смотрит его веселыми зелеными глазами, смешно морщит нос и чухает самый его кончик, когда о чем-то задумывается. Как Даня, которого уже взрослая дочь называет папочкой. Арина тряхнула головой, отгоняя наваждение. У ее Дани другая жизнь, другая женщина и свадьба в ближайшем будущем. Иногда Арина ловила себя на мысли, что это она могла быть на месте той, другой, готовиться к свадьбе с Даней, если бы сбежала вместе с ним, когда он звал. Но она выбрала другую жизнь. И теперь от той прежней жизни у нее осталась любимая дочурка, мама, отец-инвалид, интересная работа и одиночество. Бросив прощальный взгляд на по-прежнему темные окна, обернулась и отпрянула.

— Ну здравствуй, любимая, — плотоядно ухмыляясь, поздоровался возникший из

темноты двора мужчина. — Все никак не нагуляешься?

— Домой иду, — спокойно отвечала Арина, отступая от не двигающегося бывшего мужа, — с работы.

— А тортик небось хахалю несешь? — он кивнул на круглый торт в картонной упаковке в руке Арины. — Мне так тортики не покупала.

— Вообще-то у нашей дочери сегодня день рождения, — робко возмутилась Арина.

— Что ж не приглашаешь? — ухмыльнулся он.

— Я...я... — Арина вздохнула. Показывать его дочери в такой день совсем не хотелось. Хотя он казался трезвым и все же...

— Значит, хахалю пригласила вместо меня. Мужа в тюрягу, а сама тут же ножки и раздвинула перед другим, да? Плохая девочка, — хохотнул он и незаметно оказался рядом с Ариной.

Та вздрогнула, когда Олег схватил ее под руку и шепнул в ухо:

— Я соскучился, малышка.

— Отпусти, — она попыталась вырвать руку, но Олег сдавил пальцами ее шею, а другой достал из кармана нож. Арина вздрогнула и замерла. Торт выскользнул из пальцев, шмякнулся на асфальт.

— Ну что, заечка, — шептал он, запустив руку с ножом под блузку. Лезвие холодило кожу, покрывшуюся мурашками. — Расскажи мне, как все было. С кем из нас ты трахалась первым? Со мной на зоне или с Данилой в тачке? А может, и с ним, и со мной, а?

Арина не отвечала, чувствуя, как ледяное лезвие коснулось ее лифчика, скользнуло к груди, кольнуло сосок. Арина закусил губу, но не издала и звука.

— Ну не молчи, — он часто дышал. — Ты же знаешь, как меня возбуждают твои фантазии.

— Олег, пожалуйста... — хрипло заговорила Арина, дернув плечом, когда Олег ловким движением разрезал ее лифчик. — Не надо, чтобы нас кто-то видел. Ты же не хочешь снова в тюрьму.

— А мне плевать! — он рассмеялся. — Твоя дочурка-то у меня. Сдашь меня ментам — никогда ее не увидишь.

— Ах ты... — Арина извернулась. Нож скользнул по ткани, разрезал блузку надвое. Врезала Олегу между ног, но промахнулась — попала в колено. Олег зашипел от боли и на миг ослабил хватку. Арина рванулась было вперед и взвыла — Олег дернул ее за волосы, накрученные на кулак. Острая боль пронзила затылок, перед глазами побелело, брызнули слезы.

— Строптивая кобылка, — процедил он с долей удовольствия. — Но лучше бы ты не дергалась раньше времени. А то растратишь зря весь пыл. Чем мужа ублажать будешь?

Он потер рукой колено, спрятав нож

— Эй! — прозвучало откуда-то из темноты. — Девушку отпусти, козел!

— Помогите, пожалуйста, — Арина снова рванулась из хватки Олега, но получила удар кулаком в бок, захлебнулась болью, осев на асфальт.

На площадке появился высокий парень, и Олег довольно рассмеялся.

— Помоги, — прохрипела Арина, не различая лица, — пожалуйста.

— Олег, отпусти жену, — попросил парень, — от греха, а? Ну нафига она тебе? Малс девиц, что ли?

— Она, — Олег рывком поднял Арину, прижал к себе, и двинулся в противоположную

от парня сторону, — с дочкой видаться не дает, сука. А ты что же, решил перед дружкой выпендриться? Его потаскушку защитить?

— Пожалуйста...Пожалуйста... — как мантру повторяла Арина, не сводя глаз со спокойного парня. Он по-прежнему оставался не виден Арине, но голос его казался знакомым. Кто же он? друг Дани?

— Да нафига она ему. К нему такая краля подкатывала сегодня, — парень присвистнул.

— Ну так и не лезь, — весело посоветовал Олег. — Сами разберемся. Не впервой.

— Топали бы вы домой разбираться.

— Уже, — улыбнулся Олег, — да, милая?

Сквозь слезы Арина видела, как парень засунул руки в карманы брюк, развернулся и пошел в сторону улицы. А через пару мгновений скрылся за углом дома.

— Идем, моя хорошая, — ласково прошептал Олег, придерживая ее за локоть. — Тебе еще вину свою заглаживать. И только от того, насколько послушна ты будешь, зависит, прощу я тебя или нет. А пока можешь убедиться... — и он протянул ей мобильный телефон.

— Ника... — прохрипела Арина, дрожащими пальцами взяв трубку.

— Мамочка... мамочка...забери меня отсюда, — слезный детский голосок, самый дорогой и любимый, вышиб дыхание. — Я к тебе хочу.

— Ника, девочка моя, я скоро приеду, — сдерживая слезы Арина попыталась успокоить дочь. — Потерпи моя хорошая, ладно? Я...

Она не договорила, Олег забрал телефон.

— Где моя дочь? Что ты с ней сделал? — зло прошипела Арина.

— О, как трогательно. Мамочка переживает, — он пристально всмотрелся в искривленное болью и ненавистью лицо Арины. — У меня в постели ты покажешь, как сильно ты ее любишь. Но смотри, разочаруешь меня — и твоя дочь вырастет без матери.

— Сволочь, — процедила Арина и плюнула в его морду. А Олег лишь рассмеялся.

— Ничего, заечка, у тебя еще вся ночь впереди, чтобы исправиться.

* * *

Данил не находил себе места. За город смотался, на трек погонять. Через неделю планировался масштабный заезд и Данил каждый вечер тренировался, учил трассу. Но сегодня тренировка не принесла ему облегчения. Даже поставленный рекорд по времени не рассеял смутного настроения. Арина не шла из головы. В наказание ему эта девчонка досталась, что ли? Знать бы за какие грехи.

Он сжал руль, вдавил в пол педаль газа. Песок набережной брызнул из-под колес. Вдоль дороги замелькали пляжные кафешки и аттракционы. Данил выехал на трассу и прибавил скорости. Скорость — его жизнь. Его персональный допинг адреналина. Сладкая песня из рвущегося в окна ветра, рева мотора и стрелки спидометра у предельных цифр. Скорость — единственное, что всегда выручало, когда было хреново, как сейчас.

Данил чувствовал себя виноватым. Он подтолкнул ее на то идиотское пари. Они тогда в очередной раз расстались — Данил уже и не помнил причину — и сидели в клубе. Данил тогда увести ее хотел, но она уперлась. Заявила ему, что закадрит любого парня в городе.

— Ну давай, — усмехнулся он тогда. — Или первого, кто войдет, или уходишь со мной.

Знал бы он, чем все закончится, перекинул бы через плечо и унес. Но нет, ему

захотелось посмотреть, как далеко она пойдет. Дурак! Первыми вошла пара — Карина, местная королева красоты, и однокашник Данила — Олег. Данил не стал останавливать Арину, когда она подошла к Олегу и поцеловала его. Он был уверен, что Олег пошлет ее, дуру пьяную, куда подальше. Они с Кариной были неразлучны класса с девятого — любовь-морковь и прочие прелести страстного романа. И ошибся. В тот вечер Арина ушла из клуба вместе с Олегом. А Данил разбил свою первую машину.

Данил чувствовал, что виноват и в издевательствах над Ариной. Он дал Олегу повод для ревности. Арина тогда не жила с Олегом, а с Данилом они встретились на очередной встрече выпускников — и стали встречаться. Виделись нечасто, в основном для необременительного секса. Данил тогда действительно планировал жениться, но встреча с Ариной всколыхнула в нем забытую страсть. Иногда он срывался и увозил Арину то на озеро за городом, то в горы — и не отпускал, пока на секс уже не оставалось сил. И все это время они практически не говорили. А в одно такое свидание Олег их выследил. И напрямую спросил, трахает ли Данил его девушку. Костромин промолчал тогда, но и отрицать не стал. Олег все понял сам. Они подрались. Данил хорошо тогда его отделал — злой был. А Арина все разнять их пыталась. А потом бросилась к Олегу со слезами...

Она сама сделала свой выбор. Сама. Данил убеждал себя весь вечер. Вспоминал ее холодное «нет» на его предложение уехать, ее свадебные фотки в сети и ребенка, которого она родила Олегу. Она выбрала Олега сама. Осознанно. Ведь не могла же она не понимать, какая Олег сволочь и что он никогда не изменится? Она сама отказалась от помощи, что бы там ни говорила Ася. А шансов у нее было море. Значит, она терпела, потому что любила Олега. Значит, ее все устраивало. И Ася его не переубедила. Ася... Странная девочка. Данил никогда бы не подумал, что она такая жесткая и волевая. Что она вот так придет к малознакомому человеку и будет требовать изменить жизнь. Ему она всегда казалась легкомысленной, яркой, веселой, не оскверненной серостью будней. Про таких говорят — не от мира сего. И в их немногочисленные встречи Данил задумывался, почему Игнат, его мрачный и расчетливый дядя, мент до мозга костей, который любой шаг обдумывает трижды, женился на Асе. Ради контраста? Ведь она, легкая и воздушная, была противоположностью строгой и чопорной Дарьи — первой жены дяди. Но теперь, вспоминая дневную встречу с этой «легкой и воздушной» женщиной, Данил понимал, что не так она и проста. Да и не была никогда. И Аринку пыталась убедить все изменить, как его сегодня. Только Аринка выбрала мужа, которого любила. Это был ее выбор и Данил не имел права вмешиваться.

Тогда почему так муторно внутри и странное предчувствие не дает покоя? Почему Данилу кажется, что все не так, как он себя убеждает?

— Черт тебя подери, Арина! — прошипел Данил, стукнув по рулю, и свернул на обочину.

Перед ним высилась пятиэтажка с разрисованной цветами стеной — дом Арины. Он и не заметил, как приехал сюда. Он посмотрел на светящиеся окна ее квартиры. Сколько раз он приезжал сюда и глядел на эти окна, дожидаясь Аринку. Сколько раз провожал ее до скрипучей деревянной двери подъезда, а потом целовал, прижимая к железным почтовым ящикам, и ругал, чтобы она не красила губы помадой. С тех пор столько воды утекло, что казалось, будто прошла целая жизнь. Впрочем, наверное, прошла. Он заглушил мотор и посмотрел на разлетевшиеся по сидению письма. Ну что ж, он даст ей еще один шанс все изменить. И если понадобится, сгребет ее в охапку вместе с дочкой и увезет отсюда к

чертовой матери!

— Раньше надо было, идиот, — обругал он себя и выпрыгнул из машины.

Дверь открыла мать Арины — невысокая женщина лет пятидесяти с худым бледным лицом и затянутыми в пучок белыми волосами. Странно, но Данилу показалось, что она совсем не изменилась с тех пор, как была его классным руководителем.

— Ну наконец-то, до... Данил? — осекшись спросила женщина. И всхлипнула.

— Здравствуйте, Вера Васильевна, — улыбнулся он и, шагнув через порог, чмокнул женщину во влажную щеку. Данил присмотрелся — глаза покраснели от слез. Он ощутил, как спина покрылась мурашками от нехорошего предчувствия. Сердце тревожно забилося в ребра.

— Что-то случилось? — Спросил Данил. Но ответить Вера Васильевна не успела — в коридоре появился молодой мужик в полицейской форме.

— Костромин?

— Матвеев? Димон? — Данил был удивлен не менее своего бывшего одноклассника. Что он здесь делает? Зашел навестить свою первую учительницу?

— Какими судьбами? — хмуро спросил Матвеев, пожимая Данилу руку.

— Я к Арине. Вера Васильевна, Арина где? — он глянул на вмиг сгорбившуюся женщину. Ее бледные губы затряслись, глаза налились слезами.

— Давай-ка выйдем, поговорим, — Матвеев вывел его на лестничную клетку.

— Что случилось? — Спросил Данил, едва Матвеев закрыл за ними дверь квартиры.

— Даже не знаю, — Димон закурил, предложил Данилу, но тот отказался — курить бросил на выпускном, где они в последний раз виделись с Димоном Матвеевым перед тем, как тот уехал поступать в столичный Институт МВД. — Вера Васильевна заявление написала, что внучка пропала. Ну а шеф приказал мне, как участковому, разобраться, действительно ли девочка пропала или это очередные выкрутасы Аринки с Олегом.

— Разобрался? — Данил сжал и разжал пальцы. Тревога острой занозой зудела в висках.

Матвеев пожал плечами и выпустил клуб дыма, затянулся.

— Арине Вера Васильевна позвонила. Та сказала, что она с Олегом, мол, все в порядке. А когда спросили за Нику — ответила, что та спит. Вера Васильевна рвется забрать внучку, но я ее не пускаю.

— Ну так поехали, проверим сами, — предложил Данил.

— Зачем? — удивился Димон. — Я сам говорил с Ариной. Она помирилась с мужем, попросила его забрать Нику у бабушки, так как сама задержалась на работе. К тому же убедила меня, что мать она предупреждала. Почему та столько шуму подняла — не понимает. Все. Нет состава преступления. Дело закрыто. Мало ли что может примерещиться пожилой женщине.

Он хмуро смял сигарету в пивной банке, прикрученной к перилам в качестве пепельницы.

— Ты давно вернулся? — спросил неожиданно.

— Два месяца назад, — растерянно отвечал Данил. Что-то не давало ему покоя. Не получалось у него поверить словам Димона. Не похожа Вера Васильевна на выжившую из ума старушку. И если она считает, что что-то не так, значит нужно проверить. Кто знает родную дочь лучше матери? — Только я не вернулся, так, улаживаю некоторые проблемы на верфи.

— Я слышал, сокращения у вас грядут.

— От кого слышал? — заинтересовался Данил. Неплохой повод отвлечься от мыслей об Арине и тягостного предчувствия.

— Так будут сокращать? — вместо ответа поинтересовался Матвеев. — У меня отец там работает, не хотелось бы...

— Дим, персоналом я не занимаюсь. Но одно знаю — никаких увольнений не планировалось.

— Хорошо, — приободрился Димон. — А ты надолго?

Данил пожал плечами. Крутов говорил, на пару недель — прошерстить все ли в порядке, а то у него появились подозрения, что исполнительный директор проворачивает через верфи темные делишки. А Данил уже торчит здесь больше двух месяцев и не продвинулся в расследовании ни на йоту. Либо директор чист, либо идеально замечает следы, а может, и притаился пока.

— Значит, прочно обосновался в своей Германии?

— Как-то так, да. Ты лучше скажи, ты уверен, что Арина с Олегом опять сошлись?

— Да хрен их поймешь, Дань, — Матвеев выругался. — Рыжая то шарахается от него по всем углам, то мило беседует и дочку показывает. Я не знаю, — он вздохнул так, что Данилу стало ясно — достали они его со своей любовью-нелюбовью. — Езжай домой, а. Найдешь себе в Германии немку какую-нибудь. А эту дуру Рыжую пошли уже куда подальше. Пусть они с Олегом сами разбираются. Все, счастливо! — и пожав руку Данилу, побежал вниз по лестнице.

Но едва Матвеев скрылся из виду — на лестничную площадку вышла Вера Васильевна, теребя в руках полотенце.

— Данечка, миленький, — она схватила его за руку. — Ну хоть ты поверь — Ариночка не могла Никулю Олегу отдать! Она даже в суд на него подала — чтоб не приближался к дочери, понимаешь? И голос у нее такой был... — голос ее сорвался. Данил обнял ее за плечи, успокаивая. Тревога медленно перерастала в страх, колючей дрожью пробираясь под кожу. — Данечка, помоги мне! Я прошу тебя. Димке все равно, он... Он хороший, но у него служба. А ты... Ты же любил Ариночку. И Ника... она так на тебя похожа... Я прошу тебя... Спаси моих девочек!

Данил промолчал. Высвободил руку Веры Васильевны из своей и сбежал. Он нервничал и сам не понимал почему. Ну сошлась она с Олегом снова — ну так туда ей и дорога! На кой хрен ему разбираться, узнавать что-то. Зачем? Убедиться, что у нее все в порядке? Снова наступить на те же грабли, что и три года назад? Мазохизм какой-то, честное слово. Наверняка Димон прав, а Вера Васильевна преувеличивает. Да еще и схожесть какую-то приплела. С какого перепуга Нике быть на него похожей? У нее отец есть, чтоб походить на кого-то. Да только эти слова засели в голове — не забыть.

— Твою мать! — ругнулся Данил, заводя машину, и рванул в ночь.

Данил остановил машину у ларька напротив пятиэтажек — въезжать во двор не стал. У нужного ему подъезда сидела какая-то парочка, гоготали подростки на турниках, а в окнах третьего этажа было мрачно. Где-то в глубине теплился слабый свет, возможно, свечей или чего-то отличного от привычного электрического освещения. Значит, кто-то есть дома. Вопрос только в том — как туда идти? Что говорить? А если все действительно так, как говорил Димон? Не сделает ли он Аринке только хуже своим появлением? Черт бы побрал эту девчонку! Данил зло пнул подвернувшуюся под ноги смятую пачку из-под сигарет и

присел на лавочку у качелей — подумать.

— О, братуха, — кто-то хлопнул его по плечу и плюхнулся рядом. Данил посмотрел на говорившего — Дэн.

— Виделись уже, — буркнул Данил, пожав приятелю руку. — Привет, Юль, — бросил он подошедшей следом девушке. Та ответила с улыбкой.

— Какими ветрами? — поинтересовался Дэн.

— Олега давно видел?

— Дык, два дня как... — призадумавшись, ответил Дэн. — Про кралю свою спрашивал но я сказал, что не при делах — знать не знаю, с кем она тусит.

— Я его видела сегодня, — вставила Юля, невысокая грудастая брюнеточка, очередная пассия Дэна, — с Рыжей.

— В натуре? — удивился Дэн.

— Да я сама была в шоке, — Юлька присела на скрипучие качели, слегка оттолкнулась ногами. — Он же в последний раз так ее разукрасил, кровящи море было. А тут гляжу — идут под ручку. Я поздоровалась, а Рыжая так глянула на меня... Жуть... Губа разбита, а в глазах такое... брр... Хотела ментам звонить, а ...

Данил не дослушал, его словно что-то толкнуло — он подскочил, отмахнувшись от приятеля, и влетел в подъезд. Перепрыгивая через ступеньки, мчался наверх. По дороге налетел на парня, мазнул взглядом — вроде знакомый — машинально бросил: «Привет», — и понесся дальше. На третьем этаже перевел дыхание, надавил на звонок нужной квартиры — звук канул в пустоту. Данил прислушался — тишина. Он потарабанил кулаком, саданул ногой — ничего. Дернул ручку, предчувствуя худшее — заперто.

А в голове без конца крутились слова Юльки. И Ася его предупреждала. Не дай Бог с Аринкой что-то случилось. Страх ядовитым жалом влез в голову, впрыснул адреналина в кровь. Данил постучал в соседнюю дверь. Открыл пузатый мужик в «трениках».

— Что надо? — недовольно спросил он.

— Топор есть? — прохрипел Данил севшим от страха голосом.

— Иди нахрен, парень, — он попытался закрыть дверь, но Данил поставил на порог ногу. — Слышь, отвали, а то сейчас ментов вызову.

— Вызывай, — кивнул Данил, — но сначала топор.

Мужик хотел что-то возразить, но споткнулся о дикий взгляд Данила и промолчал. А через минуту появился на пороге с топором в руке.

— Что случилось-то хоть?

— Убийство!

— Ох, е-мое, — чертыхнулся мужик, выглядывая в щель за Данилом. — Может, помочь? — неуверенно предложил мужик.

— Ментам звони! — рявкнул Данил и с размаху рубанул топором по двери Олега. Раз, другой — щепки полетели в разные стороны, а после третьего удара в месте замка образовалась дыра. Он всунул руку в дыру, нащупал ключ в замке, провернул, но дверь не поддавалась. Тогда он крутанул ключ в другую сторону, открыл защелку и распахнул дверь. Острый химический запах резанул нос, Данил поморщился. Едкий запах, будто ацетон разлили. В коридоре было темно.

С топором наперевес ринулся по коридору. Споткнулся обо что-то, зазвенело стекло, что-то куда-то покатилося. Данил едва слышно чертыхнулся, сделал широкий шаг, переступая пустые бутылки, сгрудившиеся посреди коридора, и оказался на пороге кухни.

Первым он увидел Олега — тот сидел за столом, запрокинув голову. Данил подошел ближе — в кухне стоял стойкий запах алкоголя с примесью какой-то химии. Зажженный газ разливал слабое свечение по кухне. В раковине грязная посуда, стакан с недопитой мутной жидкостью на столе, пустые бутылки на полу.

Толкнул Олега, тот что-то замычал и завалился на бок. Живой. Данил брезгливо оттолкнул его. Тот повалился головой на стол.

— Арина! — позвал Данил и двинул в комнату. И остолбенел, едва открыл стеклянную дверь.

Свечи на подоконнике и на тумбе у кровати трещали и бросали длинные тени по полу, стенам, играли отсветами в дереве кровати. На постели кто-то лежал и не двигался. Страх холодным дыханием обжег спину, рассыпался мурашками по коже.

— Арина... — позвал он сипло. Никто не ответил. Лишь пламя свечей слегка дрогнуло.

В два шага Данил оказался рядом с кроватью и с трудом подавил сорвавшийся было крик. Из полумрака на него смотрели неживые глаза любимой женщины.

— Нет... — прохрипел он, упав на колени рядом. Дрожащими пальцами он попытался нащупать пульс. — Господи, ну пожалуйста, пожалуйста... — шептал он, понимая тщетность своей мольбы. Руки дрожали, ноги занемели, мир поплыл перед глазами. В неверном свете пламени все казалось страшным сном.

— Арина, Ариночка... — он гладил ее лицо, трогал волосы, словно пытался разбудить, привести в чувства. — Это же я... Я, слышишь? Я пришел, родная моя. Хорошая. Ты не можешь сейчас бросить меня...

Его голос срывался, смешиваясь со слезами.

— Господи, какая ты холодная...

Он попробовал накрыть ее, но ничего не оказалось рядом.

— Сейчас...сейчас...

Он встал, осматриваясь в поисках покрывала или одеяла, и только теперь увидел ее всю.

Голая, она была распята на постели. Белая кожа исчерчена багровыми полосами, как от кнута. На бедрах темнела еще не запекшаяся кровь. Руки и ноги, перетянутые ремнями, в длинных порезах, словно в браслетах. И запах... удушающий, приторный, как плесень. Теперь Данил знал, как пахнет смерть — кровью и плесенью.

— Ну что, заечка, продолжим веселье? — пьяный голос вывел Данила из оцепенения. Он перевел взгляд на появившегося в дверях Олега и понял: «убью».

Первый удар пришелся Олегу в челюсть. От неожиданности тот отлетел к стене.

— Эй...ты... — прогундосил Олег, но не договорил, захлебнулся кровью. За спиной Данила что-то стукнуло, зашипело, запахло гарью. Откуда-то со стороны донесся крик. Но Данил видел только скорчившегося на полу Олега.

Он скулил и хрипел под точно выверенными ударами Данила. Тот бил, не останавливаясь, молча и не чувствуя ничего, кроме холодной ярости. Данил убивал, медленно и смотря в мутные глаза того, кто не был человеком.

Олег уже не скулил, лицо его превратилось в месиво, как кто-то схватил Данила за плечи сзади; он отмахнулся коротким ударом. Попал — под локтем хрустнула кость. Толчок сердца, и шею пронзила острая боль, сменившаяся тьмой.

Артем курил у подъезда, когда приехал Игнат. Полиция уже оккупировала место преступления, опрашивала соседей. Пожарные скручивали шланг, эксперты осматривали тело, вернее то, что уцелело после пожара. А медики не отходили от Данила. Когда он пришел в себя, то едва не разгромил машину скорой помощи, кричал, звал Арину. Медикам пришлось звать на помощь оперативников — те скрутили Данила, а врачи ему что-то вкололи. Судя по утихомирившемуся Данилу — успокоительное. Рядом со скорой стояли участковый и толстяк с заклеенным носом — беседовали со следователем. Тот и к Артему с Настеной подходил, задавал вопросы. Но Настена даже не взглянула на него, а Артем пообещал, что они ответят на все вопросы позже. Следователь понимающе кивнул и ушел допрашивать других. Избитого Данилом мужика, которого Настена назвала Олегом, увезла скорая. Выживет или нет — неизвестно. Черт бы побрал Данила! Не хватало, чтоб его еще посадили из-за какого-то уroda.

Артем со злостью отшвырнул наполовину скуренную сигарету и взглянул на Настену. Она сидела на лавочке, обхватив руками колени, и беззвучно плакала. Убитая девушка была ее подругой. Он шагнул было к Настене, но остановился. Из подъехавшей машины показался Игнат: высокий, поджарый, в стильном костюме — галстука только не хватало. Прямо Ален Делон. Все барышни отзывались о Крушинине именно так, а узнавая о его месте работы, не веря хлопали ресницами. Он был красавчиком и ему с детства прочили карьеру в шоу-бизнесе, но упрямый Игнат, намеренно уродующий себя шрамами и разбитыми коленками с малолетства, выбрал ментуру. Сейчас Игнат был сосредоточен и зол. Артем махнул рукой натянутому как струна другу, подошедшему к машине скорой помощи, где сидел Данил.

— А, к дьяволу все, — выдохнул Артем и, сев на лавочку, усадил Настену к себе на колени и обнял. Она дернулась, уперлась кулачками ему в грудь, но Артем не отпустил. В ее красных от слез глазах темнела злость, губы сжаты в тонкую полоску. — Маленькая моя... — прошептал он, большим пальцем вытирая скатившуюся по ее щеке слезу. И она сдалась. Злость в рыжих глазах сменилась болью и отчаянием. Настена всхлипнула и уткнулась носом в его грудь. Артем поцеловал ее макушку и ощутил, как ее пальцы вцепились в его рубашку на спине. — Не бойся, я с тобой, — прошептал он, прижимая ее к себе, такую хрупкую и дрожащую.

— Вы как здесь? — хмуро спросил подошедший Игнат вместо приветствия и накинул Настене на плечи свой пиджак. Артем молча кивнул, поблагодарил. Настена не отреагировала, только притихла сразу.

— Случайно мы здесь, — ответил Артем, не отпуская Настену. Он знал, что Игнату это вряд ли понравится, но ему было плевать. Уже плевать. — Настена попросила меня...

— Попросила тебя? — перебил Игнат зло. — Что? Набить Олегу морду? А может, убить его?

— Нет, — вместо Артема ответила Настена. Она расцепила пальцы и высвободилась из объятий Крутова, встала. Пиджак соскользнул с ее плеч. — Я к Арине собиралась заехать. Но позвонила Вера Васильевна и сказала, что Арину, — голос ее дрогнул, — убили. А я подарок купила, куклу, как живую... думала, подарю. Ника мечтала о такой. И у нее день рождения сегодня... Ника! А где Ника? — она сорвалась с места, подбежала к скорой, где уже опрашивали Данила. — Где? — она схватила его за футболку. — Ника где?

— Девушка! Успокойтесь! — следователь попытался помешать ей вцепиться в Данила, но Ася оттолкнула его. Тот с матом двинулся к ней снова, но вмешался Игнат.

— Ася! — гаркнул Игнат, с трудом отцепив ее от Данила. Хотя сам парень на нее

вообще не смотрел. — Да успокойся ты! — рыкнул он, когда Настена снова рванулась к Данилу.

— Где Ника? — повторила Настена зло. — Что ты с ней сделал?

— Я? — Данил поднял голову и посмотрел на них, словно видел впервые в жизни. Его бледное лицо как-то вытянулось, черты заострились, а глаза стали черными от горя.

— Твою мать, — едва слышно процедил Артем и подошел к Данилу. Он взял его за плечи, заглянул в глаза — так и есть, сплошная чернота. Он уже видел такой взгляд однажды и знал, что ничего хорошего это не сулит.

— Дань, — позвал Артем. Данил сфокусировал на нем взгляд. — Ты девочку видел в квартире?

— Девочку? — тупо переспросил Данил.

— Да, маленькую белокурую девочку. Ты же ее знаешь, наверняка. Ника, дочь Арины...

— Арина...моя бедная девочка... Я опоздал, Артем, опоздал...Ее больше нет, понимаешь? — он схватил Артема за футболку. — Как я теперь без нее? Как?..

Артем растроено покачал головой — сейчас с парнем разговаривать без толку. Ему надо отдохнуть и прийти в себя, что врачи и советовали следователю. Артем заметил, как тот хмурится. Еще бы, такой подозреваемый и невменяем.

— Вера Васильевна сказала, что девочка пропала, — вмешался участковый: здоровенный детина, ровесник Данила. — Я приехал все проверить, но Арина убедила меня, что все в порядке, дочка с ней и отцом.

— Олег...Это он спрятал Нику. Игнат, — она с мольбой взглянула на Крушинина, — пожалуйста, найди девочку. Я прошу тебя. Она не должна пострадать. Она же...она... — она едва снова не заплакала.

— Не плачь, маленькая моя, — шепнул Артем, приобняв ее за плечи. Но она высвободилась из его рук. Артем грустно улыбнулся, глянув на задумавшегося Игната, своего друга и ее законного мужа. — В квартире девочки не было, — заговорил он. — По крайней мере, на время пожара. Да и Данил или... — он глянул по сторонам, выискивая толстяка с перебитым носом, и нашел топчущегося у подъезда. — Тот парень вырубил Данила? — спросил у участкового. Тот кивнул, уточнив, что толстяк — сосед пострадавшего Олега, и то ли военный, то ли разведчик в прошлом. — Так вот Данил или сосед девочку бы обнаружили, я так думаю. К тому же, как я слышал — соседи видели только Олега с девушкой. Без ребенка. Верно? — участковый со следователем кивнули. — Следовательно, Олег спрятал девочку в другом месте. Где?

Настена бессильно ссутулилась. Артем обнял ее за талию, привлек к себе. На этот раз она не вырывалась. Игнат смотрел на Данила, безразличного ко всему, кроме собственной боли. Игнат как никто должен был понимать племянника, но на его каменном лице не отражалась ни одна эмоция. Надевать маски и прятать свои чувства научила его собачья работа.

— Может, у родителей? — предположил участковый. — Те никогда бы не отдали девочку матери, но и не обидели бы.

— Адрес знаешь? — спросил Игнат.

Участковый лишь кивнул.

— Тогда поехали.

Кирпичный дом приветствовал светящимися окнами. Во дворе горели разноцветные лампочки, шелестели десятки разноцветных воздушных шариков. У калитки буйствовал белым цветом и терпким ароматом жасмин. Склонившиеся через забор ветви сливы гнулись под тяжестью спелых ягод. А в душном ночном воздухе витала тишина с привкусом опасности. Игнат чуял ее каждой клеточкой. Он обошел крутовский джип, на котором они все приехали, подошел к следователю: невысокому крепкому майору, с кем Крушинин служил до своего повышения.

— Оружие есть?

Майор Чучин достал из кобуры пистолет, снял с предохранителя. Игнат кивнул и с тем же вопросом подошел к Артему, который стоял под высоким каштаном. Они остановились через три дома от нужного.

— В бардачке, — Крутов был напряжен: плечи расправлены, руки в карманах, взгляд острый, как бритва, профессиональный; и никаких эмоций.

— Останешься с Асей и участковым. А мы с майором пойдем в дом.

— Шина, — позвал Крутов, когда Игнат уже повернулся к другу спиной. Крушинин усмехнулся проницательности друга — в его голосе слышалось сомнение.

— Я не знаю, Сварог, — произнес Игнат, не поворачиваясь. — Может, я параноик. Но...

Он не договорил. Крутов и так поймет его предчувствие, а значит — спину прикроет, несмотря ни на что.

Калитка была заперта на длинный крючок. Игнат осторожно выудил его из железной петли, толкнул деревянную калитку. Майор шел следом, почти не дыша. Игнат ступал осторожно, но под ногами хрустел гравий; по бокам стопками лежала декоративная плитка. Ветер скрипел шариками, подвязанными к навесу над дорожкой, шуршал скатертью на веранде. За накрытым столом кто-то сидел. Игнат подошел ближе, майор заглянул в окно и отрицательно мотнул головой. Сидящий на деревянной скамье мужчина положил голову на сложенные на столе руки и, казалось, спал. Над ним витал едва уловимый запах вина, а на белой скатерти расплылось темное пятно. Игнат перехватил пистолет, двумя пальцами коснулся шеи мужчины — пульса не было. Предчувствие обретало реальные черты смерти. Игнат откинул тело на спинку скамьи — руки его безвольно сползли со стола, голова запрокинулась, обнажив разрезанное от уха до уха горло.

— Твою мать, — процедил он и глянул на приблизившегося майора. — Вызывай группу, майор, а я в дом.

— Уверен?

Игнат кивнул. Он знал, что убийцы здесь уже нет. Они опоздали. Предчувствие неотвратимого холодило затылок, когда он переступил порог дома, в котором пахло бедой. Этот запах, забившийся в нос, осевший на языке горечью, Игнат знал с детства. С того момента, как в третьем классе переступил порог родного дома и узнал, что теперь он — сирота. В этом чужом доме пахло так же, только никто не рыдал, не пил корвалол, не утешал... Здесь беда лежала мертвой пустотой. Лишь половицы скрипели под осторожными шагами Игната.

По правую руку располагалась первая комната. Из нее доносились голоса. Игнат замер, прислушиваясь, но спустя мгновение сообразил — телевизор. Легкий ветер из распахнутого

окна колыхал занавеску. Игнат выглянул на улицу, но лишь ночь подмигнула плоской луной. А на подоконнике — песок. Игнат задумался, откуда? Ветер нанес или же убийца оставил? Нужно будет проверить почву под окном.

Крушинин осмотрелся. Высокий, под потолок, шкаф-стенка сверкал идеальной чистотой и начищенными до блеска сервизами за стеклом; на диване разноцветные подушки выложены как под линейку; на журнальном столике ваза со свежими цветами, раскрытая книга с пультом на потрепанных страницах; ничего не перевернуто, не сдвинуто, дверцы и ящики шкафа закрыты, книги на полках расставлены идеально ровно.

В кухне тоже царила безупречная чистота: шкафчики и занавески слепили белым, вымытая посуда стекала в сушилке на раковине, стол застелен накрахмаленной скатертью, на которой стояла белая чашка с еще теплым (Игнат коснулся тыльной стороной ладони чашки) чаем. Кто-то пил здесь чай совсем недавно. Скорее всего, хозяйка. Но проверить не помещает, хотя вряд ли убийца настолько туп. Если только не оставил чашку намеренно, что маловероятно. А вот то, что был здесь совсем недавно — факт.

Кладовка и еще одна комната, поменьше первой, но такие же идеальные. Везде ощущалась заботливая женская рука: цветы на подоконниках, вязаные салфеточки, иконы на стенах в вышитых рушниках. Но где же хозяйка?

Ее саму Игнат обнаружил в дальней комнате, судя по обстановке и массе игрушек, детской. Полноватая женщина лежала на полу головой на пороге комнаты лицом вверх: ноги вместе, руки вдоль тела. На немолодом, исчерченном морщинами лице, в раскрытых выцветших глазах застыло удивление без намека на страх. Не ожидала, значит. Кто-то знакомый? Впустила в комнату, не боялась. Судя по расположению тела, убийца находился в комнате. Или же застал врасплох, проникнув через окно. Игнат бросил взгляд на занавешенное окно — вроде заперто. Он переступил через труп, подошел к окну, приоткрыл занавеску: стеклопакет, открывается с одной стороны, но проем настолько узкий, что даже ребенок не пролезет, не то что взрослый. Значит, самапустила в комнату, подпустила слишком близко. Игнат вернулся к телу, присел на корточки. На правом боку трупа расплылось бурое пятно еще влажной крови. Судя по количеству крови били в область печени. Со спины так не ударить. Значит, убийца действительно находился в комнате. Если только не переложил тело, чтобы запутать. Вполне мог — тело лежало слишком неестественно, будто его намеренно так уложили, бережно. Зачем? Надо думать, но и сейчас было ясно, что убийца — не дилетант и не грабитель. И скорее всего, кто-то свой — на теле, в комнате и в доме никаких следов борьбы.

Все на своих местах как будто, да и драгоценности: золотые кольца, серьги и золотая цепочка с распятием, — убийца не взял. Впрочем, грабитель мог прийти за чем-то конкретным. Но почему не пришел, когда никого не было дома? Возможно, искомое находилось в доме только когда здесь были и хозяева. Но что? Или кто?

Игнат осмотрел пустую детскую, повторно обошел весь дом, проверил гараж, заглянул в сарай во дворе — никого. Вернулся к стоявшему у калитки майору — тот уже осмотрел двор и все хозпостройки: курятник, туалет, даже выгребную яму. Пусто. Только в руках майор держал игрушку: самодельного зайца в цветной рубашке с разными ушами — зеленым и розовым. Этого зайца Ася раздобыла на какой-то ярмарке прошлой весной и подарила Нике — с тех пор девочка с ним не расставалась. Майор обнаружил зайца на дорожке за домом. Теперь Игнат знал, за кем приходил убийца.

— В доме еще один труп, — хрипло сообщил Игнат, откашлялся, — еще свежий.

Убийца был здесь недавно.

Вскоре подъехали оперативники и эксперты. Крутов пришел немного раньше. Втроем с майором они курили на лавочке, когда появилась Ася с участковым позади. Из дома как раз выносили трупы.

— А Ника? — спросила совсем рядом встревоженная Ася. — Ника где? Она жива? Что с ней, Игнат? Ты нашел ее?

Но Игнат лишь покачал головой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Июль. 2014 год.

Вторник (накануне пожара). Вечер.

Игнат только вышел из отделения полиции, где держали Даню, и сел в машину. Чертов мальчишка, вляпался-таки по самое не хочу! Еще и Ася не отвечает — поссорились. Игнат со злостью сжал руль.

Игнат был еще дома, когда позвонил Чучин и сообщил, что ночью в больнице скончался Олег Звягинцев. Умер от травм, нанесенных Даней. Так ему врачи сказали, да и шустрый эксперт, сделавший вскрытие, тоже пришел к такому выводу.

— Сукин сын! — процедил Игнат, швырнув на стол мобильник.

— Что случилось? — спросила появившаяся на пороге кухни Ася. Бледная, с синяками под глазами, одетая в тоже что и накануне. Не спала снова.

— Ася, милая, поспи, — вскинулся Игнат, но Ася оцетинилась, как волчица. В его советах она не нуждалась. Любопытно, с каких пор? Игнат расстроено покачал головой. — Ася, так не пойдет. Я тебя умоляю, поспи. Ты же вторые сутки на ногах. Угроишь себя, родная.

— Не твое дело, — огрызнулась. — Я спросила, что произошло?

— Звягинцев умер.

— Слава Богу, — сказала, как плюнула.

А Игнат разозлился.

— Не Богу, Ася, а Дане! Его теперь посадят, понимаешь?

— Будет время подумать, — в ее голосе сквозило раздражение, а глаза сузила от злости.

— Ася, — Игнат вздохнул, пристально глядя на уставшую жену, — нельзя так. Даня — хороший парень.

— Арина — тоже хорошая...была.

— Но он же не виноват...

— А кто? Кто виноват?! — Ася в один шаг оказалась возле стола, уперев руки в столешницу. — Да вы все хороши! Твой Даня думал только о себе! А Арина страдала у него на глазах! Вот пусть теперь на нарах думает!

— Ася...

— Крутов только членом и думает! Меня захотел за помощь! Какая высокая любовь! Скотина.

— Ася!..

— А ты! Ты вообще не мужик! Ты, — она ткнула пальцем в его сторону, — посадил его, правильный такой! Ну что, помогла тебе твоя правильность, совесть заткнула? Ненавижу вас! Арина из-за вас в могиле!

— Ася! — взревел Игнат, перехватив ее запястье. В ее глазах бесновался гнев. — Угомонись!

— Отпусти! — она попыталась вырвать руку, но Игнат не поддался. — Пусти, а то пожалеешь.

— Угомонись, я сказал, и сядь, — не выпуская руку, он силой усадил Асю на стул. Та прожигала его яростным взглядом, возмущалась, но попыток уйти не делала. Решила выслушать? Ну что ж, он не займет у нее много времени. Игнат перевел дыхание. — А теперь послушай. У твоей подружки давно и безнадежно съехала крыша. Она жалела своего недоразвитого муженька и все оправдывала его. Дура. Она не хотела помощи.

— Ты бредишь, — прошипела Ася.

— Дважды ребятки Крутова вправляли мозги этому Олегу. Дважды, — Игнат повысил голос, — твоя подружка выхаживала его, кормила и ублажала, — он поморщился, как от зубной боли. — Лекарства ему покупала, дневала и ночевала у него. Не святой дух же ей ребеночка заделал, да?

— Откуда ты знаешь?

— Я не дурак, Ася, — Игнат присел на угол стола. — И наружку поставил за твоей подружкой. Мои ребята попеременно дежурили с крутовскими. А потом Артем высказал мне по полной, что мы херней страдаем.

Ася смотрела во все глаза.

— Между прочим, твоя Арина отказалась писать заявление на мужа. И показаний не дала, когда я ему статью впаял. И в колонию к нему ездила с дочуркой. А после одного такого свидания... — Игнат осекся, глядя на поникшую жену. И не стал говорить, как Арина приходила к нему и слезно просила защитить ее мужа от домогательств уголовников. Якобы те избивают и унижают его, вплоть до попыток насилия. Игнат тогда сделал вид, что не поверил, хотя Арина говорила правду. Тогда она была готова на все, лишь бы перестали мучить ее драгоценного муженька. И наверное, на что-то и согласилась, раз уж Звягинцева освободили досрочно. Дура она и есть дура. Но как в народе говорят: об умерших либо хорошо, либо ничего? Игнат предпочел промолчать. — Так что не надо, — он вздохнул, — не надо на меня всех собак вешать.

— Почему ты не рассказывал мне об этом?

— Да ты же нас не слушала. Ни меня, ни Артема. Да и твоя подружка поумнела вроде, — Игнат усмехнулся. — Я так думал. Уехать решила. Крутов ей документы сделал. Но она осталась. С мужем.

— Нет, — Ася покачала головой, встала, покачнулась. Игнат поддержал ее, но она отстранилась. Ослабла, как будто из нее выжали всю силу, злость, обиду, гнев — он выжал все своими откровениями. Но когда-то она должна была его услышать. И уже на пороге кухни Ася тихо сказала: — Она осталась из-за Дани...

Больше они не разговаривали. Игнат почти сразу уехал в контору — Ася проводить его не вышла, заперлась в спальне.

А теперь вот игнорировала его, хотя Игнат звонил ей уже трижды. И лишь длинные гудки были ему ответом.

Ольга приезжала в отделение, требовала свидания с сыном. Игнат выпроводил ее домой — все равно увидеться с Даней ей бы не дали. Он сам с трудом уломал Чучина разрешить ему поговорить с племянником. Тот позволил, но Игнат видел, как ему это неприятно. Ничего, не переломится.

Даня выглядел хреново: бледный, под глазами черные мешки, руки дрожат, как у алкаша последнего, — но мыслил ясно. В подробностях вспомнил день убийства. Домой вернулся

утром: накануне у него был заезд, а часов с двух ночи и до утра просидел на верфи, разбираясь с какими-то финансовыми документами. Дома сразу завалился спать. Около полудня приезжала Ася.

— Ася? — удивился Игнат. — Зачем?

— Потребовала, чтобы я вернулся к Арине, — он говорил ровно, отрешился от случившегося.

Что ж, это неплохо, решил Игнат. Так ему будет легче увидеть только факты, без эмоций.

— Почему сейчас? — Игнат задумался. — Помнится, с этой Ариной ты давно расстался. С чего Ася вдруг решила, что у тебя чувства к ее подруге?

Даня пожал плечами.

— Она сказала, что Арине нужна помощь. Что Олег не дает ей проходу, домогается и пытается отнять дочь.

Не впервой, подумал Игнат.

— Что дальше? — спросил.

— Я съездил на верфь, попытался работать, но Арина не шла из головы. Тогда я решил проветриться — погонял на треке. Думал, идиотские мысли выветрятся. Но ничего не вышло, и я поехал к Арине.

— Во сколько это было?

— Я на часы не смотрел...

Впрочем, не важно. Мать Арины подтвердила, что Данил приехал к ней около девяти вечера, там же присутствовал и участковый. Кроме того, участковый показал, что в восемь часов Арина была еще жива и разговаривала с ним по телефону. Значит, убийство произошло между восьмью и девятью часами вечера. Примерно в этот период времени Данину машину видели на набережной. Значит, убить девушку он не мог — слишком много времени ему бы понадобилось, чтобы смотаться на другой конец города, убить девушку, а потом приехать к ней домой опять же почти через весь город. Впрочем, его в этом убийстве и не обвиняли. Спасибо Чучину, хоть до этого додумался. Все сводилось к тому, что Арину Рыжову убил ее бывший муж, за что и поплатился жизнью. Но и за убийство этого Олега в состоянии аффекта Даня может получить три года. Немного, да и приговор можно попробовать смягчить до принудительных работ, но все-таки судимость и пятно на репутации.

Эти свои мысли он и изложил севшей в машину Олесе Лилиной, адвокату Дани.

— Но... — вставила Олеся.

Крушинин задумчиво посмотрел на нее. Короткие черные волосы зачесаны назад, неброский макияж, стильные очки, черный брючный костюм — все это делало ее такой непохожей на ту рыжеволосую бестию, которую он знал всего несколько лет назад. Холодная, чужая — настоящий профессионал, даром что сестра его друга.

— Ты в чем-то сомневаешься, я вижу. В чем, Игнат?

— Я думаю, Олег не убивал свою бывшую жену.

Олеся смерила его пристальным взглядом и кивнула.

— Если Даня действительно видел то, о чем говорит, — она постучала пальцами по торпедо, — то, скорее всего ты прав. Слишком уж убийство... красивое. Да и следы замели умело — огонь сжег только комнату с трупом. Вряд ли бы такое провернул шизанутый алкаш. Но никто не будет искать эфемерного убийцу, когда есть вполне осязаемый, хоть и мертвый. Ты не хуже меня это знаешь.

— Знаю, — хмуро ответил Игнат, взглянув на темный дисплей — Ася не отзывалась. А ему нужно было понять, кто убил Арину, подставил Олега, устранил его родителей и похитил девочку Нику. Но мысли об Асе тревожили его, ему стоило бы помириться с ней, чтобы нормально думать, а он не мог — она не отвечала на его звонки.

— Зачем тебе это, Игнат? — неожиданно спросила Олеся.

— Асе никак не могу дозвониться, — вздохнул Крушинин, — мы утром поссорились и...

— Да брось, Крушинин, — она усмехнулась, прищурила свои зеленые глазищи, — я тебя всю жизнь знаю. Ты вот сидишь и уже просчитываешь все варианты и мотивы. Кто и зачем мог убить эту девушку...как ее?

— Арина Рыжова, — подсказал Игнат, улыбнувшись тому, как действительно хорошо она его знает.

— Вот я и спрашиваю — зачем тебе это надо? За Даню можешь не беспокоиться — никто его не посадит, я все для этого сделаю. Пропавшую девочку ищут. И если она жива, невредима и не вывезена за границу, то ее найдут. Может, нескоро, но найдут. Так что я не вижу причин тебе вмешиваться в это дело, — Олеся закурила. По салону растекся дымный аромат ментола. Игнат открыл окно.

— А как же настоящий убийца? Он-то сейчас разгуливает на свободе...

Олеся поперхнулась дымом, закашлялась. Выбросила сигарету в окно и выругалась.

— Крушинин, с каких пор ты стал таким...правильным?

Игнат пожал плечами, глянул на дисплей. Телефон по-прежнему молчал. Он набрал номер Аси — снова гудки.

— Не переживай, — Олеся улыбнулась уголками губ, — перебесится. Зачем тебе убийца? Хотя нет, не отвечай, — перебила Олеся, едва Игнат раскрыл рот для ответа, — это был риторический вопрос. Знаю я, что ты скажешь. Только сам подумай — убийство, скорее всего, мсть этому Олегу. Его хотели подставить. Я тут навела кое-какие справки. Я думаю, что этот Олег кое-что узнал и кое-что украл важное для тех, с кем сидел.

— Деньги? — ходили слухи, что у воров-законников пропала некоторая сумма из общака. Но был ли причастен к этому Олег?

— Деньги вряд ли взял Звягинцев. Он бы умотал сразу и никто не нашел бы. Но были кое-какие ценные бумаги, компромат на очень крутых дядей. Самое интересное, что тот, кто знал, где они хранятся — был убит как раз в то время, как Звягинцев вышел, и сидел вместе с ним. Кроме того, соседи показали, что к нему заходили бандиты. А одна барышня даже портрет их главаря зарисовала. Вот.

Олеся достала из портфеля лист бумаги. Игнат знал этого человека. И он никак не мог быть живым. Игнат внимательно рассматривал портрет — тот, кто его нарисовал, был талантлив — и не верил собственным глазам. Он пытался убедить себя, что это другой человек, но не выходило. И было непонятно, как он выжил и зачем явился из небытия. Только воскресших трупов Игнату сейчас и не хватало.

— Ты его знаешь, — Олеся не спрашивала.

— Я думал...нет, я был уверен, что он мертв.

— Его брат действительно погиб восемь лет назад.

Брат, значит. Вот оно оказывается как. Теперь Игнат и сам видел, что человек на портрете был непохож на того, другого, и в тоже время имел сходства. А Олеся молча забрала портрет. Снова закурила.

— Я думаю, они прижали Олега, а когда тот стал их шантажировать — решили наказать, снова отправить за решетку. Там им гораздо легче было бы его расколоть. Но все пошло не так. Никто же не знал, что Даня решит навестить Звягинцева именно в этот вечер и случайно забьет его до смерти. Он и сам не знал, что поедет к нему, как и к своей подружке. Я права?

Игнат кивнул. Олеся не ошибалась — Даня сам до последнего не знал, что придет к Арине, вырулил к ее дому на автопилоте и решил зайти. К тому же он признался, что если бы не мать Арины с ее слезами и уговорами, он бы поверил в счастливое воссоединение семьи и вернулся на трек — вытравлять из своей головы Арину скоростью и адреналином в крови. Вот только двойное убийство в загородном доме и похищение маленькой девочки никак не вписывались в расписанную Олесей картину преступления. Если убийца хотел подставить Олега, то зачем было похищать его дочь? Как средство давления, как предположила Олеся? Да, может быть, но убивать зачем? Олеся сказала, что разберется.

А Игнат пытался донести свои подозрения и до Чучина, но тот и слушать не стал. Он всегда искал легкие пути, закрывал глаза на многие нестыковки в фактах и явную связь между преступлениями, принимая лишь то, что лежало на поверхности. И сейчас не захотел объединить дела — чтобы самому себе не вырыть яму. Ему главное дело закрыть по горячим следам.

— Езжай домой, Игнат, — вздохнула Олеся, — мирись с женой. У тебя своих забот полно, не наживай себе еще один головняк.

Хотелось бы Игнату поехать домой, но начальство вызвало на ковер. По дороге в контору забросил Олесю к экспертам — что-то ей не нравилось в их заключении о смерти Звягинцева. Пообещала Игнату сообщить, как только что-то нарвет.

Генерал Демин, багровый от злости, орал на Игната так, что ходуном ходили все его лишние подбородки и жировые складки под кителем.

— Ты что, полковник, совсем охренел?! — бесился генерал. — Ты хоть понимаешь, чьего сына арестовали твои ребята? Ты хоть знаешь, что тебе за это будет?!

Игнат знал, что, если бы он за свою карьеру обращал внимание на все чины и толстые кошельки тех, кого сажал — ему бы давно опротивело собственное отражение в зеркале. Преступник должен сидеть в тюрьме, а убийцы и насильники в первую очередь и без смягчающих обстоятельств. На остальное полковнику Крушину было давно и глубоко наплевать.

Двадцатидвухлетний сынок олигарха, за которого так рьяно заступался Демин, был взят с наркотой в ночном клубе и обвинялся в изнасиловании своей сокурсницы. И ребята Крушнина сделали все, чтобы посадить этого щенка, и чтобы его богатенький папаша не добрался до пострадавшей. А уж гнев генерала Крушинин как-нибудь переживет — не в первый раз ему не сходитьсь во мнениях с начальством. К тому же у Крушнина имелись свои аргументы в защиту. Демин прекрасно осведомлен о них, поэтому не предпримет никаких действий в разрез с отделом Игната. Он просто натравит папашу-олигарха на Крушнина. И генерал не заставил себя ждать.

— Значит так, полковник, — Демин промокнул платком лоб и плюхнулся в свое генеральское кресло, тяжело дыша, — с этим делом разбирайся сам, я умываю руки. А как разберешься, чтоб я духу твоего не видел. Думаю, недели тебе хватит. Отпускные получишь в бухгалтерии. И чтоб два месяца я тебя не видел и не слышал. Надоел ты мне. Свободен.

Игнат возражать не стал — в отпуске он не был лет эдак...в общем, давно. Возможно,

съездит куда-нибудь с Асей, развеется. Правда он подозревал, что Асю на отдых на аркане придется вести. В последнее время у них разладились отношения. У двери своего кабинета Игнат снова набрал номер жены — нет ответа.

— Вот чертовка! — процедил он, швырнув трубку на кипу бумаг на столе. В окно заглядывало вечернее летнее солнце, разбрасывая по кабинету причудливые тени.

Наверняка заперлась в своей студии и рисует. Игнат присел на подоконник. Внизу суета, бесконечный бег большого города, шум машин и...

— Игнат Максимович, — влетевший в кабинет молодой следователь Рудин выглядел растерянным и озадаченным, — Панов только что заявил, что знает, где девочка.

— Какая девочка? — Игнат нахмурился. Панов был тот самый щенок, за которого его еще пару минут назад отчитывал Демин. И что это за заявление такое? Папаша выследил пострадавшую? Не мог. Игнат ее надежно спрятал, сам, чтобы не допустить утечки.

— Ну девочка... Ника... Вы нам вчера ориентировку давали.

Маленькая Ника, дочка погибшей Арины Рыжовой?

— Откуда Панову знать об этом?

— Говорит, сорока на хвосте принесла.

Сорока, значит? Адвокат? Больше к Панову никого не пускали, да и сидел он в одиночке. Передал весточку кто-то с воли? Вряд ли. Не такой уж Панов крутой, чтоб так заморачиваться. Нет у него таких связей. У его отца, да. Но тот вряд ли бы стал опускаться до похищения ребенка. Или стал бы? Тогда точно адвокат. Надо бы потолковать с ним. Но это потом. Сейчас нужно выслушать Панова и оценить, насколько его информация достоверна.

Вот только этот щенок решил с ним поиграть. Ухмыляется, торгуется. Папашей прикрывается. Но сейчас это ему вряд ли поможет.

— Значит, говоришь — знаешь, где сейчас находится вот эта девочка, — Игнат положил на стол перед Пановым фотографию Ники.

Панов глянул небрежно, как на мусор, и Игнату захотелось его ударить. Так, чтоб одним махом сбить спесь с холеной морды. Но он лишь сжал кулак, а Панов кивнул, рассматривая ссадины на ладонях. Хорошо держится. Значит, адвокат его и дозой снабдил. И куда только его разгильдяи смотрят? Уволить бы всех к бесовой матери.

— Ну и где? — вкрадчиво поинтересовался Крушинин, присев на угол стола.

— Мой клиент скажет, — влез адвокат, худощавый мужик лет сорока в дорогом костюме и очках в золотой оправе, — но в обмен на сделку.

— Никаких сделок, — отрезал Игнат. Играть и торговаться у него не было времени, как не было его и у девочки Ники. — Либо ваш клиент говорит мне, где девочка и откуда у него эта информация. Либо сядет за похищение и тройное убийство.

— К-какое еще убийство?! — взвизгнул Панов. Вот и голосок прорезался. — Я никого не убивал! Вы не имеете права! Скажи ему, — он посмотрел на адвоката. И тот сразу же принялся успокаивать клиента и говорить что-то об алиби и времени убийств.

Игнат и сам знал, что Панов никого убить не мог — на момент смерти Арины и похищения ее дочери Панов уже сидел. Но это не могло ему помешать спланировать все раньше. Вот только где мотив? Да и не способен этот щенок на подобное, для такого плана слишком много мозгов надо, а у этого вместо извилин — доза.

— Я слушаю, — перебил Игнат адвоката.

— Я...я не знаю, — пролепетал Панов. — Мне плохо стало ночью. В санчасти кололи

чего-то. Не помню. Утром меня обратно в камеру отправили, а там записка. Вот.

Он протянул Крушину смятый клочок бумаги.

«Хочешь выйти — сегодня скажешь следаку, что девочка в детдоме Солнечногорска».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Июль. 2014 год.

Среда. Вечер.

Игнат смотрел на девушку за стеклом, и позвоночник сводило судорогой от невыносимой боли и дикой, нечеловеческой злости. Ася лежала, укрытая белой простыней, обвешенная трубками и проводками, словно неживая. Лицо в бинтах, на руках повязки, бурокоричневые от крови и лекарств. Войти в палату Игнат не решался. Он чувствовал, что не имеет права быть рядом с ней. Сейчас она принадлежала другому миру. И там, за чертой жизни с ней был тот, кто любил ее больше жизни.

Сварог.

Друг лежал в соседней палате. Выглядел он не лучше Аси: пол лица закрывала повязка, спина будто покрылась черными оспинами, в рытвинах, без кожи, стопы перетянуты бинтами. Алиса сказала, что организм у него сильный, выкарабкается. А за Асю...развела руками и предложила молиться.

— Кому? — тупо спросил Игнат. Он давно уже не верил в Бога.

— А хоть черту, если тот подарит ей жизнь, — ответила она и ушла, оставив его наедине с болью и воспоминаниями.

Молиться Крушинин не стал, да и забыл он давно все молитвы. Ася ругала его за это и все твердила, что нельзя не верить. Без веры нет человека. Она верила: в дружбу и любовь, в чудеса и сказки, в людей, людям, и в Бога. В Бога особо неистово. И в церковь ходила, как на работу. И молилась под ликом Христа, веря в его справедливость и милосердие. И куда в итоге привела ее вера? И вернется ли она оттуда?

Сварог тоже верил в Бога. Хотя в церкви друг был лишь пару раз в жизни. Он был твердо убежден, что все попы, батюшки и прочие сановники существуют лишь для тех, кто свято верит, что за деньги можно купить все, даже место в раю.

Игнат помнил, как Ася говорила, что сумела открыть Господу сердце Сварога, а он, Игнат, совсем чурбан неотесанный. А Игнат не понимал и теперь, как ей удалось склеить исковерканную жизнь друга. Да и его собственную тоже. Он вздохнул и отвернулся от окна, сел на стул у палаты жены.

После того, как их увезли, Игнат рванул следом. Лишь в зеркало заднего вида наблюдая, как стоящие нерушимой стеной пожарные из шлангов заливали рокочущее пламя. Судя по всему, давалось им это нелегко. Рыже-алые всполохи клубами вылетали из разбитых окон, огненной паутиной оплетали дом. А на подмогу спешили новые бело-красные машины, разрезающие ночь светом и воем сирен. По дороге он позвонил Алисе и попросил помочь. Она согласилась без лишних вопросов, узнав лишь номера машины скорой. А потом выяснилось, что она и оперировала Асю.

— Почему? — спросил он, когда Алиса вышла из операционной. Усталая, а в темных, почти черных глазах тоска и что-то еще непонятное, тяжелое. Впрочем, Игнат никогда не разбирался в тонкостях чувств и эмоций.

— Я ее должница, — Алиса коснулась его щеки, провела пальцами по волосам. Она хотела остаться рядом, разделить его боль — он чувствовал и сам с трудом сдерживался, чтобы не обнять ее. Но он знал, что нельзя. Только не здесь. Не сейчас, когда умирали его

близкие люди. И она поняла. Она всегда его понимала. Как Ася...тогда, десять лет назад.

Игнат как сейчас помнил то серое время своей жизни. Хотя нет, скорее безвременье. Пустое, тусклое, одинокое. Не было боли, уже не было. Только серая, как пыль, пустота, затянувшая его душу. А еще стены психушки. Ослепительно белые и мягкие, для особо буйных. И врачи были, лекарства, ремни на запястьях и запрет на посещения...так ему сказали потом. Тогда Игнат не видел ничего, кроме тумана забытья, и белых стен. И чувствовал лишь непонимание, почему он до сих пор здесь, без нее. Кошмары приходили, когда он засыпал. Ночью ли, днем ли — Игнат давно потерял счет времени. Он закрывал глаза, и мир взрывался ослепительными красками.

Пестрые лилии на клумбе у подъезда. Консьерж в черной форме, читающий глянцевого журнала. Зелень цветов в пузатых горшках: синих, красных, желтых. Массивная дверь из мореного дуба, черная с фиолетовым отливом, со сверкающей в розовых лучах встающего солнца серебристой ручкой. Алый плащ на вешалке, белые босоножки. И грязные следы на светлом паркете. Черные розы на журнальном столике гостиной. И багровые полосы на персиковых обоях. Стеклопанель спальни с радужным узором. Солнечный свет, бьющий в глаза, заливающий розовым спальню. Белый ковер в багряных пятнах. Кровь. Темные волосы на белых подушках. Синие мертвые глаза. И черное от крови тело.

И лишь один звук, эхом разбивающийся о стены квартиры. Протяжный, дикий, полный ярости, боли и отчаяния. Вой. Нечеловеческий, рвущийся из горла Игната.

И пыльная пустота внутри. Серая, как вмиг утративший краски мир.

Его пустоту заполнила Ася...

— Игнат, — кто-то тронул его за плечо, вытряхивая из воспоминаний.

Алиса. Измотанная. В белом, как лицо, халате. От нее пахло солнцем и кофе. А во внимательном взгляде боль. Не ее, его, разделенная на двоих.

— Идем, — она взяла его за руку. А ладошка холодная, но сильная. — Тебе нужно отдохнуть. Все будет хорошо, — улыбнулась она, заметив замешательство Игната. Он не хотел уходить, боялся оставлять Асю одну. Несмотря на приставленную охрану, толковых ребят, которым он доверял. Но уходить было страшно. — Здесь с ней ничего не случится. Все будет хорошо, поверь мне.

И Игнат поверил.

В ординаторской было тепло. За окном смеркалось. Алиса сидела рядом на диванчике, поила Игната кофе и пыталась накормить вкусно пахнущими бутербродами. Но кусок в горло не лез. Да и кофе был горьким, словно в него щедро сыпанули полыни.

— Расскажи, — попросила Алиса, забрав у него чашку.

Рассказать? Игнат посмотрел на Алису. Натянутая, как будто чужая. Но все равно родная. Он притянул ее к себе, зарывшись в пушистые волосы. Она тихонько вздохнула и обняла его. Осторожно, будто боялась, что он отстранится и сбежит. Не сейчас. Позже, потому что неправильно быть рядом с другой женщиной, когда его жена на грани смерти.

Рассказать? Пожалуй, он мог бы.

...О маленькой, напуганной девочке Нике, потерявшей маму. Белокурая малышка с большими синими глазами. Игнат нашел ее в том самом детдоме, что был написан в записке. Он беседовал с директором детского дома, выясняя, как девочка попала к ним. Нашел сторож в понедельник вечером. Спящую, у ворот. В полицию сообщили сразу.

...О безалаберных сотрудниках местного отделения полиции, которые даже не потрудились взглянуть на разосланную по области ориентировку о пропавшей девочке.

...о Вере Васильевне, не выпускавшей из объятий внучку.

...об очередной записке от похитителя, которую молчаливая Ника передала Игнату.

...и о страшном выборе между сестрой и женой. Кому жить, а кому умереть?

...о пустых попытках дозвониться Ольге и Асе. О предчувствии беды, холодными пальцами сжавшей затылок.

...и как он выбрал просто потому, что до своего дома было ближе.

...и о своих ребятах, как о последней надежде спасти сестру.

...и о злой шутке похитителя и убийцы. О жутком смехе в трубке и обещании убить всех, кто дорог Игнату.

... о пожаре. Обожженном Свароге и израненной, едва живой Асе.

... и о том, что он опоздал. Везде опоздал. Асю из пожара вытащил Сварог, но спас ли? А Ольгу убили.

...о сочувствующем «Мы опоздали» в трубке.

...о страхе увидеть сестру мертвой. Иррациональном, парализующем.

...и о горькой вине. Ольга мертва потому, что он сделал неправильный выбор.

...как прошлое становится настоящим, а кошмары — реальностью. И как мир снова стал серым.

Игнат мог бы рассказать все это Алисе, чье дыхание обжигало шею, а пальцы перебирали его волосы. И она бы поцеловала его в щеку и принялась разбирать его сумбурные мысли. Спасать Игната от самого себя. Но он больше не мог рисковать. Никем. Алисой особенно.

— Тебе нужно уехать.

— Я не могу. У меня пациенты. Ты же знаешь.

Он знал.

— Ты должна уехать, — настаивал Игнат, глядя ее узкую спину. — Я не хочу, чтобы ты пострадала.

Алиса отстранилась, заглянула в его глаза. Что она там увидела — Игнат не знал, но она кивнула.

— Все так серьезно?

— Если бы я знал...

Слишком много всего случилось за несколько дней. Похищение, покушение и пять трупов. И ни одной зацепки.

— Возьми отпуск за свой счет и уезжай, — Игнат снова прижал Алису к себе.

— Меня не отпустят...

— Придумай что-нибудь. Ты же умная девочка, — он поцеловал ее макушку. — У тебя есть такое место, о котором никто не знает?

— Даже ты?

— Я особенно. Ну так есть?

Алиса задумалась. Молчала долго и в тишине ординаторской было слышно тиканье часов и биение ее сердца.

— Пожалуй, есть, — она улыбнулась. — Я в детстве там пряталась. Убегала из дома и отсиживалась, пока родители не переставали ссориться.

— Для жилья пригодно? — не отставал Игнат.

— Да, я бываю там иногда. Когда нужно подумать.

— Кто знает об этом месте?

— Никто.

— Это хорошо. Очень хорошо. Сегодня же и поезжай. Всем скажешь, что мама заболела или еще что-то в этом роде. Как обнаружить и скинуть хвост, я тебе расскажу.

— Надолго?

Алиса не спорила. Все понимала, его маленькая послушная девочка.

Ответить Игнат не успел — в ординаторскую влетела перепуганная медсестра.

— Там...там... — она задыхалась и тыкала рукой куда-то в коридор. — Там...Скорее...там...это...

Игнат подобрался.

— Что? — прикрикнула Алиса.

— Убили, — выдохнула медсестра.

И Игнат понял, что нельзя было верить и оставлять Асю.

* * *

Тело нашли на посту у реанимации. Плечистый мужик в джинсах и футболке, с растрепанными рыжими волосами и журналом на коленях был мертв. Игнат определил сразу — он как-то умел чувствовать смерть издалека. И, как правило, интуиция его не подводила. Не подвела и на этот раз. Алиса пощупала пульс и лишь покачала головой. Игнат выругался. Семен, которого Игнат буквально оторвал от молодой жены и новорожденного сына, был не просто сослуживец — он был другом и надежным тылом Игнатовой команды. Умный опер с собачьим чутьем. Игнат на минуту остановился напротив тела. И что он теперь скажет Юльке, его жене, которая так не хотела отпускать своего мужа? Как посмотрит в глаза Сениной матери? Убить бы ту сволочь, которая...

Соображать приходилось быстро. Убийца пришел не просто так и не за Сеней. Убить опера есть уйма других возможностей, чем пробираться в набитую охраной и людьми больницу. Значит, цель — не Сеня. Тогда кто? Ответ пришел тут же — Ася. Пару дней назад ее уже пытались убить. Попытка номер два?

— Твою мать, — процедил Игнат, вынув из кобуры под пиджаком пистолет. Пиджак пришлось снять.

— Игнат?

Алиса смотрела встревожено и одновременно так, словно собралась идти вместе с ним. Храбрая девочка.

— Вызывай охрану.

Алиса кивнула.

— Но без моей команды никто не должен входить. Сколько человек в отделении?

По словам Алисы выходило немало, но одна бригада сейчас работала в операционном блоке, а это человек семь. Уже лучше — меньше народа, легче действовать. Вопрос в другом — как? Ответ — как всегда, по обстоятельствам. Лишь бы убийца был еще там. Тогда есть шанс спасти Асю. А если нет...

Думать об этом Игнат не стал, выдохнул и вошел в коридор реанимации.

В стерильном, ярко освещенном коридоре, было тихо и пусто. Медсестры на посту не было. В палате у пациента? Или где-то остывает ее тело? Чувство опасности сверлило затылок. У Асиной палаты сидел Стас. То ли мертв, то ли в отключке. Определить никак —

тот, кто сейчас в Асиной палате, мог его заметить. А там кто-то был.

Игнат перехватил пистолет и вошел в палату. Широкая койка стояла в центре палаты. На ней лежала Ася — в бинтах, как мумия. Медсестра у кровати стояла спиной к Игнату. Она склонилась над Настеной. Нельзя допустить, чтобы она с ней что-то сделала.

— Отойди от нее, — медленно, почти по слогам, произнес Игнат. Но медсестра не отреагировала, продолжала делать свое.

— Отойди от нее, я сказал! — громче повторил Игнат. — Отойди, иначе я выстрелю.

Она обернулась. Игнат встретился с насмешливым девчоночьим взглядом. На мгновение девчонка показалась ему знакомой, но он точно знал, что она не работала в этом отделении. В руке она держала пробирку с темным содержимым. Рядом на постели лежал наполовину пустой шприц с бурым содержимым. Еще один был воткнут в капельницу, и по трубке текла кровь. Твою ж мать! Только не это! Она вводила Настене какую-то дрянь, отчего показатели на ее мониторе менялись как сумасшедшие.

Твою мать!

— Медленно, чтобы я видел, положи эту хрень на кровать и отойди...

— Выстрелишь, и она умрет, — голос у девчонки звонкий, не опасный. А во второй руке какой-то провод. — Он соединяет ее легкие с аппаратом, — пояснила та. — Одно неверное движение и она перестанет дышать. Ей хватит и пары секунд, чтобы умереть.

Игнат не верил. Алиса говорила, что Ася выкарабкивается. Что ее состояние стабилизировалось. Девчонка блефует.

— Не веришь? — она правильно оценила его молчание. — А ты проверь. Стреляй, ну же!

Он понимал, чем рискует. Но и позволить девчонке закончить начатое и убить Асю, Игнат не мог. Он знал одно — выстрелит в голову и у него будет шанс перехватить провод. Он попадет, но тогда не узнает, кто она и почему пришла убить Асю. Выбор был непрост, но Игнат выбрал. Он опустил пистолет. Девчонка победно улыbnулась. В ту секунду, когда она почти отвернулась — Крушинин выстрелил.

* * *

Кто-то звал его по имени. Далеко. И голос знакомый. Но Артем никак не мог понять, чей. И откуда? Тьма вокруг была настолько осязаемой, что можно было сжать в кулаке. Артем попробовал. Ладонь стала липкой и влажной. А тьма, вязкая и пахнущая кровью, льнула к телу. И от ее прикосновений шипела кожа и дергала, нарывая. Артем стиснул зубы. Стряхнул с себя наваждение — тьма отпрянула, и повеяло прохладой. Крутов оглянулся, но ничего не увидел. Вытянул руки. Сперва вперед, но ничего не ощутил. Развел в стороны, утопая в пустоте.

— Тёма! — донеслось издалека. — Помоги!

Крик женский, надтреснутый. И до одури знакомый. Артему казалось важным вспомнить, кто его зовет. И почему именно Артема? Что с ней? Зачем ей помощь? Какая-то догадка мелькнула на грани сознания и растаяла, едва Артем успел ее уловить.

— Тё-ма! — эхом сквозь густую темноту. — Где ты?!

Артем хотел крикнуть в ответ, сказать, что он здесь, что он ее найдет, но вместо слов из саднящего горла вырвался лишь сип.

Он мысленно выругался и сделал шаг. Он не видел пола, а ноги ощущали прохладу кафеля. Почему он босиком?

Но думать было некогда — голос позвал снова. И он стал ближе. Или показалось? Артем ступал медленно, как канатоходец, лавируя во мгле. Шаг, еще один и еще...

— Мне страшно, Тёма... — шепот, тихий, ломающийся. Из последних сил и уже недалеко. — Здесь так темно...

Артем согласился и снова шагнул на голос.

— Где же ты? Я чувствую, ты здесь. Но я тебя не вижу...Ничего не вижу...Где ты, Тёма?

Он был совсем рядом, но никого не видел. Пальцы по-прежнему утопали во мгле и ничего не ощущали: ни стен, ни пола под ногами. Девушка тихо всхлипнула.

«Кто же ты, незнакомка? И почему мне кажется, что я тебя знаю?»

— Прости, — еще тише произнесла она. И было в ее голосе нечто странное. Словно прощание. Артем занервничал.

«Нет, нет, нет! Ты не должна уходить. Только не теперь, когда я так близко».

Артем вдруг понял, если она уйдет — он не выберется из этой темноты. А ему надо выбраться. Там, вне тьмы, его ждут. Он знал точно — ждут. Вот только кто?

«Давай, Сварог, вспоминай! Ну же!»

— Я...мне страшно...и холодно очень. Почему так холодно, Тёма?

Он не знал. Ему было жарко, и пот скатывался по шее.

«Ты только не молчи, девочка. Говори, иначе я тебя не найду».

— Она уже здесь...совсем рядом... — в ее голос прокралась паника. Артем нутром чуял ее страх и...опасность. Близко. А он беспомощен, как котенок, в этой кромешной тьме. Но он шел, наощупь в черной пустоте, где маяком — хрупкий голос незнакомки. Шел, опережая опасность всего на шаг, на удар сердца. Но только девушку по-прежнему не находил.

А она вдруг замолчала. Артем замер. Куда идти? Почему она молчит? Разве она не понимает, что в тишине он ее не найдет?! А ему нужно ее отыскать. Помочь? Нет, не просто помочь — эта незнакомка, ее голос что-то значили для Артема. Что? Он сдвинул руками виски. Черт, он не помнил ничего, кроме голоса в голове!

— Тёма...я хотела...я... — голос дрожал. Он чувствовал страх. Она никогда не говорила того, что пыталась сказать. Артем откуда-то знал это. — Я люблю тебя...всегда... Тёмыч... — выдохнула и пропала. Снова.

А у Артема подкосились ноги, судорога прокатилась от стопы до бедра. Он упал на скользкий пол, ударился спиной о что-то твердое. Зашипел от острой боли. Взвыл бы, если б голос не пропал.

А тьма вдруг вспыхнула. Рыжие языки рвались из окон, хрустели стекла, дым разъедал глаза. И он, пробирающийся в сизом тумане, наплевавший на злой огонь. Он искал ее. Ту, без которой не мог дышать...

— Настена, — выдохнул Артем и открыл глаза.

Яркий свет полоснул по глазам. Поплыли сине-зеленые круги, смешиваясь с красными вспышками. Проклятье! Он ничего не видел, кроме алого марева. Закрыв и открыл глаза — немного прояснилось.

Он осознал себя на твердой койке, лежащим на животе в окружении кучи приборов, жужжащих и плачущих без остановки. Больница. Значит, помощь подоспела вовремя. Артем вспомнил перепуганного и злого Игната, появившегося как раз тогда, когда Артем был на

пределе. Он и отключился сразу. А Настена? Где Настена? Она же только что звала его. Куда она пропала? Паника жалом вгрызлась в мозг, подстегивая к действию. Он попытался подняться на локтях, но руки не пускало. Артем дернул — что-то нервно завизжало над самым ухом. Крутов застонал от вспыхнувшей в голове боли.

— Чтоб тебя... — прохрипел он и все-таки содрал с руки какие-то присоски и проводки. Аппарат над головой не унимался.

«Ну и хрен с тобой», — мрачно заключил он.

На звук должна была прибежать дежурная сестра или врач — один черт. Артем знал, что кто-то должен отреагировать. Но ошибся. Писк раздражал невероятно, но никто не появлялся. Странно. Хотя с другой стороны — ему без врачей будет проще найти Настену. Правды они все равно не скажут, всадалят снотворное, а Настена пропадет. Заблудится в той живой темноте, где звала его. А ему нужно найти ее. И защитить. Без нее он сдохнет, а жить Крутову хотелось долго, счастливо и обязательно с Настенной.

Он уперся забинтованными ладонями в кровать, отжался и тут же рухнул лицом в подушку. Взвыл от дергающей боли, прострелившей руки до плечей. Проклятье! Почему так больно? Он уже давно не испытывал ничего подобного. Очень давно. Врачи говорили, что у него понижена чувствительность. Так что же изменилось сейчас?

Чтобы не заорать, Артем вгрызся в подушку и закрыл глаза. Нужно расслабиться и тогда станет легче. Но только как, если кости словно в мясорубке молотит? Ладони жжет, и горячая кровь стекает по пальцам. И в голове пульсирует и шумит. И сквозь гул эхом отчаянный крик: «Тёма!»

«Лежать нельзя! Там Настена и она в беде!»

Вдохнул-выдохнул, прислушался к собственному телу. Кроме рук — ничего не болело. Пошевелил пальцами ног — на месте. Значит, встать он сможет. Осторожно, без рук, Артем перевернулся на бок. Щеку опалило и тут же отпустило. Медленно коснулся щеки — повязка на пол лица. Хорошо его поджарило.

Рука слушалась плохо, пальцы немели, зато боль стиралась. Уже легче. Так же бережно Артем подтянул ноги и свесил их с кровати. Ноги закололо и стопы задрожали. Сердце сбилось с ритма и норовило проломить ребра. Артем перевел дух. Вдохнул. И на выдохе рывком сел. Замутило, в глазах потемнело. Спину обожгло, будто кожу содрали. Артем глухо застонал.

Передохнул. Тошнота прошла, в глазах прояснилось.

Тяжело дыша, Крутов осмотрелся. Палату заливал голубоватый электрический свет. Две койки, его и вторая, пустая. Куча аппаратов, отключенных и расцвеченных мигающими цифрами, компьютер на посту за стеклом. Медика на посту не было. Странно. В реанимации, а в его состоянии Артем мог находиться только там, нельзя покидать пост надолго. А судя по тому, как давно монотонно и раздражающе пищит монитор его сердца — медсестра отсутствовала долго.

Подозрительно.

Холодок пробежал по позвоночнику. Предчувствие беды стиснуло сердце. Надо спешить!

Артем опустил забинтованные стопы на пол. На белый кафель накапала кровь. Ноги тоже были в крови. Проклятье! Откуда только столько? Крутов встал. Под ногу словно камнем ударили. Стопа вывернулась, и Артем упал, как подкошенный. От удара боль вспыхнула с новой силой, острыми шипами проткнула тело. Артем закричал, но голос

сорвался на хрип. Носом пошла кровь.

Мысленно проклиная все на свете, Крутов зажал нос, запрокинул голову, выжидая. Когда кровотечение остановилось, подполз к койке. Стиснув зубы, вцепился в бильце, подтянулся. Судороги перекатывались по мышцам, заставляя Артема глухо рычать от боли и злости. Стал на колени. Лицом уткнулся в матрац. Дыхание срывалось, в легких хрипело. Мозги затапливало мутью. Тело трясло как в ознобе. Нужно осмотреть ногу. Сел на пол, подтянул кровившую стопу.

— Сука... — прохрипел Крутов.

Кто-то перерезал ахиллово сухожилие, и теперь он не то что ходить, стоять не сможет. Сам получить такую рану Артем нигде не мог — разве что разрыв, а тут порез, аккуратный и еще свежий. Кому-то очень нужно, чтобы Артем не смог ходить. И этому кому-то показалось недостаточным бессознательное состояние Крутова. Раз этот кто-то так рисковал — пробрался в больницу, в реанимацию, куда попасть не так и просто, не побоялся, что его здесь застукают. Или же...

Проклятье! Да он же подготовился — недаром медсестры на посту нет уже хренову тучу времени.

Он пришел за Настеной! И сейчас он убивал ее, а Артем — идиот!

— Сварог?

На пороге стоял Игнат.

— Ася? Где Ася? — горло сдавил спазм.

Артем поднялся. Игнат подхватил его. Лицо бледное, руки дрожат.

— Ася?!

Артем схватил друга за ворот футболки.

— Успокойся. Ася жива... — поспешно проговорил Игнат, усадив Артема на койку и сев рядом. Но во взгляде друга было что-то тревожное. И руки дрожали. У Шины, мента де мозга костей, никогда не дрожали руки. Даже когда погибла Дашка — рука его оставалась твердой. Что же стряслось?

— Он приходил, да? Тот, кто хотел сжечь Асю...

— Да... — Игнат сжал кулаки.

— Кто?

— Он оставил метку, — хрипло говорил Игнат, сжимая и разжимая пальцы. — На безымянном пальце. Как у Даши...

Артем непонимающе посмотрел на друга. То, что он говорил, не могло быть правдой. Мертвые не воскресают. А тот, кто убил Дарью Крушинину — отправился в ад восемь лет назад.

— Что с Асей?

— Врачи делают все возможное, но... — сухо, отрешенно, как будто не о жене. Скотина!

— Ты же обещал! — взревел Артем. — Клялся! Ты...

Он бы ударил, размазал лучшего друга по стенке, если бы были силы. Но он не мог. Как не мог сидеть на месте и смотреть на безучастного Игната. Он должен сам увидеть Настену. Должен быть рядом с ней. Она ведь звала его. Его! Будь оно все проклято!

Идти было больно. Он хромал, подволакивая травмированную ногу. Вторую дергало и выворачивало не меньше, и кровь пропитала повязку. В голове гудело, стены плясали — Артем даже врезался лбом на выходе в коридор.

— Куда ты собрался? — снова Игнат оказался рядом. — Мы там ничем не поможем.

— Говори за себя, — огрызнулся Артем и вышел в коридор, игнорируя помощь Крушинина.

В коридоре было оживленно. Медики носились, как оглашенные. Кто-то едва не сшиб его. Нога подкосилась, Крутов пошатнулся, но устоял. Голова закружилась.

— Вы что здесь делаете? — встревоженный женский голос.

— Ему нужно к Асе, — за Артема ответил Игнат.

— Вам нельзя, — девушка поддержала Крутова. — Мы делаем все возможное... — голос мягкий, как пух. — Все будет хорошо, — а на Игната посмотрела обреченно. Думала, Артем не увидит? Зря...

— Я хочу знать, что происходит, — настаивал Артем. — Пусти.

Она снова глянула на Игната. Артем тоже посмотрел на друга. Тот кивнул. А Артем слету все про них понял. Вот оно значит как...

Девушка-врач подвела его к окну в палату.

— Алиса! Сюда! — и девушка оставила Артема, влилась в толпу врачей, окруживших койку, где лежала Настена.

Она казалась неживой — аппаратам он не доверял, те словно сошли с ума, моргали запредельными цифрами. А спустя секунду линии на мониторах изогнулись и тело Настены выгнулось, забилося в судорогах. Нет, только не это! Он не может позволить ей пережить это снова. Нужно предупредить врачей. А он не мог и шагу сделать. Знал, оторвется от стены — упадет, и тогда уже ничем не поможет Настене. А он должен!

— Сейчас, родная, сейчас... — шептал он, по стеночке пробираясь в палату. — Ты только потерпи, я сейчас.

Он глянул через плечо, туда, где стоял Игнат — друга в коридоре не было. Похоже, тот уже все для себя решил и отпустил Асю. Но Артем так просто не сдастся. Черта с два!

Собрав все силы, он оторвался от стекла, ввалился в палату. Зацепил стойку с капельницей — звон металла о кафель эхом разбился о стены. Кто-то обернулся.

— Инсулин... — прохрипел Артем.

Рядом оказалась та девушка-доктор — Алиса, кажется.

— Что? — спросила, поддержав Крутова.

Дышать было трудно, говорить невозможно, но он выдохнул со свистом:

— Ей нужен инсулин...

Она кивнула, скомандовала медсестре.

— Спасибо, — одними губами произнес Артем.

И такая уже знакомая темнота обняла его холодными объятиями.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

12 лет назад.

Май. Суббота. Вечер.

В клубе было многолюдно. Бармен не знал отдыха, то и дело подливая алкоголь хихикающим девицам или разомлевшим парням, парочка из них уже вырубилась прямо за стойкой, еще один упорно заказывал новую стопку. Основная публика зажигала на танцполе. За круглыми столиками смеялись размалеванные кралои, а мажоры пожирали их глазами и облапливали все, что могли достать, некоторые парочки уже целовались. А одну даже охране пришлось разлеплять, а то еще немного и занялись бы сексом прямо на барной стойке.

Ася потягивала молочный коктейль и скучала. Она видела это почти каждый вечер, с

одной лишь разницей в декорациях, хорошо хоть клубов по побережью — пруд пруди. И обычно все заканчивалось одинаково — какой-нибудь дракой, новой интрижкой, пьяными девицами, согласными на все с первым встречным. А Ася оттягивалась на танцполе — танцевала до потери пульса, пока сил оставалось лишь на то, чтобы отбиться от назойливых ухажеров, поймать такси и добраться до постели. Надоело. Скука смертная. Поэтому сегодня она договорилась о ночном погружении. Пришлось непросто — ее инструктор говорил, что она еще не готова — всего-то три месяца тренировок — но Ася всегда добивалась своего.

— Окей, — она улыбнулась своей коронной голливудской улыбкой, — тогда сегодня я напьюсь и пересплю с первым попавшимся мужиком. А когда утром мой драгоценный папочка вытащит меня из чужой постели — я непременно поведаю ему, что могла провести вечер иначе, но...

Мастер спорта по дайвингу Владимир Зорин, высоченный, накачанный, смерил ее настороженным взглядом. Он ненавидел, когда ему угрожали или шантажировали. Ася знала. Как и то, что он не боялся ее отца. Он вообще никого не боялся. Но к ней всегда относился как-то по-отечески. Поэтому просто поверил, что она так и сделает. Зорин так и сказал, хмуро кивнув:

— Дури тебе не занимать...

А потом согласился, но мрачно пообещал, что эту ночь она не забудет никогда.

Теперь Ася знала, что следующая тренировка будет тяжелой, но она не боялась трудностей. Она хотела увидеть подводный мир ночью. А еще ей не хватало адреналина и новых ощущений, которые помогут забыть.

До времени погружения оставалось больше часа, когда позвонил Зорин. Из-за клубного шума Ася почти не слышала, что он говорил. Пришлось выйти из зала. Вечер дурманил терпким запахом цветущих деревьев, манил веселыми огнями.

— Ася, езжай домой! — злился Зорин. — Я не хочу отвечать еще и за тебя.

— Дим, я тебя не поняла. Прости, я в клубе была. Что случилось?

— Марат в больнице, — в голосе звучал металл. — В шторм решил понырять, идиот, — он витиевато выругался. Ася усмехнулась — ругался матом ее тренер крайне редко. — Тренировок и погружений пока не будет, — снова металл. — Как что-то станет известно, я позвоню.

Марат был партнером по дайвингу Аси. Он учил ее правильно дышать, показывал, как надевать снаряжение, обучал премудростям общения под водой. Он был ее другом. И она не могла бросить его в беде. Друзья так не поступают.

— Я сейчас приеду.

— Нет, — отрезал Зорин. — Езжай домой, иначе я позвоню твоему отцу.

— Скотина, — прошипела Ася в трубку, но Зорин уже не услышал ее — отключился.

Нельзя чтобы отец узнал о Марате, иначе он запретит ей заниматься дайвингом. А если Ася сейчас поедет в больницу — Зорин сдержит слово, с него станется. А вдруг Марату понадобится помощь? Лучшие врачи, лучшая больница? Она ведь даже не знает, что с ним. А если что-то серьезное? Тогда придется рассказать отцу — он все может. Сможет и помочь. Только бы все обошлось. Договариваться с отцом — все равно что продать душу дьяволу. Нужно отвлечься. В клубе скука смертная. Дома она точно свихнется пока дождется новостей от Зорина. Оставался «Домино» — бильярдный клуб.

В «Домино» всегда царила особая атмосфера уюта и легкого, едва уловимого азарта. Здесь никогда не было случайных людей: хихикающих девиц или выпендривающихся

мажоров. Это был особый клуб, где пахло дорогим алкоголем и не менее дорогим парфюмом; где мужчины были охотниками, пусть лишь за победой в партии, а женщины — прекрасным украшением. Место тихих неспешных бесед, полуулыбок, зрелых мужчин и чарующего перестука шаров.

Ася присела на кожаный диван вдали от столов. За спиной кто-то разговаривал по телефону — Ася слышала только один мужской голос.

А в зале царило волшебство. На ближних двух столах мужчины играли в «пирамиду»: одна пара играла легко и без азарта, скучные партнеры ее отца; игра других была напряженной, каждый удар выверен, а промахи заставляли раз за разом долго выбирать комбинацию для следующего подхода. Этих двоих Ася видела впервые, а в этом клубе она знала если не всех, то многих. В центре зала карамболом завораживала семейная пара — хозяйка клуба, набравшиеся мастерства бильярда по всему миру. Они практически всегда играли за одним столом, говорили, что карамболь — зеркало мастерства игрока в бильярд. Асе нравилось наблюдать, сколь сложные и красивые удары они совершают. К партии в пул готовился полноватый мужчина сорока лет — прокурор Шемятин. А за соседним столом с разгромным счетом победила Анфиса Соборная — самая молодая и самый честный судья города. А ее раздосадованный соперник — ни кто иной, как матерый адвокат Саблин, верткий мужик с добродушным лицом и волчьей хваткой.

Партию в снукер закончили двое друзей — их Ася видела здесь чаще всех. Один — поджарый, темноволосый со смуглым лицом плейбоя. Бежевый льняной костюм модного бренда шикарно оттенял его загар, а кожаные броги прямо кричали дороговизной. Запросто можно принять его за модель или актера, если не знать, что Игнат Крушинин — майор милиции, следовательно с безукоризненной репутацией. Вот такой вот парадокс. Даже его друг — нейрохирург в линялых джинсах и темно-синей рубашке выглядел скромнее, хотя в частной клинике, думается, зарабатывал побольше мента. Впрочем, стоило взглянуть на белоснежный «Ровер» хирурга Туманова и вопросы скромности и достатка отпадали сами собой. На его тачку только и можно смотреть — ибо сам Туманов жутковато выглядит с этим шрамом на верхней губе и зубами напоказ, как будто кусок рта вырезали. Урод, одним словом. Но врач, говорят, от Бога. А от девицы в их компании глаз не отвести, равно как и от ее мужа-мента. Да и девицей ее, пожалуй, грех называть. Осанка, манера говорить и держать себя в обществе выдавали в ней леди. Наверняка, если покопаться в ее биографии — так и предки дворянских кровей сыщутся. Высокая, в элегантном черном платье, облегающем идеальную фигуру, как вторая кожа. Точеный профиль, слегка раскосые глаза, темные волосы, собранные на затылке цветком. Ася вздохнула. Ей, с ее полутора метрами, непослушными волосами, завивающимися мелкими кудрями, рыжими веснушками и глазами грязно-желтого цвета не потягаться с такой шикарной женщиной.

Может, поэтому Асе и мужики попадались дерьмовые. Как высоченный блондин, флиртующий с грудастой девицей в вызывающем красном платье, едва прикрывающем задницу. Сын мэра и бывший бойфренд Аси потягивал мартини и бахвалился своей крутостью в игре в снукер.

— Сволочь, — прошипела Ася и вышла из полумрака дивана. Она знала, чем завлечь Ника. А ей просто необходимо было сбить спесь с этого козла, стереть его в порошок. И ничего лучше публичного позора не придумать. Проиграть какой-то пигалице — это ж позор. А если сыграть на желание или на его любимую тачку, с которой этот хлыщ пылинки сдувает, и выиграть. Ася улыбнулась, представив себе физиономию бывшего, и замерла

посреди зала.

— Предлагаю турнир! — громко заявила она. Стих перестук шаров, умолкли голоса. На нее обратили внимание. Если не все, то многие. И Ник в том числе. На его бледной физиономии читалось удивление. — Три партии! В случае выигрыша, четвертую, финальную, партию я играю с ним, — Ася кивнула на бывшего. — С ним играю на желание.

По залу прокатился смешок.

— Детский сад, — проблеяла девица в красном.

На нее смотрели как на маленькую, глупую девочку. Обиженную девочку. И лишь компания Туманова глядела с интересом.

— А если проиграешь? — спросил Ник. — Что получит победитель?

— Меня, — легко ответила Ася, крутнувшись на носочках. — В любом качестве. Жены, любовницы, содержанки. Кому что больше нравится. И как бонус — покровительство моего отца. Надеюсь, никому не надо объяснять, кто мой отец.

Она обвела взглядом зал. Тишина была гробовой, даже тихая музыка, создававшая фон, стихла. Мужчины обдумывали ее предложение. Бросали косые взгляды. Не каждый день дочь хозяина города так безрассудно предлагает себя любому желающему. Некоторые даже всерьез обдумывали, а не позвонить ли ее отцу, чтобы тот выпорол глупую девчонку — Ася читала это желание по их лицам. Она усмехнулась — пусть попробуют. Отец сейчас отдыхал на Гоа с очередной молодухой и на Асю ему было глубоко плевать. Впрочем, Ася его не волновала и в другие времена. Его заботил только брак с пялящимся на нее сынком мэра. «Власть должна быть абсолютной» — коронная фраза отца. И этот абсолют должна была предоставить ему младшая непутевая дочурка, так вовремя влюбившаяся в нужного парня. Что ж, придется нарушить планы «любимого папочки».

Главное, чтобы нашлись охочие до азарта и хорошеньких девочек. Нашлись. Да и Ник не остался в стороне. Ася по глазам видела, как ему хочется указать ей ее место — послушной дурочки, не обращающей внимания на маленькие шалости своего будущего мужа. Да и упустить шанс породниться с Антоном Гуриным он не имел права. Его за это папаша-мэр землю жрать заставит. Ася улыбнулась, когда Ник согласно кивнул. Рыбка заглотнула наживку.

— Я с удовольствием с тобой развлекусь, лапочка, — Ася посмотрела на бритого качка и подумала, что ошиблась и в это благородное место иногда забредают вот такие... придурки. Ну что ж, это будет легкая победа. Этот детинушка и в подметки не годится ей, как игроку. Да и как женщине впрочем тоже.

Асе передали ее кий, легкий, гладкий, изящный, будто ее продолжение. Она приняла вызов. Играть было легко. Она даже не особо задумывалась, как и куда бить. Все получалось само собой, на одном дыхании. Вдох — первый удар. Выдох — и партия сыграна. Со второй дело обстояло сложнее — соперник слишком долго думал над каждым ударом, сдувал с кия несуществующие пылинки, протирал руки платком. Это раздражало. Оттягивало момент сладкой мести. Успокаивало лишь мрачающее лицо бывшего, который наверняка уже пожалел о своей согласии. Но отступать — значит струсить, а для него — это равно смерти. По крайней мере, он сам так говорил. Впрочем, мог врать. Ведь врал же, что любит, и за Асю в огонь и в воду.

Наверное, она сильно увлеклась, что не заметила, как соперник допустил ошибку, стоящую ему партии, а улыбчивый парень поставил ей новый стакан минералки вместо случайно кем-то опрокинутого. Ася тряхнула головой, глотнула воды. Минералка сильно

горчила.

— Что за дрянь? — поморщилась она, всунув стакан кому-то позади.

Ее ждал третий соперник — дружок бывшего, нагло ухмыляющийся Асе с высоты своего двухметрового роста. Сын мэра выставил перед собой чемпиона города по снукеру Виталия Солонова. Асе нравилась его манера игры — быстрая, четкая, с много сотенными брейками в завершении партий. Но вот его странное, почти маниакальное желание получить ее — настораживало. Раньше его останавливал Ник, а теперь тот дал добро. Значит, решил сперва проучить Асю. Ну что ж, пусть попробует. Но, похоже, Солонов опоздал...

— Я играю, — низкий, с хрипотцой, голос прозвучал тихо, но настойчиво. Все как один повернулись к его обладателю.

Он сидел на углу стола для «пирамиды», скрестив на груди руки. Широкоплечий, крепкий, невысокий. Но далеко не красавец: лицо широкое, скулы высокие, нос кривой, короткий ежик смоляных волос и легкая небритость. Он вообще был весь черным: рубашка с закатанными рукавами, кожаные перчатки, брюки и остроносые туфли. У него даже кий был из темного, почти черного дерева — в тон к его смуглой коже.

— Тоже мне Бэтмэн выискался, — фыркнула Ася.

«Бэтмэн» Асину колкость оценил, улыбнулся широко, обнажив идеально ровные белоснежные зубы. Только от этой улыбки неожиданно захотелось залезть под стол.

— Увы, но... — попытался возразить Солонов, но «Бэтмэн» одарил его таким взглядом, что у Аси мурашки пробежали по спине.

Да, энергетика у мужика бешеная. Вон как Виталий побледнел и стушевался. Да и Асе было не по себе. Но когда он подошел к столу и сделал первый удар — Ася поймала себя на мысли, что хочет его нарисовать. Черной гуашью на девственно-белом холсте. Небрежными мазками, самыми кончиками пальцев. Как в детстве. Странно. Она уже давно не то что не держала в руках кисть, но и не вспоминала, что умеет рисовать. А сейчас вот захотелось, да так, что пальцы зачесались. И к тому же этого некрасивого, пугающего мужика, загоняющего в лузу шар за шаром. Он играл быстро, но четко, выверяя каждый удар. Как будто в этой партии была вся его жизнь.

Но Асю волновало другое — этот «бэтмэн» лишал ее удовольствия отомстить. А видеть довольную рожу своего бывшего было выше ее сил. Когда она затевала все это, то и предположить не могла, что найдется кто-то настолько крутой, что разделает ее под орех. В этом чертовом городе не было никого, кто мог бы сравниться с ней в игре. Никого, кроме этого мужика с черным кием. Мужика, которого она знать не знала и не хотела знать. Не говоря уже...

От мысли, что она вот-вот проиграет и придется выполнять свое обещание, Асю замутило. А что-то подсказывало, что этот «бэтмэн» не отпустит ее просто так, ведь не из праздного любопытства он устроил это показательное шоу с сотенным брейком. И именно в тот момент, когда до ее мести оставался всего шаг в лице Солонова, который с восторгом наблюдал за Асиным соперником. Неужели это все происки Ника? Вон как гаденько улыбается. Еще и отсалютовал ей бокалом с мартини. Сволочь. И этот «бэтмэн» тоже скотина редкостная. А вроде солидный мужик, богато одетый, да и кий у него эксклюзивный, сделанный на заказ — Ася в таких вещах разбиралась. Ну и нафига ему понадобилась Ася? Захотелось острых ощущений?

В горле пересохло. Ася залпом осушила стакан минералки, заказанный перед партией, и встретила с черными глазами человека, уничтожившего ее на глазах у местного бомонда.

А это почти что раздеть догола на центральной площади перед всем городом. Рисовать его расхотелось. Зато остро захотелось сбежать. Она могла, и хозяин клуба ей бы помог вне сомнений. Но доставлять такое удовольствие Нику она не станет. Анастасия Гурина — дочь своего отца и всегда держит свое слово. В конце концов, не станет же этот самодостаточный мужик на ней жениться и рабство давно отменили. Да и хороший секс ей сейчас не повредит. А Ася была уверена — с таким мужчиной секс должен быть потрясающим.

Она сделала глубокий вдох, выдохнула, положив на зеленое сукно свой кий, и улыбнулась.

— Поздравляю с победой. Может, выпьем и познакомимся?

Но что-то пошло не так. В голове зашумело. Мир как-то странно изменился, растянулся. Ася покачнулась и схватилась пальцами за край стола. Что за ерунда?

— К черту реверансы, — усмехнулся «бэтмэн», подхватив Асю под локоток. — Я люблю все и сразу...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Июль. 2014 год.

Четверг. День.

— Расскажи, — попросила вдруг Алиса.

Она сидела с Артемом с тех пор, как он пришел в себя.

Первым желанием в те минуты было рвануть к Настене, прижать ее к себе и не отпускать, пока не очнется. Алиса желание не одобрила, но помогла. Притащила инвалидное кресло, взвалила на себя Артема, хоть тот и упирался, и пересадила в кресло.

— Я это не ради тебя делаю, — ответила Алиса на его благодарность. — Мне нужен Игнат, только и всего.

Да, все правильно. Докторша ради себя старается. Думает, увидит Настена Артема и ту же растает. Наивная. Хотел бы Игнат, давно развелся бы. Нельзя заставить человека быть с тобой, если он не хочет. И эта симпатичная докторша все понимала. Да вот только любовь такую, изнуряющую и безнадежную, не вытравить из сердца. Крутов знал это как никто.

Алиса остановилась у окна палаты. С Настенной был Игнат. Он сидел у ее постели хмурый. Не держал за руку, не улыбался ободряюще, как должен делать всякий у постели больного. Игнат злился и, кажется, спорил с Настенной. Артем перевел взгляд на Настену и встретился с ее рыжими глазами, полными слез. Он махнул ей забинтованной рукой, улыбнулся и показал поднятый вверх большой палец. Она знала этот его жест, что все будет хорошо. Слабо улыбнулась в ответ и отвернулась.

Уже в своей палате Артем спросил Алису о том, что произошло.

И она рассказала. Сбивчиво, закусывая губу. Переживала за Игната до сих пор, хоть все и обошлось. А потом попросила рассказать. Артем не стал спрашивать, о чем. Догадался. Странно, что ее не заинтересовало, почему не страдающей диабетом Настене помог инсулин. Она не спросила. И Артем просто рассказал Алисе о себе и Настене. О той любви что случилась между ними двенадцать лет назад. О самом лучшем, что было между ними. И впервые воспоминания не причиняли боль. А когда он прервался — она задала один вопрос.

— Почему ты так легко ее отдал? Ведь любишь же...

Простой вопрос, на который Артем не знал ответа. Он действительно отдал Настену Игнату. Собственными руками пересадила ее из своей в машину друга...

... — Он делает меня лучше, — прошептала Настена, кутаясь в покрывало. Прячась от его пристального взгляда. Маленькая, несчастная.

Боль колючим льдом засела в груди, не давая дышать. Комната расплывалась перед глазами. Ярость душила. И Артем с трудом сдерживался, чтобы не разнести все к чертовой матери. Чтобы прямо сейчас не убить того, кто отнял у него женщину. И плевать, что этот кто-то его лучший друг. Всего один звонок — и Настена никуда не уйдет. Он знал. Всего один звонок.

Артем отвернулся от Настены. Молча натянул брюки, рубашку. Схватил мобильник и вышел на улицу. Прохлада защекотала кожу, забралась в волосы, осела росой на пальцах. Артем уперся ладонями в деревянный забор, выдохнул. Набрал номер.

— Кирилл, мне нужен Садовник.

— Как срочно? — буднично поинтересовался Кирилл, ничему не удивляясь.

— Вчера! — рявкнул Крутов и отключился.

Всего один звонок. Он не отдаст Настену. Никому. Она его! Его женщина! Если понадобится, увезет ее на край света и запрет, чтобы никто и никогда не прикасался к ней. Если понадобится — убьет даже лучшего друга.

— Темыч... — звонкий голос за спиной. Он обернулся.

Настена стояла на крыльце. Подвенечное платье искрилось золотом. Рыжие волосы волнами струились по плечам. В янтарных глазах сожаление. А в голосе мольба и уверенность в том, что он задумал. Уверенность и неверие.

— Не нужно, я прошу тебя.

Она спустилась на влажную траву. Босая.

— Простудишься... — произнес он и не узнал собственный голос.

Она не обратила внимания. Подошла к нему. Совсем близко, что Артем слышал стук ее сердца, сбивчивое дыхание. И запах... Дыня и подсолнух...

— Ты сильный. Ты справишься, — она коснулась его щеки. — А он без меня пропадет. Понимаешь?

— Кто пропадет? Игнат? — Артем усмехнулся и поцеловал тонкое запястье. — Настена, ты плохо его знаешь...

— Темыч... — ее голос дрожал, пальцы казались ледышками. Артем подышал на ладошки, согревая. — Он же твой лучший друг. Самый близкий человек. Мы не можем с ним так поступить. Это подло.

— Подло? — Крутов сжал ладонь, непонимающе посмотрел в лицо женщины, которую любил до одури. — А давать клятву мне, а теперь сбегать к нему — не подло?

— Я люблю его, — прошептала Настена, закусив губу. В рысках глаз черными точками проступило отчаяние.

Артем вдруг ощутил, что еще немного и сдохнет. От боли, отрывающей от него кусок за куском, как душманская «лягуха». От безнадеги и тупой, уничтожающей ненависти.

Настена молчала, а Артем всматривался в ее красивое лицо. Тонкое, словно вырезанное из фарфора. Смотрел и не находил того, что хотел.

— Темыч...

— Не надо, — перебил Артем. — Этого больше не надо. Я все понял, — он убрал ее руку, отступил на шаг. — Не дурак. Но только я хочу, чтобы и он запомнил, чью женщину захотел.

— Ты не посмеешь, — прорычала Настена, сжав кулачки.

Артем усмехнулся и набрал номер. Настена кинулась на него. Артем среагировать не успел. Телефон вылетел из руки. Лицо обожгло.

— Твою мать, — выругался он, пытаясь поймать Настену. Но она изворачивалась и брыкалась, попутно проклиная его. Щека горела от пощечины. На шее наверняка останутся следы ее ногтей.

Ему все-таки удалось перехватить ее руки, прижать к себе.

— Ты не можешь... — задыхаясь, шептала она, — ему все рассказать. Ты...ты...

Она попыталась вырваться, укусила его за руку. Артем коротко взвыл, но не отпустил. Где-то зазвонил телефон. Наверняка Игнат звонит. Ничего, перетерпит.

— Надоело, — выдохнул он и подхватил Настену на руки.

— Ты что задумал?

Крутов лишь улыбнулся в ответ.

— Ты...ты... — задохнулась Настена от возмущения. — Ненавижу!

Больше слушать ее Артем не стал. В доме швырнул на кровать. Сам вышел в ванную, глянул на себя в зеркало. Так и есть — на шее красовались четыре алые царапины с проступившей кровью. Кожу неприятно саднило. На щеке краснел отпечаток Настениной ладони. Край воротника оторван. Артем стянул рубашку, швырнул на пол. Умылся холодной водой, стер кровь. И долго смотрел на залатанные шрамами ладони, вспоминая, как Настена говорила, что ей нравятся его руки. Как такое может нравиться? Чертова девчонка! Угораздило же его связаться с ней! Артем еще некоторое время постоял, упершись руками в раковину, переводя дух, и вернулся в комнату. И обомлел.

Настена сидела на пятках посреди кровати абсолютно голая. Злая, растрепанная, с потекшей тушью. Настоящая. Она ему нравилась до одури. Ее прерывистое дыхание от его прикосновений. Ее губы со вкусом лета. Маленькая грудь, уместающаяся в его ладони. И янтарные глаза, которые она никогда не закрывала во время секса. И сейчас она смотрела на него с вызовом и откровенно предлагала всю себя. Всю?

Словно ощутив его сомнение, Настена поднялась на колени, провела руками по шее, приподняла волосы и облизала губы. И от этого эротичного движения у Артема снесло крышу.

Он подмял под себя Настену, сжал над головой ее руки. Настена ахнула, а потом рассмеялась. Он оборвал ее смех неистовым поцелуем.

Артем целовал ее губы, шею, грудь. Опускаясь все ниже, дразня ее обжигающими ласками. А в голове всего одна мысль: «Моя»...

— Все, что хочешь... — прошептала она. — Все, что хочешь...только не говори...

Артем замер. Приподнялся на руках, нависнув над зажмурившейся Настеной. Раскрасневшаяся, в рыжих веснушках — она была прекрасной.

— Настен? — он провел большим пальцем по ее щеке, стирая скатившуюся слезинку.

— Ты же хочешь этого?

— А ты? — Артем ничерта не понимал. Что-то неправильное было во всем: и в разговоре, и в страсти. Страсти? Он коснулся ладонью плоского живота — Настена вздрогнула. Могла бы — скрутилась в клубочек от страха. Она боялась. Его боялась. Что за черт?

— Настен, посмотри на меня. Ну же!

Но она не слышала его.

— Мы можем быть любовниками... — шептала она, — все, что хочешь, если...только...

Она распахнула янтарные глаза. По вискам скатились слезы.

— Не говори Игнату...

Артема словно ударили под дых и по голове одновременно.

— Что? — переспросил он, отказываясь верить услышанному. — Ты сейчас серьезно? Сейчас? После того, как сама...? Настен?

— Прости...

— Твою мать, Ася! — взревел он, саданув кулаком по кровати.

Ася зажмурилась, сжалась. Он ударил снова. В ушах зазвенело. В затылке запульсировало. И Артем почувствовал себя ничтожеством.

Он скатился с Аси, она тут же натянула на себя покрывало, отодвинулась в дальний угол кровати. В эту минуту Артем ненавидел Игната, Асю и себя. Себя в первую очередь. Надо же быть таким идиотом — поверить, что секс с ним что-то для нее значит. Он сцепил пальцы на затылке, прошелся по комнате. Руки обжигало и дергало. Нашел перчатки, с трудом натянул на ставшие непослушными пальцы. Сжал и разжал пальцы. Ладони колело, но становилось легче.

Ася не шевелилась и молчала. Артем спиной чувал ее пристальный взгляд. Она готова была переспать с ним, чтобы он ничего не сказал Игнату. Готова стать его любовницей, но любит она Игната. Сука.

— Какая же ты сука... — прохрипел он, окинув взглядом дрожащую Асю.

Достойная папина дочка. И после этого она просит, чтобы он промолчал? Черта с два! Любовники? Все, что он захочет? К дьяволу!

Телефон он нашел быстро. Тот надрывался барабанным боем. Крутов глянул на дисплей — секретарша. Нажал отбой.

Вернулся к Асе. Она уже оделась. Обернулась. Увидев в его руке телефон, кинулась было к Артему, но он ее перехватил.

— Ты этого не сделаешь, — шипела она, пытаясь вырваться. — Он же твой друг!

— А ты жена! — рявкнул Артем, снова швырнув ее на кровать.

Она попыталась убежать, даже закричала. Артем навалился на нее всем телом, прижав к кровати. Одной рукой сжал ее руки над головой. Другой вытянул из брюк ремень. Настена с изумлением наблюдала за его действиями. А он ловкими движениями стянул ремнем ее запястья, привязал к кровати.

— Ты хоть понимаешь, что творишь? — она дергала руками, пыталась лягнуть его. — Ты чокнутый!

Артем не отвечал. Сосредоточенно скрутил жгутом простыню, перетянул ее лодыжки и тоже привязал.

— Извращенец! Придурок! — кричала Ася, брыкаясь. — Ненавижу! Я кричать буду, слышишь? Насилуют! Помогите! — заорала она во все горло.

— У меня в машине есть скотч, — спокойно произнес Артем, задумчиво глядя на притихшую Асю. — Хочешь испробовать?

— Ненавижу... — прошипела она.

Артем улыбнулся. Ох, как она шипела, злилась, изворачивалась в путах, какими эпитетами награждала, пока он набирал номер. А Артем лишь ухмылялся. И старательно не обращал внимания на жгучую боль, скрутившую в тугий узел все внутри. Он даст ей волю позже, когда останется один.

Игнат ответил сразу. Не спит, невесту ищет. Ну что ж, Артем ее нашел.

— Ася со мной, — выдохнул он в трубку.

Заметил, как побледнела Ася. Янтарные глаза потемнели. Она его возненавидит. Он

понимал это как никто, поэтому и говорил Игнату то, что рушило все самое дорогое. Любовь, дружбу. И пусть. В конце концов, он не благородный рыцарь.

— Игнат, — перебил Артем друга. — Я не искал Асю — она была со мной все время. Каждую ночь мы занимались любовью. И я трахал ее так, как не сможет ни один мужик. Даже ты. Я хочу, чтобы ты не забывал об этом. И вспоминал каждый раз, когда будешь иметь мою женщину. Мою. Уяснил?

— Пометил, значит? — усмехнулся Игнат. — Как племенную суку, что ли?

— Почему как? Она и есть самая настоящая сучка, только и знающая, как раздвигать ноги. Все равно перед кем.

— Сволочь, — прорычала Ася, дернувшись.

— Да пошел ты, — Игнат грубо выругался и отключился.

Артем посмотрел на Асю, кусающую губы. Ненавидящую его. Пусть так. Так легче отпустить.

«Через два часа на набережной я верну тебе Асю», — отправил смс.

Ответа Артем не ждал. Знал, что Игнат приедет. После его слов тем более.

— Это подло, — выдавила Ася из себя.

— Я...как ты мог? Ты?.. Он же теперь...

— Да не убивайся ты так, — хмыкнул Артем, отвязав ноги и распутав ремень. — Игнат взрослый мужик. Ничего с собой не сделает. И за тобой приедет. Так что приведи себя в порядок. Ехать пора.

— Тогда зачем? Зачем ты ему сказал?

Артем пожал плечами.

— Он должен знать, что получает в пожизненное пользование.

Пощечина была звонкой и сильной. У его девочки тяжелая рука и хорошо поставленный удар. Артем потер щеку.

— Я не товар, — зло проговорила она. — Я Анастасия Гурина. И не позволю никому себя унижать. Даже тебе.

Артем схватил ее за волосы, накрутил на кулак так, что голова ее запрокинулась. Провел рукой в кожаной перчатке по лебединой шее с пульсирующей жилкой, упругой груди, затянутой шелком платья.

— Отпусти... — прошипела она, ударив кулачком в его грудь. — Отпусти, иначе...

Артем развернул ее, прижал к себе попкой, сжал грудь, погладил бедро, задрал юбку. Ася больно лягнула его по ноге. Он стерпел.

— Ты сучка, — зло прошептал он ей в ухо. — Красивая, сексуальная, но самая обычная сучка. И твое дело пошире расставлять ноги. Так что будь добра, заткни гордость в свою хорошенькую задницу и собирайся.

Он толкнул ее на кровать, она упала на колени, запутавшись в платье, и метнула в него ненавидящий взгляд. А следом маленькое колечко. Артем поймал его и не сдержал горькой усмешки. Не глядя на Асю, вышел на улицу.

Дышать было тяжело. Он почти задохнулся, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Он глубоко вдохнул и посмотрел в синее небо. Подышал.

И только потом Артем взглянул на пластмассовое колечко с голубой бабочкой. Вспомнил свою растерянность, когда отец Сергей заговорил о кольцах. И маленькую девчушку, протянувшую ему два колечка. И смех Аси. И ее тихую клятву.

Он зажмурился, сжав кулак. Чушь. Все это чушь! Ничего не было. Она больше не его. Все, хватит! Вдохнул-выдохнул. Разжал кулак. Колечко сломалось. Как его жизнь. Артем зубами стянул перчатку, снял с пальца точную копию сломанного и выбросил оба в траву. Нужно найти отца Сергия...

...Телефонный звонок застал его врасплох. Артем только вышел из дома отца Сергия. Звонил Кирилл.

— Садовник ждет рекомендаций, — сухо, по-военному, отчеканил Кирилл.

Артем уже успел забыть об их разговоре. Неправ был святой отец, говоря о его чистой душе. Темная она у Артема, чернее зимней ночи.

— Отбой, Кирюх, — Артем взъерошил отросшие волосы. Надо побрить. — Неустойку заплати.

— Все в порядке? — странный, неуместный вопрос. Они никогда не интересовались личными делами друг друга.

Нихрена не было в порядке. Сдохнуть хотелось или убить кого-нибудь. Но не с Кириллом это обсуждать.

— Прорвемся, — ответил Артем и отключился.

А через полтора часа стоял на набережной, вглядываясь в темные воды залива, и курил. Полпачки уже выкурил, хотя прежде не увлекался. Не помогало. Он посмотрел на тлеющую сигарету. Напиться, что ли? Усмехнулся. Хреновая идея.

— Ася где? — без предисловий спросил подошедший Игнат.

Артем глянул на друга. Лицо бледное, злое, пистолет в кобуре. Лучшие друзья, мать его. Убить друг друга готовы. Все, кончилась их дружба.

Артем щелчком отправил сигарету в залив, вернулся к машине, где сидела Ася. Артем догнал ее уже на трассе — сбежать от него решила, идиотка. Силой усадил в машину. Она брыкалась и отбивалась. А Артем злился и в какой-то момент понял, что запросто ее ударит, если она не успокоится. И Ася словно почувствовала, притихла. И всю дорогу молчала.

Она не смотрела на него, когда выходила из его машины. И на Игната не смотрела. Белое платье развевалось на ветру, путалось между ее ног. Она споткнулась, чуть не упала. Тогда Артем подхватил ее на руки и усадил в машину Игната. Ася не отреагировала. Как кукла.

— Что с ней? — в голосе Игната звенела тревога.

— Просто устала, — ответил Артем, хлопнув дверцу.

Теперь у него с Асей разные дороги. И жизнь больше не одна на двоих...

— Нам надо поговорить, — хриплый голос Игната выдернул Артема из воспоминаний.

Он окинул взглядом палату — Алисы и след простыл, а друг стоял у окна, засунув руки в карманы. Сосредоточенный. Уже что-то просчитывает. Артем сел, откинувшись на подушки. По спине словно током ударили — Артем поморщился, сцепив зубы.

— О чем говорить будем? — голос осип. Крутов глотнул воды, вернул стакан на тумбочку.

— Как ты оказался у нас дома? — злой. Желваки дергаются. А на Артема не смотрит.

— Ася позвонила. Я как раз домой ехал.

— Ты живешь в другом городе.

— Это допрос? — Артем вопросительно изогнул бровь. Игнат повернулся. В прищуренных глазах буря эмоций и одна из них — желание убить. Вопрос только — кого? — Мне звонить адвокату?

— Я хочу понять, — Игнат не отводил взгляд. Острый, как рентген.

Артем кивнул. Он тоже хотел понять, как так вышло, что убийца проник в дом Игната через ход, о котором знали-то все трое, исключая саму Настену.

— Я не знаю, — Игнат сел на стул у кровати. — Докатился до того, что друзей подозреваю, — он потер лицо и стукнул кулаком о колено.

— А мы разве друзья? — усмехнулся Артем. Игнат вопрос проигнорировал. — Я ужинал в «Талере» с Олесей. Узнавал, как обстоят дела у Дани. Отвез Леську домой. А потом позвонила Ася.

— Зачем?

— Я услышал лишь, как она просила не делать этого и еще чей-то голос на заднем фоне. Какие-то звуки. Я тут же перезвонил Кириллу, чтобы он отследил звонок. Ася звонила из дома. Я рванул туда.

— У дома обнаружили труп одного из твоих людей. Ты следил за Асей? Зачем?

Артем вздохнул и заговорил.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Июль. 2014 год.

Воскресенье (за 2 дня до пожара). День.

Артем увидел Настену, когда садился в машину. Волосы затянуты в тугую косу, в ушах наушники, взгляд сосредоточен. Синие джинсы, рубаша в клетку, сумка через плечо. Артем тяжело выдохнул. А Настена нырнула во двор, откуда сам он только что вышел. Ему стало любопытно, к кому она приехала. И едва не рассмеялся, когда Настена со всего маху ударила ногой по колесу Даниного «Ниссана». А парень с гаечным ключом наперевес показался Артему знакомым. А вот где он его видел — вспомнить не мог. Парень тоже его заметил, но как-то ступешался. И Артем решил, что вполне может подождать Настену и в машине, пока его не заметил Даня или Настена. А подождать ее стоило.

Салон встретил его свежестью, и Артем с удовольствием стянул галстук и расстегнул воротник рубашки. Включил погромче радио. Озадачил его Даня сегодня. «Крысу» вычислил на верфи, но вот доказательств не собрал.

— Тём, там все так чистенько, аккуратненько — не подкопаешься. Прямо тютелька в тютельку. Я вот знаю, что это он, понимаешь? Я всю схему просчитал. А эта скотина нагло ухмыляется мне в лицо и продолжает воровать. Падла! — злился Даня, меряя шагами свою кухню. — И я совершенно не понимаю, что делать. Может Кирюхиных ребят подключить?

— Нельзя, — возражал Артём, попивая кофе. — Нам заказчик нужен. Не думаю, что Стёпа сам додумался до такой схемы.

— Ну так Кирюха и выяснит, — он с надеждой глянул на Крутова. Тот отрицательно покачал головой.

Даня со злостью взъерошил волосы, бухнулся на табурет, вздохнул.

— Я домой хочу, Тём. Задолбала меня эта игра в шпионов, ей-богу.

— По Хелен своей заскучал? — усмехнулся Артем.

— Да ну ее к черту, — улыбнулся Даня. — Просто здесь тяжело.

— Ладно, Дань, не кисни. Придумаем что-нибудь.

На том и распрощались.

Артем откинулся на спинку и тяжело вздохнул. Никаких идей в голове не рождалось. Мозги, что ли расплавились от этой жары? Он посмотрел в зеркало заднего вида. Из двора появилась Настена. Веселая. В классики попрыгала и подмигнула дворовой собаке.

Смешная. Артем улыбнулся. Такая взрослая, состоятельная женщина. А все еще девчонка. Она повертела головой и перебежала дорогу. И идея вдруг родилась сама собой. Все правильно. Подкинет он сюрприз Стёпе и его хозяину. Артем улыбнулся и завел машину. Нечего Настене одной слоняться по чужому городу.

Черная «Тойота» выскочила из-за угла, подняв клубы пыли, и затормозила рядом с Настенной. Артем ударил по газам, вывернул руль, но остановился, когда из джипа выпрыгнул мужик в джинсах и футболке. И Настена его узнала — Артем видел. Вот только встрече она все-таки не очень обрадовалась: нахмурилась, отступила на шаг и глянула в сторону Даниного двора.

Надо спасать, понял он. Ну что ж, ему не впервой.

Он выскочил из машины и двинул в сторону Настены. И чем ближе подходил, тем меньше ему нравилось происходящее. Мужик завлекал Настену в «Тойоту», что-то кричал, жестикулировал руками. А под конец даже схватил Настену за локоток. Та правда в ответ вмазала хорошенько по морде. Мужик рассмеялся. И тут вступил Артем.

— Ася?! — нарочито громко воскликнул он, широко улыбаясь. — А я иду и гадаю, ты или не ты. Оказывается, ты. Салют!

И чмокнул ошалевшую Настену в щеку, успев шепнуть на ухо: «Не дрейфь», — и подмигнул.

И только потом обернулся к мужику. Сказать, что он удивился — ничего не сказать. Артем давно научился не показывать своих эмоций, но ему стоило огромного труда сдержаться. Напротив стоял высокий широкоплечий мужик с некрасивым, чуть перекошенным, но запоминающимся лицом. Оно очень долго снилось Артему в кошмарах. Вот только того человека из снов давно не было в живых. Выходит, перед ним сейчас стоял брат-близнец покойника. Принесла же нелегкая спустя столько лет.

— Артем, друг Аси, — он протянул руку мужику, но тот ее не пожал. Глянул на Настену исподлобья.

— Я не прощаюсь, сестричка.

Настена вцепилась Артему в руку. А мужик сел в «Тойоту», где его ждала пассажирка (Крутов заметил, когда братец Настены открыл дверцу), и спустя пару минут исчез за домами квартала.

— Давай-ка я тебя отвезу, — Артем ободряюще улыбнулся.

Настена кивнула, но отпустила его лишь когда Артем открыл дверцу.

— Спасибо, — произнесла она, когда Артем включил зажигание.

— Куда едем? — спросил вместо ответа.

— В «Домино».

— Серьезно? — Артем посмотрел на Настену. — Решила вспомнить молодость?

— У меня там встреча, — пожалала она плечами и уставилась в окно.

Артем хотел спросить, с кем, но позвонил Глеб Роцин.

— Нарыл что-то? — без приветствия спросил Артем. Глеб был одним из лучших частных сыщиков в стране и сейчас помогал приятелю Артема разобраться в одном мутном деле.

— Пока нет, — ответил Глеб, — но ребята работают. Я по другому делу.

— Слушаю.

— Ко мне тут на днях жена твоего друга приходила. Помощи просила.

— Ирма? — удивился Артем.

Заметил, как Настена метнула на него встревоженный взгляд. Что могло стрястись у Ирмы, чтобы она обратилась к частному детективу? Без ведома Алекса? Так, стоп. Ирма не могла никуда приходить — она сейчас загорала на курорте вместе с семьей. Тогда...

— Анастасия Гурина, — прозвучал в трубке голос Рощина.

Артем присвистнул от удивления. Бросил взгляд на Настену — никакой реакции, в окно глазеет.

— И по какому поводу?

— Тём, я точно не в курсе. Но она была очень напугана и говорила, что это вопрос жизни и смерти.

Артем сжал руль. К сыщику подалась. Не пришла ни к Игнату, ни к нему. Почему? Что случилось? И связано ли это с появлением ее брата?

— Я ей дал координаты очень хорошего сыщика. Денис Малышев, однокашник мой, — продолжал Рощин. — Сам ну никак не могу. Уж больно у твоего Стрельникова дело стремное. Не хочется отвлекаться. Но тебя предупредил.

— Спасибо, Глеб. Будут новости — звони.

Артем свернул на обочину. Настена посмотрела недоуменно.

— Что случилось?

— Как раз хотел у тебя спросить об этом, — он заглушил мотор. — На кой черт тебе понадобился частный детектив?

— Никакой профессиональной этики, — усмехнулась Настена.

— Настен?

— Не твое это дело, Крутов, — она развернулась к нему всем телом, уперлась руками в сидение, прищурилась. — Ты мне кто? А? Бывший любовник. Бывший, заметь. Так что будь добр не лезь не в свое дело, — и отвернулась, скрестив на груди руки.

— А что же ты мужу не рассказала? Он у тебя мент, как-никак, — сдерживая злость, процедил Артем.

— Муж, — фыркнула Настена, — объелся груш. Ты ехать собираешься или мне попутку ловить?

— Вот дура, — плюнул Артем, вырвав на трассу.

Высадив Настену у «Домино», набрал Глеба.

— Рощин, звони своему однокашнику и говори, чтобы он отказал Гуриной.

— Тём, я не могу. Как ты себе это представляешь? Да и не послушает он меня. Сам посуди, какой дурак откажется от богатой клиентки?

— А ты скажи ему, — раздражаясь, говорил Артем, — я заплачу двойную цену. Да что хочешь говори, только пусть откажется от дела!

— Да ну вас, — и Глеб витиевато выругался, — семейка Адамс, вашу мать.

И отключился.

А минут через десять из клуба вылетела злющая Настена. Губы сжаты в тонкую полоску, из глаз молнии летят. Артем аж залюбовался. Она свернула было к стоянке такси, но заметила машину Артема, сжала кулачки и направилась в его сторону.

Крутов развеселился. Ему нравилось, как она злится. Искренне, как злятся только дети. Артем помнил еще по младшей сестренке.

Юлька, когда злилась, смешно сводила бровки, упирала в бока сжатые кулачки и перла на него маленьким танком. Десятилетний Артем хватал ее в охапку и щекотал. Она брыкалась, пищала, а Артем хохотал до слез. Пока не прибежала мама и не разнимала их.

От мысли об этом закололо пальцы. Он стянул перчатки, с остервенением почесал изуродованные шрамами ладони. Перед глазами вдруг поплыло и заплясало пламя. А Артем все тер руки, как будто огонь был настоящим.

Отвлёк звук захлопнувшейся дверцы.

— Ты скотина, Крутов!.. — врезался в сознание звонкий голосок Настены.

Артем закрыл глаза. Давно уже прошлое не высывало свою уродливую морду наружу. Придется снова искать способ забыться.

— Как ты вообще смеешь лезть в мою жизнь! Ты никто, понимаешь?! Ты...

Она вдруг осеклась.

— Тём, — позвала осторожно.

Он посмотрел на нее. В рыжих глазах тревога. Она ахнула, прикрыв рот ладошкой. А он лишь усмехнулся и выбрался наружу. Горячий воздух окатил жаром, солнце ослепило назойливыми лучами. Артем присел на капот, натянул перчатки. И сразу отпустило, дышать стало легче. И хоть ладони жгло, и кололи пальцы, прошлое задремало от полуденной жары. Ничего, сперва он разберется с Настеной, а потом и со всем остальным как-нибудь. Не впервой.

— Тём, снова, да? — Настена тронула его за плечо, но тут же отдернула руку.

Артем ухмыльнулся.

— Ты, конечно, можешь найти другого детектива, — не ответив, произнес Крутов, — их тьма-тьмушая, только свистни, — он уперся кулаком в капот, сдерживая саднящую боль. — Но не проще ли все рассказать мне? — он посмотрел на Настену.

В рысьих глазах беспокойство пополам с нарастающей злостью.

— До сих пор не оставляешь надежды вернуть меня, Крутов? — и глянула на него как на безнадежно больного.

— Какая же ты дура, — вздохнул Артем. — Но в одном ты права — это давно не мое дело. Поехали, отвезу тебя домой. Детектива будешь искать завтра.

Синюю «Хонду» Артем заметил, едва отъехали от клуба. Ехала следом, как приклеенная, не особо таясь.

— Это что за новость? — удивился он.

Притормозил, пропуская «Хонду», но та и не думала идти на обгон. Следят? Неужели Стёпа расщедрился на наружку? Только что ж такую неумелую?

Артем глянул в зеркало заднего вида — ползет.

Настена проследила его взгляд и вдруг как-то сжалась. В огромных глазищах пролегла тень страха. Артем понял сразу. Значит, следят. Но вот только не за ним.

— Давно? — только спросил.

Настена молча кивнула в ответ.

— Только следят или...?

— Письма с угрозами присылали и звонки странные. Дышат в трубку и все.

— А Игнат что?

Артем свернул с трассы, попетлял в сквозных дворах, прокатился по набережной. «Хонда» не отставала. И номеров не рассмотреть. Хреново.

— Так что Игнат? — переспросил Артем, не получив ответа.

— Он не знает, — прошептала Настена.

— Твою мать, Ася! — рявкнул Артем, стукнув по рулю.

Машина вильнула в сторону. Артем выкрутил руль, вдавил в пол педаль газа.

— Ты совсем мозги растеряла, что ли? Не соображаешь, чем может кончиться твоя самодеятельность?! В крутую решила поиграть?! Детектива она решила нанять, дура!

— Не ори на меня! — в тон ему проорала Настена. — И за дорогой следи. Твой дружок уже месяц дома не ночует! А ты... — она махнула рукой и отвернулась.

Артем глянул в зеркало — «Хонды» след простыл. Отлично! Он сбросил скорость и свернул за город — к своему дому.

Настена встrepенулась, когда впереди показался двухэтажный деревянный коттедж с панорамными окнами и яблоневым садом.

— Ты неисправим, Крутов, — усмехнулась Настена.

— Ну как я понял, муж тебя не хватится, — он остановил машину у ворот, достал из кармана брелок, ворота поползли вверх, открывая гаражное нутро. — А здесь мы, по крайней мере, сможем спокойно все обсудить.

Настена фыркнула...

...Когда они оказались в доме, Артем сразу ушел на второй этаж. Он злился, Ася ощущала напряжение, витавшее между ними. Это было сродни воздуху перед грозой. Вот-вот грянет. Артем и спрятался от нее в своем необъятном домине, чтобы не сорваться. Дух переводил.

Ася выдохнула и не спеша потопала по коридору вглубь дома. Здесь пахло пылью и одиночеством. Такое ощущение, будто и не жил никто вот уже много лет.

Она шла по коридору мимо громадной кухни, уставленной навороченной бытовой техникой; просторной столовой. Остановилась на пороге. В дальнем углу приютился черный рояль. Одинокий. И гулкое эхо от ее шагов. А когда-то посреди столовой стоял длинный дубовый стол, накрытый ажурной скатертью. Белоснежная, она всегда как будто хрустела от крахмала. А в центре стола стояла ваза с рыжими подсолнухами, пахнувшими летом. В любое время года. Где только их Артем доставал? Ася улыбнулась.

А на рояле никто не играл. Ася помнила, как выпытывала у Артема, зачем здесь пылится инструмент. Да еще и настройщик приходит регулярно. Ответа она не знала до сих пор. Провела кончиками пальцев по крышке рояля — пыльно. Значит, действительно не живет. Зачем же он привез ее сюда? Ностальгия? Или просто так совпало?

Ася подошла к огромному окну, отодвинула занавески, распахнула створки. Морской воздух ворвался внутрь, закружил тюль, вплелся в Асины волосы, пощекотал лицо.

— Артем! — позвала она.

— Пять минут! — проорал он откуда-то издалека.

Ася кивнула и пересекла столовую. Ее интересовала всего одна комната. За пять минут она успеет глянуть. Осталась ли она прежней? Или все изменилось, как везде? Сердце припадочно забилося.

Единственная комната в доме с аркой вместо дверей. По бокам уставленные разными фигурками полочки. И везде пыль, серая, щекочущая нос, заставляющая чихать. Огромная гостиная почти без мебели. Белоснежные стены, лиловые шторы. Все так, как было. И не так. На одной из стен Ася задержала взгляд, замерев посреди комнаты. Плазма сдвинута в угол, рядом кучей свалены диски, колонки под потолком. И девственно белая стена. Почему-то стало обидно. Она подошла к окну, распахнула шторы. Вдали перекачивались темные волны. Все правильно. Он вычеркнул ее из своей жизни. И все, что напоминало ему об Асе. Тогда какого черта он притащил ее сюда? Зачем так рьяно хочет получить ее? Развлечься? Отомстить?

— Кофе хочешь? — хриплый голос за спиной.

Ася вздрогнула и резко обернулась.

— Я смотрю, — она выдохнула, — ты все поменял. А почему не живешь?

Артем смотрел пристально и было в его глазах что-то неподдающееся объяснению. Тяжелое, муторное. Ася невольно передернула плечами и пожалела, что спросила. Ну к чему ворошить прошлое?

— Я ничего не менял. Зачем?

— А стол? Выбросил?

— Подарил. Ирма долго не могла найти подходящий стол для столовой в новом доме. А мой органично вписался в их интерьер. А так, ничего и не менял.

— А рояль почему никому не подарил? Не приглянулся?

— Он мне дорог, как память. Как и твой дракон.

В руке Артем держал пульт. Одно нажатие, и с тихим жужжанием стена начала двигаться. Нет, не стена. Экран для проектора. Огромный, от угла до угла, от пола до потолка. С каждым открывающимся сантиметром стена как будто оживала. Яркие краски резали глаз. Они сплетались, перемешивались и рождали невиданное. Перепончатые крылья, узкая морда с фиолетовыми глазами, смотрящими в самую душу. Длинное туловище, закованное золотой чешуей. Дракон. Ее дракон и бескрайне синее небо.

— Не может быть, — прошептала Ася. Не стер, а спрятал. От чужих глаз или от самого себя?

Ася подошла к стене, коснулась когтистой лапы, провела кончиком пальца по контуру тела дракона. Краски казались свежими, словно она только закончила рисовать.

— Ну привет, — улыбнулась она дракону, как старому другу.

Ее волос коснулись сильные пальцы, уверенно расплетая косу. Удар сердца и волосы рассыпались крупными локонами. Ася притаилась, чуть дыша. Шею обожгло дыхание и легкое касание губ. Рубашка спланировала на пол.

Нельзя. Они не могут... Или могут?

Поцелуй опалил плечо. Ася не шевелилась. Ей было страшно и стыдно. Она не могла так поступить с Игнатом. Только не с Артемом. Но как же чертовски приятны его ласки. И как же давно она не испытывала ничего подобного. Обжигающее тепло растекалось по телу, плавило Асину гордость и сомнения. Артем двумя пальцами подцепил бретельку майки и лифчика, опустил до локтя. Ася вздрогнула от прохлады кожи перчатки. Артем снова поцеловал плечо, шею, за ухом. Слегка укусил мочку и прижал Асю к себе. Так крепко, что она ощутила его возбуждение. Взяла его руку, расстегнула перчатку, стянула. Погладила шершавую от шрамов ладонь. Дыхание перехватило.

— Тём...не надо...

Ася обернулась, высвободившись из кольца его рук, заглянула в черные глаза. И поняла, что пропала.

— Молчи. Я прошу тебя. Сейчас просто...

Она не дослушала его, притянула за уши и поцеловала. Так, как не целовалась уже лет сто или больше. А потом она перестала об этом думать, потому что все вдруг стало неважным. Только Артем, в эти минуты всецело ее.

...Ася не помнила, как уснула. Только тихий шепот Артема: «Спи, курносая», — и его крепкие объятия. Когда она открыла глаза, вечерело. Ася лежала на мягком ковре, а со стены на нее смотрел драконий глаз. Почему-то один, второй терялся в полумраке комнаты. Ася

подмигнула дракону и перевернулась на бок, ища Артема.

Он стоял на террасе спиной к дому в одних брюках и пил кофе. Кофейный аромат сплетался с запахом моря и влажной листвы.

Ася закуталась в простыню и вышла через раскрытую стеклянную дверь. Подкралась на цыпочках и обняла Артема за талию.

— Привет, — он поцеловал ее ладошку.

Кожа покрылась мурашками от прикосновения его губ и чего-то холодного. Снова перчатки. Ася вздохнула.

— Привет, — хрипло ответила она, прижавшись щекой к его широкой спине.

— Кофе хочешь? — спросил, не поворачиваясь.

— Если твой, то хочу, — она улыбнулась.

Артем варил отменный кофе из марокканских зерен, которые ему привозил какой-то партнер или знакомый. Или Артем сам привозил — Ася точно не помнила. Но знала — его кофе божественен.

— Тогда ты одевайся, а я пока сварю тебе кофе.

— Тём? — Ася напряглась. — В чем дело? Я... — она вздохнула, отступила от Артема. — Мы... Все неправильно... Я неправильно... Ох, мамочки, — Ася ощутила, как вспыхнули ее щеки. Повела себя как последняя шлюха. Ладно Игнат, он — мужчина. Но она-то. А еще неприступную из себя строила. Артем, видите ли, захотел ее в обмен на помощь. Да она ему себя просто так отдала. Ася чуть слышно выругалась.

— Нет, ты точно дура, — усмехнулся Артем и обернулся. Взял ее лицо в ладони, затянутые перчатками, и поцеловал в нос. — Ну что ты уже себе напридумывала, а? Все было чудесно. И я бы с удовольствием повторил, но нам нужно серьезно поговорить. А твой вид, — он провел взглядом по ее завернутому в простыню телу, — меня отвлекает. Вот только... — он принялся. Накрутил на палец прядь ее волос. Ася озадаченно наблюдала за его действиями. — Ты отвратительно пахнешь, — он скривился, а Ася стукнула его кулаком в плечо. Он охнул.

— Иди к черту, — буркнула она, скинув простыню. Распушила волосы и, гордо вздернув подбородок, вернулась в гостиную...

...Артем тихо рассмеялся ей вслед.

Он варил кофе и думал. Зачем появился Настенин братец? Артем успел навести справки, пока Настена спала.

Марат Гурин, тридцати девяти лет, страховой агент, не женат. На данный момент числится в отпуске. Что же его привело в город детства? И зачем ему понадобилась Настена спустя столько лет?

Артем подхватил джезву, налил смоляной напиток в пузатую чашку, добавил три ложечки сахара. Ладони чесались и взмокли под перчатками, чего раньше вообще не случалось. Артем со злостью стянул их, швырнул на пол. Кто следит за Настеной? Зачем пугает? И как это связано с появлением ее брата и связано ли? Зуд в ладонях становился невыносимым. Твою мать. Артем из верхнего ящика стола достал нож и кончиком провел по заплатам шрамами коже — только это и помогало.

— Ты что творишь? — тонкие пальцы выхватили нож, отшвырнули в раковину. Настена сжала его ладонь, прижала к себе. — Зачем? Что ты себя мучаешь?

Артем глянул на Настену. Растрепанная, покрасневшая. В рысьих глазах тревога, а вокруг рыжие веснушки. Наконец-то он разглядел их. Мелкие, в уголках глаз и у самого носа.

И зуд в ладонях прошел.

Одеться успела и даже в душе побывала. От нее пахло мятой и немного им. Влажные волосы снова скручены в косу. Рубашка наглухо застегнута, сумка через плечо. А в глазах помимо тревоги сожаление.

Твою мать, — вздохнул Артем. Проснулись муки совести...

... — Вот теперь мы можем поговорить, — Артем смерил ее насмешливым взглядом. — Хорошо пахнешь, — добавил с усмешкой.

Ася фыркнула. Ей этот запах напоминал о том, что произошло в гостиной всего несколько часов назад. Нежная фиалка с нотой можжевельника. Чертов Фаренгейт! Она вылила на себя флакон мятного шампуня, растерла кожу до красноты. И ничего не помогло. Такое ощущение, будто этот запах вьелся под кожу. И это было ужасно. И стыдно, потому что она любила, как пахнет Артем. И ничего не могла с собой поделать, поэтому и злилась. На себя, на Артема и его неизменный Фаренгейт.

— Фаренгейт, — усмехнулась Ася. Артем вопросительно изогнул бровь. — По-прежнему любишь риск? — спросила она.

— Я люблю жизнь, — пожал плечами он, — и тебя. И редко изменяю своим привычкам.

На кухне Асю ждал ароматный и обжигающе горячий кофе и тонна вопросов. Отвечать не хотелось, но она вдруг поняла, что сама не справится. Все, что происходило — казалось бредом, и она даже ловила на себе недоверчивый взгляд Артема. Но она не врала, ничего не выдумывала и не была сумасшедшей. Хотя порой казалось, что уже на грани.

— Письма стали приходить пару недель назад, — рассказывала Ася, грея ладони о горячую чашку. Пить кофе расхотелось. — Поначалу я не подумала ничего такого. Мало ли всякой макулатуры швыряют в почтовый ящик. Да и содержание бредовое какое-то. То цитата, то слова о возмездии и каре. Сперва я решила, что сектанты резвятся. Заманивают, что ли. А потом звонки начались. Жуткие. То в трубку дышат, то хоралы поют. И фотографии...

Ася дернула плечом.

— Что за фотографии? — Артем налил себе кофе. Отхлебнул.

— Со мной... — Ася сглотнула, выдохнула. — С моим распятием...

Артем стукнул кулаком по столу. Ася вздрогнула.

— Ты почему Игнату ничего не сказала? — спросил зло.

— Я хотела, но он бы потребовал доказательства. А где их взять?

— Какие доказательства, Ася? — Артем сжал и разжал ладонь. — Что за нелепые отмазки? Думаешь, я поверю...

— Да мне плевать! — взвилась Ася. — Ты сам просил рассказать, а теперь что, на попятную, да?

— Ладно, с этим мы позже разберемся, — нехотя согласился Артем. — Так что там с письмами и фотографиями? Где они? Я надеюсь, ты их не выбросила?

— Они пропали, — выдохнула Ася. — Да и...

Она осеклась. Нет, рассказывать Артему ни к чему. Их семейная жизнь с Игнатом его не касается.

— Что?

— У Игната дело какое-то серьезное... — врать было непросто и, похоже, у нее плохо получалось, потому что Артем смотрел недоверчиво, хмурился и то и дело чесал левую

ладонь о край стола. — А письма и фотографии пропали. Я сперва их выбрасывала. А последние спрятала. А когда кинулась — их нет. Тём, я не сумасшедшая, — вдруг лихорадочно заговорила она, схватив Артема за руку, — но их не было, понимаешь? Я всю комнату перерыла, весь дом — и ничего. А они не могли пропасть! О них никто не знал, понимаешь? Только я!

— И тот, кто их присылал, — задумчиво проговорил Артем, накрыв ее ладонь своей. — Все, успокойся.

Он пересадил Асю к себе на колени, обнял и поцеловал в макушку.

— Разберемся.

И Ася ни на мгновение не усомнилась — он разберется. И найдет того, кто ее пугал. И Игнату ничего не скажет. Да и зачем ему знать? Ему наверняка сейчас не до нее.

Потом Ася вспомнила, что ей нужно к Арине. У Никули сегодня день рождения. А Ася подарок купила. И вот совсем забыла.

Артем был хмурым и неразговорчивым. По дороге все время кому-то звонил, ругался. Ася особо не вникала. Ей было легко и спокойно. Впервые за эти длинные четырнадцать дней.

Они уже подъезжали к городу, когда позвонила Вера Васильевна и сказала, что Арина с Никулей пропали.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Июль, 2014 год.

Четверг. День.

Игнат слушал молча. Ходил по палате туда-сюда, но не задал ни единого вопроса. Понимал, что все ответы могут сами выплыть по ходу рассказа.

— Кирилл дом проверил, — говорил Артем хрипло. — Все чисто.

Игнат усмехнулся. А кто проверит, что Кирилл ничего не упустил? Дом сгорел. Никаких улик. Идеальное преступление. Хотя если преступник имел доступ к его, Игната, дому, то в любой момент мог как поставить, так и снять прослушку. Калитка опять же. Черный ход придумывали Сварог с Эльфом, мол работа у Игната опасная — мало ли какие в жизни обстоятельства бывают. И больше об этом ходе не знал никто. Ася еще. И что получается? А ничерта не получается. Игнат потер лицо и посмотрел на уставшего друга.

— Ася что-нибудь рассказала? Она же наверняка видела, кто...

Артем не договорил, а Игнат отрицательно покачал головой. Не помнит Ася ничего, вот в чем проблема.

— Асю нужно спрятать. Если убийца даже в больнице был, — Игнат сжал кулак, — прошел мимо всей нашей охраны...

— Он с нами играет, Шина. С тобой, со мной... Ты же понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Игнат, — но нет гарантии, что он не завершит начатое в следующий раз. Под носом у нас. Играючи, — добавил он зло.

— Я могу...

— Нет, — перебил Игнат. — Мы не должны знать, где она. Вполне вероятно, что и мы с тобой под колпаком.

Артем кивнул. Как показалось Игнату несколько неохотно.

— И что ты предлагаешь?

— У Алисы есть такое место, о котором знает только она. К тому же Алиса и Ася никак не связаны. Рядом с ней ее искать не будут.

— Охрана?

— Они уедут только вдвоем. Алиса — врач. Сможет оказать Асе любую помощь.

Способ связи придумаем.

— Неплохая идея, только... — Артем поменял положение, лег на бок. — Если убийца задался целью убить твоих женщин, то где гарантия, что он не знает о тайном месте Алисы?

— Другого варианта нет. Придется рискнуть.

* * *

Июль, 2014 год.

Понедельник две недели спустя. Ночь.

Алиса читала книгу, когда в дверь постучали. Она прислушалась. За окном барабанил дождь. Где-то в горах перекачивался гром. Может, почудилось? Некому здесь быть почти в полночь. Нет, на том берегу озера есть небольшой поселок, но это далеко, километров тридцать. Но в дверь постучали снова. На этот раз громче и с улицы зазвенел детский голосок: «Помогите!»

Алиса открыла. На пороге стоял промокший до нитки мальчуган лет двенадцати. Мальчишка тут же вцепился в ее руку.

— Помогите! Я прошу вас... Там... моя мама... ей плохо... пожалуйста...

Мальчишка захлебывался слезами и дрожал. Щеки перепачканы, в больших глазах — страх.

Алиса втянула его в дом. Закрыла дверь. Мальчишка озирнулся и вжался.

— Нет... нет... нужно идти... там... мама... она...

— Тихо, — перебила Алиса, присев напротив. — Как тебя зовут?

— Дима, — шмыгнув носом, ответил мальчишка.

— А я Алиса. Ты как здесь оказался?

— Я... мы... — он вздохнул. — Мы домой ехали. А потом мама сильно закричала. Машина врезалась в дерево. И мама... она... я ее тряс... звал, а она... Почему она молчала?

— Как же ты до меня добрался?

Но мальчишка Дима лишь пожал своими острыми плечиками.

— Вы же поможете? Правда? — он посмотрел на Алису с надеждой. В сердце кольнуло.

— Я постараюсь.

— Но вы же врач, вы должны! — мальчишка топнул ногой и потянул Алису к двери.

— Погоди, я сейчас...

Она вернулась в комнату, схватила сумку. На кухне набрала бутылку воды. Шприцы, бинты, вата, аптечка. Она осмотрелась. Жгут. Сумку перекинула через плечо. Натянула куртку. Заглянула в соседнюю комнату. На узкой кровати спала Ася. Алиса подошла ближе. Дыхание ровное, повязки чистые, лишь на лице бинты слегка потемнели от мазей.

Алиса глянула на часы — двенадцать ноль три. Прошло всего три минуты. Или уже? Нужно поторопиться. Ася проспит до утра — Алиса сегодня вколола ей сильное снотворное. Девушку по ночам мучили сильные боли.

Алиса выключила торшер рядом с кроватью и прикрыла за собой дверь.

Мальчишка ждал ее в коридоре, всматриваясь в окно.

— Поедем на машине, — щелкнув замком, проговорила Алиса. Но мальчишка внезапно

отказался. Алиса взглянула вопросительно.

— Там дорогу размыло, грязи по колено.

И правда, ноги мальчишки были перепачканы, брюки промокли.

Накинув на голову капюшон и взяв мальчишку за холодную ладошку, Алиса вышла под дождь.

По дороге она расспрашивала мальчишку об аварии. Раз за разом, повторяя вопросы. Сквозь раскаты грома вслушиваясь в сбивчивые ответы. Что-то странное было в его словах. Что-то неправильное.

— Постой, — перебила она на полуслове и остановилась. Порыв ветра сорвал капюшон. Дождь хлестал по лицу, скатывался по волосам. — Откуда ты знал, что в доме кто-то есть? И что я врач?

Мальчишка растерянно пожал плечами, оглянулся и попытался потянуть Алису за собой, но та не поддавалась.

— Кто тебе сказал, что я врач? — схватив мальчишку за руку, почти прокричала она. Странное чувство засвербило в затылке. Незнакомое, жуткое.

— Это все знают, — прохныкал мальчишка. Но Алиса не верила его слезам. Он был хорошим актером, хоть и маленьким. Никто не знал, что она врач. Никто. Да, бывали случаи, она сталкивалась с деревенскими рыбаками или охотниками. Возможно, кто-то и знал, что она бывает в доме лесника. Но кто она и уж тем более кем работает — неизвестно никому. Значит, мальчишка врет. Зачем?

— Кто тебя прислал? — сильнее сжав тонкое запястье, прорычала она. Мальчишка сжался и затряс головой, не желая отвечать. — Ну же, отвечай! — она тряхнула его за плечи. Но мальчишка вдруг разрыдался, растирая слезы грязной ладошкой.

Она выпустила его руку и рванула назад. Мальчик попытался ее остановить, цепляясь за куртку и крича, что ей туда нельзя. Но Алиса оттолкнула его, краем глаза заметив, как мальчишка шмякнулся в грязь.

Алиса бежала так быстро, как не бегала никогда. Сумка мешала, и она выбросила ее по пути. Чувство опасности подстегивало ее. Дыхание сбивалось. Ноги горели огнем, и она часто спотыкалась и оскальзывалась. Дважды упала, грязь забила в рот и нос, налипла на руки. Но ей было плевать. Она не могла бросить Асю. Она обещала Игнату.

На ходу достала мобильник, набрала номер. Ответили сразу, словно ждали.

— Не смей ее трогать, слышишь! — прохрипела она в трубку.

— Аля? — голос сонный, или ей показалось?

— Я сделала все, как ты просил, слышишь! Ты все получил! Не трогай ее!

— Аля, я не понимаю...

— Только тронь... — Алиса задыхалась. — Я сдам тебя...

Впереди показался дом. Рыжее пламя осторожно лизало фундамент, карабкалось выше.

— Нет! — прокричала она, отшвырнув трубку.

Дверь распахнулась легко, словно она не запирала ее перед уходом. Внутри было тихо. Алиса влетела в комнату, где оставила Асю, и замерла. У кровати стояли двое. Первый, лысый здоровяк в черной водолазке то и дело поглядывал в окно, за которым набирало силу пламя. А второй, коренастый брюнет с тростью не сводил глаз со спящей Аси. И второго Алиса знала. Опасность разжала тиски, и Алиса прислонилась к двери. Выдохнула.

— Нужно уходить, — прохрипела она. — Дом горит.

Мужчины не обратили на нее внимания.

— И Игнат? Он тоже приехал?

Что-то было не так. Лысый подошел к ней, улыбнулся.

— Девушка права, — голос мягкий, как бархат. — Нужно уходить.

Брюнет кивнул, наклонился над Асей. Одну руку завел под голову, другой накрыл лицо. Алиса услышала, как хрустнули кости.

— Что... — она рванула было к кровати, но лысый перехватил ее, заломив руки. Она смотрела на поднявшегося брюнета и не верила собственным глазам. Как? Зачем? Он же любил Асю. Такую красивую историю любви рассказывал ей в больнице. И Игнат...

Видимо, последнее она произнесла вслух, потому что брюнет усмехнулся.

— Не нужно было возвращаться, — произнес он тихо, словно сожалея. Может, почудилось?

— Ты всех обманул, — выдохнула она. — Не было никакого маньяка. Это все ты.

Брюнет не ответил, кивнул своему подельнику.

— Игнат все равно до тебя доберется, — прорычала, когда на затылок легло что-то холодное.

Алиса дернулась. Но через мгновение острая боль прошла шею, горячая кровь затопила горло. И все исчезло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сентябрь, 2014 год.

Суббота. Утро.

Светает. По комнате плывет туман, каплями оседая на раскрытой балконной двери. Кирилл Погодин втягивает носом прохладный воздух и потягивается. Тело отзывается ноющей болью, напомним о бессонной ночи. Улыбнувшись, переворачивается на бок. Рядом, скрутившись клубком и обняв подушку, спит Даня. По юному телу рассыпались капли пота, омывая багровые полосы — следы ночных утех. Кирилл проводит ладонью по перебитым мышцами плечам, пальцем чертит линию вдоль цепочки позвонков. Тихий стон слетает с губ любовника. Хороший мальчик, чувственный. Погодину нравится, как Даня мгновенно отзывается на его ласки. Как краснеет, губами припадая к его набухшему члену. И как из невинного мальчишки превращается в похотливое животное, стоит только оттрахать его сладенький ротик. Рука его скользит ниже, стискивает ягодицу, покрытую узором белесых шрамов. Даня вздыхает и придвигается поближе. Трется о пах Кирилла, возбуждая. Напрашивается, шалун, — усмехается Погодин, вжимаясь членом в упругий зад любовника. Мальчик подается назад, одним движением насаживаясь на член Кирилла.

От неожиданности Погодин охает — не ожидал от мальчишки такой прыти после ночи бурного секса. А тот уже начал двигать задницей, трахая себя и рукой поигрывая со своим членом.

Погодин прикрывает глаза, чувствуя, что еще немного и кончит. Но он не может позволить мальчишке взять верх над собой. Одной рукой сжимает длинные темные волосы, запрокидывает голову Дани и впивается в его губы. Другой перехватывает член мальчишки у основания, не давая получить удовольствие.

— Плохой мальчик, — выдыхает в ухо, прервав поцелуй. Кусает за мочку, целует шею, оставляет след от зубов на плече.

Даня стонет, выгибаясь навстречу Кириллу. Тот усмехается и тремя резкими толчками изливается в любовника. Дрожь прокатывается по телу мальчика. Он стонет, протягивает

руку к члену, но Кирилл шлепает его по заднице.

— Не смей! — рычит.

Тот хнычет, подставляет зад под удары, пока кожа не алеет.

— Да...еще...накажи меня...о да... — хрипит Даня.

— Хочешь наказания? — насмешливо спрашивает Кирилл, ощущая, как возбуждение горячей волной растекается по телу, скручивается узлом в паху.

— Да...пожалуйста...

Погодин поднимается с кровати. Даня перекатывается на спину, ласкает себя.

— Выпору, — рыкает Кирилл.

— Только этого и жду, — облизывается Даня и смеется.

— Уверен? — и мерит любовника внимательным взглядом.

Розовые лучи встающего солнца скользят по загорелому поджарому телу, глядя, словно руки любовника. Длинные музыкальные пальцы сжимают член с капельками влаги. Эти пальчики умеют доставить удовольствие. И не только в постели.

Кирилл проводит ладонью по лицу, смахивая романтические бредни, и подходит к распахнутому окну. Осень прохладой обнимает тело, подмигивает выглянувшем из-за крыш солнцем. В такое утро нет места пошлости. Хочется чего-то особенного.

— Кирилл? — взволнованный голос за спиной, горячее дыхание. На талии сцепились в замок обжигающие пальцы.

— Сыграй мне, — слова срываются с хриплым дыханием и Погодин тут же жалеет о своей мимолетной слабости.

Он ничего не спрашивает, хотя изнывает от возбуждения. Кирилл чувствует. Но Даня — умный мальчик. Молча уходит, а возвращается с гитарой.

Длинные пальцы перебирают струны, превращая разрозненные звуки в музыку, складывая простые аккорды в мелодию. Надрывную, на грани фола. Как их жизнь. И слова режут по живому, встряхивают, напоминают, кто они на самом деле.

— Темные твари...и сорваны планки нам... — шепотом повторяет Погодин.

Давно сорвало, хренову тучу лет назад. И нет обратного пути. И только так правильно.

Ничего не говоря, Погодин выходит из спальни. В гардеробной натягивает спортивный костюм. Музыка прорывается сквозь стену, рвет душу. Ни к чему это. Нужно возвращаться в форму. У него еще много дел.

Пробежка возвращает способность нормально мыслить. Больше никаких слабостей. И на мальчишку плохо влияет. А мальчишка — шикарен. Кирилл не думал, что ему так повезет. Будет жаль, если с Даней что-то случится. Но рано или поздно это произойдет. Держать его возле себя — опасно. Отпустить? Нет, Кирилл не сможет делить его с кем-то. Значит, выход всего один. Но он постарается, чтобы все было красиво и без боли.

Телефонный звонок застает его уже у дома.

— Утро доброе, Михаил Модестович. Чем обязан?

— Простите, что беспокою, Кирилл Васильевич, — юрист нервничает, голос дрожит. Что могло так взволновать обычно невозмутимого еврея субботним утром? — Но я никак не могу дозвониться до Артема Петровича.

— И? — Кирилл смотрит на часы — без четверти восемь.

— Тут документы...Артем Петрович завизировать должен. Сегодня — крайний срок.

— Ну так съездите к Артему Петровичу и завизируйте. Или адрес запомнили? — Кирилл мысленно прикидывает, что босс должен быть дома. По крайней мере, его наружка

ничего не сообщала. Из дома Артем не выходил, гостей не принимал. Значит, либо дрыхнет, либо бухает.

— Кирилл Васильевич, мне никак нельзя. Аврал.

— Михаил Модестович, дорогой, — Кирилл начинает раздражаться, — в вашем подчинении целый юротдел. Отправьте кого-то. Неужели мне надо объяснять, как надо работать?

— Нет-нет, — юрист вздыхает и неожиданно переходит на шепот, словно его могли подслушивать. — Но понимаете, тут очень важные документы. Конфиденциальные, я бы сказал. Не могли бы вы сами отвезти их Артему Петровичу?

— Я? — Кирилл хмурится — на это утро у него имелись другие планы.

— Да-да, я только вам могу доверить бумаги. Да и Артем Петрович вам доверяет. Все-таки вы начальник его безопасности. А эти документы... Если сделка не состоится, компания потерпит огромные убытки. А в сложившейся ситуации, когда Артем Петрович... Ну сами понимаете, вот... Это только на руку конкурентам.

Вот же сукин сын. Кирилл пинает попавшуюся под ноги жестянку.

— Какой же ты сукин сын, Кругов, — процеживает Кирилл.

— Что, простите? — голос в трубке возвращает к реальности.

— Ждите, скоро буду, — зло бросает Погодин.

«Горе у него, мать твою. Из-за какой-то бабы бизнес похерил. Кретин».

Злость клокочет внутри, растекается по венам, жаждет выхода. И разрядка не заставляет себя ждать.

Квартира встречает Кирилла запахом свежей выпечки и апельсинов. Из кухни доносится бархатный голос Дани. Сам мальчишка, одетый в джинсы и майку, колдует над блинчиками, пританцовывая возле плиты. Темные волосы стянуты в хвост. На лице — легкий макияж. Кириллу это не понравилось.

— Завтрак готов, — поставив на стол тарелку с блинчиками, улыбается Даня. — Ты в душ? — и поднимает глаза на Кирилла. И замирает.

Кирилл усмехается и в два шага преодолевает расстояние между ними.

Терпеть не мог этих бабских штучек и возни на кухне. Как и то, что Даня оделся без разрешения Кирилла.

Даня отступает, но уже скоро упирается спиной в стену. Кирилл подхватывает со стола нож.

— Ты чего? — в больших карих глазах удивление и толика страха.

Погодину нравится, когда его боятся. Особенно Даня. А он до сих пор испытывает страх, пока похоть не берет верх над разумом. Сердце набирает ритм, пальцы колет в предвкушении наслаждения.

Лезвие касается смуглой кожи у пульсирующей жилки на шее. Даня шумно втягивает носом воздух. Кирилл улыбается, кончиком лезвия спускается к ключице и одним движением разрезает лямку майки. Следом — другую, оставляя на коже тонкую царапину.

— Я не разрешал тебе одеваться, — шепчет Кирилл, касаясь ножом живота любовника. Мальчишка вздрагивает, когда темная ткань с треском рвется под острым лезвием. Вдох-выдох, и майка падает на пол.

Кирилл проводит ножом по поясу джинсов, ниже, заводит между бедер. Чувствует, как инстинктивно сжимается Даня. Но ему не скрыть возбуждение.

Погодин ухмыляется.

— Снимай, — приказывает.

И Даня подчиняется. Руки его дрожат, но он справляется быстро. Смотрит в глаза и во взгляде черной мутью — похоть. Погодин знает, что нужно мальчишке. Но он слишком зол.

— На колени, — Кирилл едва сдерживается, чтобы не поддаться искушению.

А так хотелось спустить с поводка эмоции и раствориться в страсти мальчишки. Терзать его губы неистовым поцелуем и заставлять выкрикивать свое имя на пике оргазма. На несколько часов забыть обо всем.

Но Погодин понимает: даст волю чувствам — не выживет. Да и Даня должен знать, кто его хозяин.

Он наклоняется к упавшему на колени мальчишке. Пальцами сжимает подбородок, заставляет посмотреть в глаза.

— Я твой хозяин, — рычит Кирилл, — господин и Господь Бог. И только я решаю, что тебе делать. Ты — моя собственность. Уяснил?

Мальчишка слабо кивает.

— Да, — тихое в ответ.

— Не слышу! — пощечина хлесткая, голова мальчишки запрокидывается, а на губах легкая улыбка.

— Да, мой господин, — твердо, потупив взгляд.

— Хорошо. А теперь ползи в спальню. Ты меня разозлил и будешь наказан.

Мальчишка встает на четвереньки и ползет, соблазнительно виляя попкой. Кирилл отшвыривает нож, скручивает полотенце и шлепает Даню. Тот вскрикивает и падает на пол лицом. Следующий удар перечерчивает спину розовой полосой. Снова вскрик. Но Даня поднимается на руки и ползет. Вот кухня позади, коридор переходит в просторную спальню.

Под частые удары полотенцем Даня взбирается на кровать и замирает. Ждет. Думает, Кирилл его наказал — теперь будут ласки. Но Погодин не торопится. Его наказание сегодня будет жестоким для мальчишки. Кириллу нужно максимальное удовольствие прежде, чем нырнуть в омут реальности.

Он склоняется над мальчишкой, трется пахом о красную попку. Даня начинает подмахивать, сильнее вжимаясь в Кирилла. Он молчит, но его движения и тихие стоны красноречивее слов. Улыбаясь, Погодин покрывает истерзанную спину поцелуями, языком ласкает тонкие шрамы на ягодицах. Даня уже извивается под ним, тихо ругаясь и шепча: «Возьми меня... возьми...»

— Не так быстро, малыш, — смеется Кирилл, покусывая упругую кожу. — Как насчет малолетней сучки из квартиры напротив?

Чувствует, как напрягается Даня. Как сжимает одеяло и закусывает подушку. Представляет, как перекашивается красивое лицо с игривой ямочкой на подбородке.

— Если ты ее хочешь... — спустя несколько мгновений выдыхает мальчишка.

— О нет, малыш, — Кирилл падает на кровать рядом, массирует через брюки свой возбужденный член. — Не для меня.

Даня по-прежнему стоит на четвереньках, на лице — отвращение, в глазах — ни капли страсти.

— Никогда, — резко, отрывисто. Не говорит, выплевывает.

Кирилл одним движением опрокидывает Даню на спину, наваливается сверху, зажимает руки над головой.

— Ты вздумал мне перечить, малыш? — спокойно, но в голосе металл. — Не выйдет.

Ты будешь исполнять все мои прихоти, пока мне не надоест. Будешь послушным, — большим пальцем проводит по щеке, обводит контур губ, проникает в рот; Даня послушно посасывает его, — получишь незабываемое удовольствие. Заартачишься — прикую к батарее и позволю трахать тебя любой сучке. Поверь, шлюх в этом городе — море.

Даня умоляюще трясет головой.

— А тебя никто не спрашивает, малыш.

Кирилл достает наручники, защелкивает на запястьях. Ноги привязывает шелковой веревкой, брошенной на полу после ночных утех. Даня умоляет не делать этого, просит пощады и любой иной кары. Но Погодину плевать. Здесь он хозяин жизни этого мальчишки. И Кириллу решать, кто, когда и в какой позе будет его иметь.

— Заткнись, — шипит, затягивая на затылке ремешок кляпа. Даня мычит и стонет, но эти звуки — волшебная музыка для Кирилла. Башню сносит от столь сексуальной картинки. Веревка, наручники, призывно торчащий член, истекающий влагой. Погодина седлает мальчишку и обхватывает губами розовую головку. Даня выгибается навстречу, глубже проникая в рот Погодина. Кирилл проводит языком от головки до основания, слегка прикусывая яички.

— Какой вкусный, — облизывается и стягивает яйца мальчишки мягкой резинкой, чтобы не кончил. Даня дергается, противится. Кирилл целует его член и слезает.

Довольно осматривает мальчишку, потирая свой член.

— Ты прекрасен, — выдыхает с улыбкой.

Достает мобильник и набирает номер. Звонкий голосок отвечает сразу. Эта сучка давно Погодину глазки строит. И приглашение принимает радостно. Даже на условие Кирилла придти голый соглашается, не раздумывая. А через пару минут уже стоит на пороге. Ладненькая сучка. Грудь небольшая, еще девичья, а соски крупные и набухли от возбуждения. В пупке блестит камушек. А между ног гладко и мокро. Кирилл разводит половые губки пальцем, проникает внутрь. Горячая штучка. Девчонка стонет и сама насаживается на его пальцы.

— Не спеши, детка, — Кирилл выходит из девчонки, дает ей облизать пальцы. И только после этого закрывает дверь.

— Хочу тебя, — шепчет, прижимаясь к Кириллу. На пухлых губах появляется улыбка, когда она чувствует его возбуждение. Запускает ручку в его трусы, сжимает член. Погодина прикрывает глаза, отдаваясь ощущениям. Девчонка стягивает его штаны вместе с боксерами, опускается на колени, целует головку. Но Кирилл останавливает ее. Разворачивает, прижимает к стене и слегка нагибает.

Но звук входящей смс отвлекает. Мелодия особенная — не может не глянуть. Давно ждет.

«Все готово», — высвечивается на дисплее.

Кирилл натягивает трусы, штаны отбрасывает в сторону.

— Значит так, — отлепляет девчонку от стены, шлепает по заднице и подталкивает к спальне. — Я сейчас в душ, а потом отъеду по делам.

Они останавливаются на пороге. Девчонка с изумлением смотрит на распятого на кровати Даню.

— Когда я вернусь, чтобы этот парень был оттрахан до потери сознания. Можешь делать с ним все, что захочешь. На это время он твой раб. А я буду наблюдать, — он кивает в дальний угол комнаты, где таится черный окуляр камеры. — Если справишься — отжарю

тебя так, что дышать разучишься.

И проводит ребром ладони по ее горячей и мокрой промежности. В глазах девчонки вспыхивают чертики, язык облизывает губы, а пальцы сжимают соски. Кирилл довольно хмыкает.

— В шкафу кое-какие игрушки. Пользоваться осторожно, — напутствует он. — А чтобы моему мальчику не было грустно — я включил его любимое кино, — Погодин клацает пультом и на большом экране появляются голые парни. — Не скучайте, — подмигивает Дане и уходит.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сентябрь, 2014 год.

Суббота. День.

В доме мрак. Пыль клубится в воздухе, смешивается с дымом сигарет, раздражает. Кирилл не сдерживается, чихает. Затхлый запах с кисловатым привкусом вызывает тошноту. Погодин проходит по коридору, переступая через разбросанную женскую одежду. Хозяйка появляется со стороны спальни. Рыжая девица с черной птичкой на бедре. Черное кружево стрингов не прикрывает выбритый лобок, дразнит. Она останавливается напротив Кирилла, смотрит оценивающе. Так, словно он товар, причем просроченный. Темные соски на маленькой груди возбуждены. Медны волосы крупными локонами лежат на плечах. Ножки затянуты в кожу сапожек на шпильке.

— Сколько? — спрашивает Кирилл.

Девица вопросительно вскидывает бровь.

— Сколько? — повторяет Погодин и достает из куртки портмоне.

— Три сотни, — улыбается девица призывно.

— Даю тебе штуку, — Кирилл отсчитывает тысячу долларов. — Но ты отсюда сваливаешь прямо сейчас. Забываешь сюда дорогу. Как меня и хозяина дома. Усекла?

Девица кивает. Погодин сворачивает купюру, засовывает в трусики.

— Может... — она проводит ладонью по груди Кирилла. Цитрусовый аромат духов пополам с перегаром шибает в нос. Кирилл морщится.

— Пошла вон, — выдыхает.

— Ну как знаешь, — она поднимает платье и исчезает из дома.

Кирилл тихо матерится. Дает приказ своим ребятам сопроводить девицу, чтобы лишнего нигде не сболтнула. Не нравится ему это. Посторонние совсем ни к чему. Странно, что его ребята девицу проморгали. Да и Кирилл думал — Артем тут медленно спивается в одиночестве. Ошибся.

Погодин заглядывает в столовую — везде разбросаны пустые бутылки. Даже на белоснежном рояле валяется бутылка из-под виски, а по крышке расплылось грязное пятно. Вокруг окурки, заплесневелые огрызки непонятно чего.

Погодин распахивает окна, не в силах вытерпеть вонь. Вдыхает свежий морской воздух.

— О, Кирилл, — хриплый голос Артема за спиной, — а ты как здесь?

— Через дверь, — хмуро отвечает Погодин. — С каких пор ты перестал запираяться? Врагов не осталось?

Артем не отвечает. Кирилл наблюдает, как Крутов, сильно покачиваясь, подходит к роялю, с тоской смотрит на пятно. Лицо помятое, опухшее; мешки под глазами; борода отросла. Смоляные волосы взъерошены и давно не мыты.

Встреть его кто на улице — решат, что бомж. И грима не надо — полное попадание в

образ жизни отбросов общества. Странно, что при этом тело в отличной спортивной форме. Мышцы перекачиваются под смуглой кожей при каждом движении. А на руках неизменные перчатки.

Понятно, почему девица сразу не сбежала. Удивительно, что она вообще на него клюнула. В таком-то его состоянии. Другой вопрос, как обычно брезгливый Артем умудрился довести себя до такого безобразного состояния. Еще и повелся на простую шлюху. Неужели смерть Гуриной его так подкосила? Ищет ей замену?

Задумавшись, Кирилл не замечает, что развернулся к Артему. И тот смотрит внимательно, изучает. И взгляд тяжелый, как будто смотрит насквозь и все понимает про него. Взгляд прежнего Артема Крутова. Не может быть. Кирилла передергивает, и он поспешно отворачивается.

— Ты за каким чертом приперся? — фырчит Артем. — Я в обществе не нуждаюсь...

Кирилл усмехается. Ушедшая девица говорила об обратном. Впрочем, плевать ему, он по делу здесь. Оборачивается. Как последний алкаш Артем шныряет по пустым бутылкам в надежде вытрясти из них хоть каплю алкоголя. Погодин вспоминает, что у него в машине есть виски. Пожалуй, сегодня пригодится.

— Юрист прислал, — Погодин демонстрирует папку с договорами. Крутов смотрит на него мутным взглядом. В глазах одно желание — выпить. И ничего больше. Нет больше того Крутова, способного убить без сомнений даже лучшего друга. Кирилл облегченно выдыхает — показалось.

— А где Ася? Ася! — покачиваясь, Артем выходит в коридор. — Асенька!

— Не знаю я никакой Аси, Артем! Давай ты документы подпишешь и я поеду, лады?

— Документы? — удивляется Крутов.

— Они самые, — соглашается Кирилл, махнув папкой.

— А как же Ася? Она не могла уйти, не попрощавшись. Она всегда прощается... — растерянно смотрит Артем.

— Да какая нахрен Ася, Артем?! — хватая Крутова за плечи, хорошенько встряхивает. — Умерла она! Нет ее, понимаешь?! А верфи есть! Бизнес, Артем, не терпит проволочек! Ты вообще понимаешь, что компания разваливается?! Если ты не подпишешь документы, то завтра рабочим платить нечем будет! А ты...

Но Крутов мычит что-то невразумительное, отталкивает Кирилла.

— Ася! Девочка! — зовет Артем.

Кирилл тяжело вздыхает.

— Артем, если ты сейчас не подпишешь, я тебе морду набью, честное слово.

Но тот не слышит, направляется к выходу. Неужели перепутал ту девицу с Гуриной?

Кирилл опирается на стену, качает головой.

— Знал бы, хрен бы я тебя тогда из речки вытягивал.

Артем останавливается. Поворачивается к Кириллу. Тот замирает. Неужели услышал?

— Зачем ты ее прогнал? — спрашивает Артем и смотрит как ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

— Артем, хватит комедию ломать. Я задолбался тут твою херню выслушивать. Подпиши документы и хоть сдохни тут.

— Она красивая, — вздыхает Артем, как будто и не слышит Кирилла. Или правда не слышит? — И хрупкая, как птичка.

И улыбается, как debil. Псих. Кирилла коробит. Нужно заканчивать этот дурдом.

Артем подходит ближе, шепчет:

— Она приходит... По ночам... В подвенечном платье... К нему приходит... — и идет в сторону гостиной. Кирилл остается на месте.

— Да я с места не двинусь, пока ты не сделаешь дело! — рывкает. Но Крутову плевать.

Кирилл не ожидал, что все так затянется. Ему-то нужна всего пара подписей. А тут такое.

— Красивая птичка, — говорит Крутов, взяв фотографию в деревянной рамке. Гладит и возвращает на полку. — На нее похожа...

И исчезает в комнате. Кирилл подходит ближе, всматривается в снимок. Рыжая веснушчатая девчонка стоит на краю скалы, широко распахнув руки. Маленькая на фоне простирающегося за ее спиной каньона. Точно птичка. Только не похожа совершенно на длинноногую девицу, срубившую с Кирилла штуку баксов.

— Она приходит, — шепчет Артем, — стоит здесь и разговаривает с Рором, а потом летает...

— С кем? — обходит полку, замирает в арке. — Что за бред ты...

Осекается на полуслове. Ошалело смотрит на огромного дракона цвета золота и лазури.

— Откуда? — только и спрашивает.

Он изучил дом Крутова от крыши до фундамента. Но этого дракона видит впервые. Когда только нарисовать успел? И кто?

— Это Рор, — безумно улыбается Артем. — Она называла его так... И сейчас... Ей не нравятся, — Артем любовно гладит рисунок, — мои... подруги. Ругается. Говорит, заберет Рора к себе. А я не могу... не могу отпустить его. Он все, — Артем заглядывает в глазницы дракона, — что у меня осталось от... Аси...

Кирилл шокировано смотрит на Крутова.

— Артем...

— А? Что? Кирилл? — Артем смотрит на Погодина так, точно впервые видит.

И из-за кого так убиваться? Кирилл не понимает. Бросает взгляд на снимок рыжей в руках. Ни кожи, ни рожи. К тому же шалава еще та — всю жизнь прыгала из одной постели в другую. Не стоит она всего этого, что Крутов с собой сделал. Но каждый выбирает по себе.

— Хочешь к ней? — Кирилл берет фотографию, бросает Артему под ноги. Рамка падает стеклом вниз, разбивается. — Да скатертью дорога! — усмехается.

Артем приседает, вынимает снимок из рамки, отряхивает от осколков, прижимает к себе.

— На том свете наобнимаетесь, — раздраженно бросает Кирилл. — Но сперва документы подпиши. Пока еще ты гендиректор. Развел тут, мать твою, — ругается, переступая через пустые бутылки, — Санта-Барбару.

Артем плетется на кухню за Погодиным. В мойке гора грязной посуды, рыжие потеки по дверцам. На столе — объедки, замусоленные стаканы и снова пустые бутылки. Кирилл сгребает все на пол, бросает перед Артемом папку.

— Подписывай, — рычит, швыряя сверху ручку.

— Выпить есть? — Крутов с грустью на пустую тару, раскатившуюся по черному паркету.

— В машине, кажется, была бутылка виски, — немного подумав, отвечает Кирилл. Вот и славно. Сам просит, значит, не придется придумывать повод.

— Неси. Я все подпишу, — добавляет, замечая замешательство Кирилла. Ему бы

проконтролировать. А то еще начнет читать. — Неси, — настаивает Артем. В глазах алкогольная мусть. — Пока еще я твой босс.

Весомый аргумент. Лезть на рожон сейчас не имеет смысла. Да и вряд ли Крутов станет что-то читать — состояние не то у него. Кроме Аси своей никого не видит.

Кирилл уходит. Улица встречает его игривым солнцем и еловым ароматом с нотами моря. Погодин вдыхает с наслаждением. В машине находит давно приготовленную бутылку. Осматривается. Никого нет ближайšie несколько километров. Только море и горы.

Отзваниваются его ребята — девушку проводили, трепаться никому не будет, они обо всем позаботились.

Кирилл остается доволен. Подробности его не интересуют. Он знает, что ребята все сделали как надо.

— На сегодня свободны, — приказывает. А приказы не обсуждаются.

Кирилл улыбается полуденному солнцу и возвращается в дом.

Артем раскачивается на стуле с сигаретой в руке.

— Деградируешь на глазах, — усмехается Погодин, ставя на стол бутылку.

Артем не реагирует, стряхивает пепел на паркет.

— Стаканы-то чистые найдутся?

Из шкафчика над плитой Крутов достает два граненых стакана.

— Не чокаясь, — и залпом выпивает.

Кирилл делает пару глотков.

— Не уважаешь? — щурится Артем.

Кириллу становится смешно. Крутой и бесстрашный Артем Крутов, циник до мозга костей, разговаривает как типичный алкаш. И все из-за бабы. До чего же чуден мир.

— Я за рулем, — отвечает с улыбкой.

Подхватывает папку, проглядывает. Подписи есть. Застегивает папку.

— Погодин, сука, — Артем хватается со стола бутылку, его кидает в сторону. Он едва не падает. Виски расплескивается. — Ты меня контролируешь? Ты? Меня? Да кто ты такой без меня?!

Надвигается на Кирилла, наваливается. Погодину едва удастся удержать его. Папка выпадает из рук.

— Твою мать... — цедит сквозь зубы.

Не рассчитал, что Крутов уже пропитался алкоголем и его может просто вырубить. Но, скорее всего ненадолго. Через полчаса проснется и прочувствует все до последней капли.

Погодин с трудом доволакивает Крутова до спальни. Сгрузив его на разгромленную постель, пытается вытащить из руки бутылку. Но пальцы в черной перчатке намертво сцеплены вокруг горлышка. Виски растекается по простыни.

— Ну и черт с тобой! — отмахивается Кирилл.

Пару минут просто сидит и переводит дух.

В огромной спальне, оформленной в стиле хай-тек, на удивление чисто. Только смятая постель, разбросанная мужская одежда и запах секса говорят, что ночью здесь славно порезвились.

Кирилл встает, открывает окно. Ветер надувает занавески, скользит по полу, теребя одежду.

— Сегодня отличный день, Сварог, чтобы вернуть долг, — рукавом ветровки протирает раму, ручку на двери. — Теперь мы квиты, — бросает напоследок.

В кухне поднимает папку. Хорошо, застегнуть успел, не рассыпались документы. Захлопывает входную дверь.

В полной тишине мчит по пустой трассе, изредка косясь на папку, брошенную на сидение рядом. Насвистывает и довольно улыбается.

Сворачивает на обочину через пару километров от поселка. Открывает папку, просматривает содержимое.

— Не может быть, — огорошено шепчет, не находя нужный документ. Пересматривает снова. И опять. — Нет, — остервенено отшвыривает ненужные бумажки.

Мимо проносится белый «Ровер» с пантерой на боку. Следом — машина «Скорой помощи». А в памяти — пронзительный взгляд угольных глаз.

— Твою мать, Крутов! Сукин сын!

С вихрем пыли и песка возвращается в поселок, сворачивает к морю. Песок вырывается из-под колес. Машину заносит. Кирилл тормозит. Над обрывом вдали клубится черный дым. Кирилл знает, чей горит дом.

Со стороны пляжа поднимается по выдолбленной в скале лестнице.

Телефон звонит, когда Кирилл почти поднимается.

Останавливается на предпоследней ступени. Видит, как огонь пожирает двухэтажный особняк, словно картонный домик. Как мечется мужик вокруг распластавшегося на земле тела. У Погодина нет сомнений, чье оно.

Отвечает на вызов.

— Погодин! Где тебя носит, телохранитель хренов?! — Алекс в бешенстве.

— Что случилось? — спрашивает Кирилл, отступает в тень туи.

Наблюдает, как врачи грузят тело Крутова в машину. Не запаковывают в черный мешок, не закрывают лицо, и полиции нет. Значит, живой. И тут сумел обхитрить судьбу, сволочь везучая.

А доверенность, из-за которой Кирилл и затеял весь этот цирк с виски, пропала. Наверняка сгорела, как и долгожданная победа. Придется теперь искать новый путь.

— В какую больницу? — пропускает слова Алекса о произошедшем.

— Тебе зачем?

— Охрану приставлю.

— Да пошел ты на хрен со своей охраной, — и отключается.

Плохо. Злой Алекс со своими ребятами — серьезная помеха.

Спускается к машине.

— Тварь! — выдыхает Кирилл, хлопывая дверцу.

Откидывается на спинку сиденья, включает магнитола. Из динамиков рвет струны «Агата Кристи».

— Ай да Крутов! Ай да хитрый сукин сын! — смеется Погодин. — Ну что ж, поиграем раз ты приглашаешь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

11 лет назад.

Май. Пятница. Ночь.

Она билась в судорогах: спина выгибалась дугой, ноги и руки выкручивало так, что немного — и хрустнут кости, голова запрокидывалась, а на губах пузырилась пена. А Артем не знал, что делать. Стоял и смотрел, как тело любимой женщины раздирало конвульсиями, выворачивало и кидало в стороны. Мгновение, и Настена изогнулась и рухнула на пол. Это

вывело Артема из оцепенения. Он кинулся к Настене, всем весом прижал к полу. Разорвал запутавшуюся на ней ночнушку. Дотянулся и стянул с кровати подушку, кинул ей под голову. Сжал голову, чтобы не билась о пол. Теперь разжать челюсти. Твою мать! Зубы стиснуты намертво. И под рукой ничего подходящего. Он пошарил рукой по прикроватной тумбочке. Часы, ручка, стакан — все не то. Черт! А до кухни далеко. Нельзя! И позвать некого — ни прислуги, ни охраны. Проклятье! Пальцы нащупали чайную ложку. Настена пила молоко с медом перед сном. Есть! Он схватил ложку. Куском ночнушки обмотал поплотнее. Попытался разжать челюсть.

— Давай, девочка. Ну же! — она изгибалась, хрипела, из глаз потекла кровь. Артем матерился, разжимая челюсть. Разжал. С трудом. И тут же всунул между зубами ложку, повернул голову набок.

Вызвал скорую.

Он что-то говорил Настене, кричал, просил услышать. И понимал, что все без толку. Он знал, что нужно делать дальше, теоретически. Но как можно ждать скорую, когда ей так больно. А Настене было мучительно больно и страшно. Он знал. Спасительная мысль ворвалась в мозг тайфуном — Эльф! Нужно звонить Эльфу. Пока Скорая приедет — Настена может умереть.

— Сварог?

— У Аси судороги. Саня, помоги! Она умирает, Сань, а я не знаю, что делать...

— Так, спокойно! Скорую вызвал?

— Вызвал, только... Я же живу хрен знает где! Пока та доедет... Саня, ей больно!

— Я сказал, спокойно! Челюсть разжал? Рот очистил от пены?

— Да! Я ее держу, только я боюсь... боюсь, что я ей что-нибудь сломаю... Саня, помоги...

— Значит так, слушай меня внимательно и делай все, что я скажу. Понял?

Артем кивнул, словно друг мог его видеть.

— Отлично. Сейчас мчишь на кухню и берешь нож...

— А как...

— Сидя рядом, ты ей не поможешь. Надо уменьшить давление на мозг и сердце, если ты хочешь, чтобы она жила. Вперед!

Артем осторожно отпустил Настену и рванул на кухню. Схватил нож.

— Что дальше? — тяжело дыша, спросил Эльфа.

— Нужно сделать венесекцию.

— Что? — взревел Артем. — Твою мать, Эльф!

— Опиши ситуацию.

Артем по-военному четко изложил происходящее. Саня не перебивал.

— Лекарств нет, значит нужна вена, — дослушав, сказал Эльф. — Любая. Самая доступная для тебя. Лучше крупная. Рука, нога.

— Шея? — спросил Артем, пальцем прощупывая напряженное горло.

— Шею нельзя, можешь артерию зацепить.

— Не зацеплю. Я знаю, что делаю...

— Артем, ты сейчас не на войне, понял? Это твоя женщина умирает, так что ты сейчас ничего не знаешь.

— Я могу руку, — Артем сжал запястье Настены, выгнул сведенную руку ладонью к себе.

— Отлично! Вены видишь?

— Вижу.

— Нужно сделать разрез вдоль вены. Сантиметров десять. Ей нужно уменьшить давление. Судороги, скорее всего, не прекратятся. Но мозг и сердце пострадают меньше. Артем, это единственный способ спасти Асю. Иначе до приезда скорой она не доживет. Слышишь?

Артем слышал, но уже словно издалека. Страх пульсировал в висках. На войне было легче. Там Настена не умирала.

Вдох-выдох. Унять дрожь в руках. Сжать нож и одним движением вспороть кожу, разрезать тонкую вену.

По руке Настены потекла темная кровь.

— Через пару минут затяни ей жгут. Я позвоню бригаде скорой, скажу, чтобы везли ко мне. Слышишь? Все будет хорошо.

Скорая приехала быстро. Настена лежала на кровати, изможденная и без сознания. Дыхание ее рвалось, сердце едва билось, но судороги прекратились. Почти сразу, как Артем вскрыл ей вену.

— Часто с ней такие приступы? — спрашивал врач скорой, слушая сердце Настены, пока медсестра вводила ей лекарство.

— Это чтобы приступ не повторился, и ваша жена дотянула до больницы, — пояснила медсестра, видя, как напрягся Артем. Из всех врачей безоговорочно он доверял только Сане.

— Первый раз. С ней такое первый раз. Да она здорова...

— Здорова? — доктор убрал стетоскоп, проверил зрачки. — Из-за судорог у нее повысилось внутричерепное давление, лопнули сосуды, потому и кровь из глаз шла. Вы сделали все правильно. Ослабили давление и спасли вашей жене жизнь.

— Что с ней?

— Сердце почти не слышно, дыхание свистящее, а в остальном — детальное обследование покажет. Судороги прекратились сразу после венесекции?

— Почти.

— В сознание приходила?

— Нет.

— Приступ не повторялся?

— Нет. К черту вопросы, док. Скажи, что с Асей?!

— Если бы я знал, — доктор пожал плечами, отдав распоряжение забирать Настену в больницу.

Санитары погрузили Настену в машину. Артем сел рядом и всю дорогу не выпускал ее руку из своей. И все прислушивался, дышит ли она. Водитель гнал, как сумасшедший. И к Саниной больнице приехали быстро. Тот уже встречал на крыльце. Сосредоточенный, отдающий приказы. И странное дело — все его слушались. Тогда Артем впервые видел друга за работой так близко.

Настену забрали сразу и куда-то увезли. Артем хотел с ней, но друг не дал. Приказал ждать в ординаторской, куда сам же его и привел.

Артем ждал долго, и с каждой утекающей секундой ожидание становилось невыносимым. Он медленно сходил с ума, в ярких красках представляя, как умирает его Настена. Старался гнать эти мысли, но воспаленный мозг не сдавался, и Артему приходилось силой выдирать из себя самые светлые и яркие моменты их жизни. Только их

оказалось ничтожно мало, что мысли о смерти не казались такими уж нереальными. И когда Артем уже едва сдерживался, чтобы не завывать в голос, вернулся Эльф. Бледный, нахмурившийся и злой. А в глазах — точно смерть повидал.

— Нет, — простонал Артем, рухнув на кожаный диванчик. — Она не могла, — жуткие мысли становились реальными. — Нет...

— Сварог! Ася не умерла! — Эльф оказался рядом, заглянул Артему в глаза. — Слышишь меня? Ася жива. Жива!

До Артема доходило медленно. Жива. Настена жива? Значит, он все себе придумал. Настена жива. Жива. Это хорошо. Вот только облегчение не наступало.

— Что с ней? — вопрос дался с трудом. Артем боялся ответа, диагноза, приговора. Но больше он страшился того, что сказал Эльф.

— Я не знаю.

— Как не знаешь? — Артем опешил. Его друг, его лучший друг. Лучший врач на планете. Почти что Бог Алекс Туманов не мог не знать, что случилось с Настеной. Это даже не странно, глупо и невероятно. Алекс Туманов знал все, что касалось медицины и спасал даже самых безнадежных пациентов.

Как так произошло, что он понятия не имеет, что произошло с Настеной? И кажется совершенно растерянным.

— Мне нужна ее амбулаторная карта, — вместо ответа сказал Эльф.

— Что с ней, Саня? — не отставал Артем. — Она все, что у меня есть. Она не может умереть, слышишь?

— Ася не умрет, — ответил Эльф, вот только Артем не поверил. Впервые не поверил лучшему другу. — Карту сможешь достать?

— Смогу.

Карту он достал быстро. Достаточно было заплатить медсестре частной клиники, где Настена стояла на учете. Он был готов на все, чтобы спасти Настену. И пара тысяч — ничтожная цена. Артем надеялся, что записи в карте прольют свет на случившееся с Настеной, но Эльф даже читать ее не стал. Почему?

— Тем, тебе нужно сдать анализ крови, — с ходу заявил Саня, заперев ординаторскую.

— Что-то с Асей? Ей хуже?

— С Асей без изменений. Ее состояние тяжелое, но стабильно. Пришли ее анализы, — он сделал глубокий вдох, выдохнул. Ему было трудно говорить. Трудно? Эльфу? Почему?

— В чем дело, Саня? — голос дрогнул, и Артем сжал кулаки. Его слабость — сейчас не то, что нужно Настене.

— У Аси ВИЧ...

Слова ударом под дых. Воздух стал вязким, перед глазами вспыхнуло алое марево. В голове словно разорвалась граната. И сквозь звон в ушах злой голос.

— Сварог! — кто-то тряс его за плечи. — Сварог, твою мать! Вернись!

«Тема...», — далеко, как будто эхо.

— Настена... — хрипло, со свистом, выдохнул Артем.

«Ты нужен мне, Тема...»

— Я здесь, Настена. Я рядом.

— Сварог! Очнись! Ну же!

Артем видел суетящегося Эльфа, чувствовал его страх и злость. Но сейчас... Сейчас что-то произошло и ему было плевать на друга. Он слышал только голос в голове. Слабый, на

границы смерти. Голос Настены.

— Артем!

— Мне нужно, — он глянул на друга. Алое марево рассеялось. — Нужно к ней.

— Тем, ее организм сейчас...

— Мне нужно! — взревел он, схватив Саню за лацканы халата. — Нужно к Асе! Немедленно! Иначе она умрет... — добавил он, отпустив друга.

Артем понял это сразу, как только услышал ее голос в голове. Она звала его. Просила о помощи. И он должен был прийти. И он придет к ней, даже если ему придется разнести полбольницы и убить лучшего друга.

— Идем, — кивнул Эльф.

Артем ненавидел реанимацию с детства. С того самого момента, как в палате реанимации он узнал, что остался один. Что родители так и не сумели выбраться из горящего дома: мать задохнулась, а отец сгорел заживо, пытаясь ее вытащить. Что он не успел. Не смог спасти маленькую сестру. Он ненавидел реанимацию. Потому что там выжил. Один. Перепуганный десятилетний мальчишка, возненавидевший весь мир. И теперь он снова стоял в реанимации — перепуганный и беззащитный. Теряющий и не отпускающий единственно нужную ему женщину.

На него нацепили стерильный костюм, бахилы, маску и даже перчатки.

— У нее сейчас совсем нет иммунитета, — пояснял Эльф, пока Артема одевали. — И любая, даже самая безобидная инфекция может ее убить. Понимаешь?

Артем понимал. О ВИЧ и СПИДе он знал все и даже больше и прекрасно понимал, что и сам наверняка ходит с этой дрянью в крови. Но на все воля Божья — так всегда Настена говорит. Артем как-нибудь переживет. Люди с таким диагнозом могут до самой старости прекрасно жить. Но выдержит ли Настена?

— Какая стадия? — Артем закрыл глаза, набираясь сил.

— Третья, возможно начало четвертой... точнее сейчас не скажу. Но судя по ее состоянию... — он помолчал немного. — Тем, ты понимаешь, что она не могла не знать?

— Третья-четвертая, а я ничего не заметил... Как я мог не заметить, Сань? — Артем взглянул на друга. Эльф молчал. — Я же с детства жил с этим знанием... Я знал все об этой дряни лет с пяти... Как я мог не заметить?! Не понять, что Ася больна?!

— Тем, ты не врач, — Саня сжал его плечо. — А первые стадии никак не проявляются, разве что в анализах и то не всегда. Но я не о том...

— Она не могла, — перебил Артем. Он знал, что Саня хочет сказать. Как и то, что все не так. — Наше знакомство было случайным, если ты об этом. Ты же сам видел...

— Господи, Сварог! — простонал Эльф. — Ты же взрослый мужик, войну прошел, а элементарных вещей не замечаешь. Ее могли подложить под тебя, понимаешь? У тебя обнаруживается смертельный диагноз — это морально подкосит кого угодно. Ты потеряешь хватку и тогда тебя сожрут. Расчет прост. Неужели ты не понимаешь?

— Нет, Эльф, ты не прав. Настена, она...

— Дочь Гурина. Его плоть и кровь. Гурин — не дурак и прекрасно понимает, что девчонка может тебя зацепить. Тем более, уже зацепила. Что ты можешь использовать ее против него. Так почему не сделать тоже самое? Ты прекрасно понимаешь, что ему плевать на всех. Тем более на твою Асю. Она для него — расходный материал. Сам же знаешь. Или напомнить тебе, что Гурин сделал с твоей семьей? Так неужели ты думаешь...

— Заткнись! — рявкнул Артем. — Я никогда, ни на минуту не забывал, что случилось с моей семьей и кто в этом виноват, — говорил зло, с трудом сдерживаясь, чтобы не ударить лучшего друга. — Но Ася — не Гурина. Она — не одна из них. Я знаю. И закрыли тему.

— Ладно, как скажешь, — капитулировал Эльф. — Мне надо проверить пациентов. Капельницу Асе менять только через полтора часа. Если что — медсестра на посту. В случае чего — экстренная кнопка рядом с койкой. Не буду вам мешать.

И ушел, оставив Артема наедине с Настеной и ее теперешней жизнью — аппаратами жизнеобеспечения.

А через два часа вирус в крови Настены решил ее убить. Вернулись судороги, носом хлынула кровь, показатели на мониторе сошли с ума и менялись со скоростью звука. Артем прижал ее к кровати и просил держаться, бороться с тем дерьмом в крови, что не давало ей дышать. Дежурный врач раздавал команды медсестрам, что-то кололи Настене, но ничего не помогало. Она хрипела, билась в крепких руках Артема.

— Туманова сюда! Срочно! — рявкнул врач одной из медсестер.

— Я уже здесь! — жесткий командный голос. — Двести единиц инсулина внутривенно и еще сто подкожно. И побыстрее!

— Алекс, это ее убьет! — вмешался дежурный врач, коренастый мужичок лет на десять старше Артема и Сани.

— Не убьет, Степан, — возразил Эльф.

— Да столько даже диабетикам при коме не вводят, а у нее судороги. Судороги, Туманов!

Но Эльф не отвечал, перехватил шприц и уже почти вколол, но врач Степан оказался проворнее, схватил Саню за плечо.

— Ты с ума сошел? Хочешь убить пациентку? — Степан нервничал, но руку держал крепко, не давая Сане возможности сделать инъекцию.

— Отвали! — гаркнул Артем, не дав другу ответить. — Это моя жена и я решаю, что ей колоть!

— Но...

— Отвали, я сказал, иначе убью, — процедил Артем, сжимая руки Настены.

— Я умываю руки, — Степан отпустил Саню и тот ввел инсулин одновременно с медсестрой, уколотившей в живот.

— Шестьдесят секунд, — прошептал Эльф. — Всего лишь минута...

Когда Артем мысленно сосчитал до шестидесяти, Настена обмякла, показатели нормализовались, дыхание выровнялось.

Артем недоуменно взглянул на друга.

— Что это было? — прохрипел он. — У Настены никогда не было диабета. В чем дело?

— Вводим сорок единиц инсулина подкожно и сто миллилитров физраствора капельно каждый час, а каждые два — кровь на анализ, — скомандовал он медсестре и только тогда посмотрел на Артема. — Пойдем поговорим. Ночь будет долгой.

К утру анализы крови показали отсутствие вируса. Артем мерил шагами ординаторскую, в сотый раз перелистывая амбулаторную карту Настены. И, наверное, раз в десятый выслушивая рассказ Эльфа. О том, как Настена родилась в лаборатории. Как ее мать умерла при родах. Как ставили опыты над новорожденной девочкой. И насколько бесценна ее кровь и девственность.

— У Аси очень любопытный состав крови...

— Сань, избавь меня от медицинских подробностей, — перебил Артем. — Скажи, зачем травить Асю?

— Ее не травили, — Эльф заварил кофе. — Ее заразили ВИЧ. Но в ее крови есть антитела, которые нейтрализуют клетки вируса. Ася — просто уникальна. И ее кровь — это не просто находка, это чудо.

— Чудо, выведенное в лаборатории Академика, — прорычал Крутов. — Скажи мне тогда откуда судороги? Ася чуть не умерла! — швырнул на стол карту.

— И умерла бы, если бы не инсулин. Ты спас Асе жизнь, — Эльф постучал пальцем по карте. — Когда у вас был секс?

— Неделю назад, — нехотя ответил Крутов. — После моей встречи с Гуриным, мы спим в разных спальнях.

— Ты ей рассказал? — удивился Саня.

— Дурак я, что ли... — усмехнулся Артем. — Ася говорила — у нее женские дни. И знаешь, — он сжал и разжал обтянутые черной тканью пальцы, — она вообще меня к себе не подпускала. А вчера мы поругались и я ушел из дома. Проколесил полночи по городу. А когда вернулся... — он осекся. — Сань, а если бы я утром приехал? — сжал кулаки, стукнул по столу. — Узнаю кто, убью.

— Тем, не пори горячку, — Эльф встал, подошел к окну. — Все будет хорошо с твоей Асей. Жизненные показатели в норме. Маловероятно, что и ты заражен. Но анализы все-таки сдай, на всякий случай. А в остальном... Ну найдешь ты того, кто ввел дрянь Асе и дальше что? Уверен, ты и сам понимаешь, что все это дело рук Гурина. Она никогда не простит тебя, Тем. Ты просто будь рядом с ней. Просто люби ее.

Он задумчиво почесал бровь. Потеребил армейские жетоны на шее. И на пафос потянуло. С чего бы это?

— Все еще по Маринке скучаешь? — догадался Артем.

— Она аборт сделала. Снова, — он горько улыбнулся. — А я жениться на ней хотел. Тем, — он посмотрел на Крутова, — женись на Асе и увези ее отсюда нахрен.

— Прямо сейчас?

— Что?

— Жениться и увезти прямо сейчас?

— Ну... — Саня присел на угол стола. — Увезти ее сможешь ближе к вечеру. А жениться... Могу устроить хоть сейчас, — и улыбнулся широко.

— Алексей Андреевич, — в ординаторскую заглянула медсестра. — Гурина в себя пришла. Мужа зовет.

В палате было светло. Солнце нагло заглядывало в окно. Настена лежала на спине, жмурясь от назойливых лучей. На щеках румянец, у носа веснушки. И не скажешь, что ночью едва не умерла.

— Привет, — Артем присел рядом, поцеловал ее ладошку.

— Привет, — улыбнулась вымученно. — Почему я в больнице? — перевела взгляд на Саню.

— А ты ничего не помнишь? — Эльф остался стоять в дверях.

— А что я должна помнить? — она непонимающе посмотрела на Артема. — Я тебя ждала. Нервничала очень. Вдруг страшно стало, что ты не вернешься. Ты почему на звонки не отвечал?

— Девочка моя, я не слышал. Врубил музыку на всю в машине.

— Прости меня, — она погладила его по щеке. — А потом я, видимо заснула. Проснулась уже здесь. Я домой хочу, Тем.

— Ася, скажи, ты лекарства какие-нибудь принимаешь? Инъекции? — Саня встал напротив, руками уперевшись в бильце кровати. А Настена смутилась, занервничала.

— Настен... — тихо позвал Артем.

— Я проходила курс гормонотерапии, — сказала и зажмурилась. Да что это с ней?

— Причина? — настаивал Саня. А Артем не понимал. Саня же знает — причина в тех опытах, что над ней ставили. Тогда зачем спрашивает?

А Настена долго не отвечала, губу закусил. И кажется еще сильнее зажмурилась.

— Я ребенка хочу, — выдохнула Настена и пальчиками сдвинула ладонь Артема. — А у меня никак самой не получается. Гормональный сбой. Нет ни...месячных...ничего...вот...

— И последний раз на процедуре вчера была? — не унимался Эльф. Настена кивнула. А Артем все никак прийти в себя не мог от услышанного. Настена хочет ребенка. От него?

— Ладно, отдыхай, — он тепло улыбнулся. — Сдашь анализы, и Артем может забрать тебя. Но завтра ко мне. И еще. Я запишу тебя на прием к прекрасному гинекологу. Она тебя посмотрит и посоветует оптимальное лечение. Если оно необходимо. Хорошо?

— Спасибо, Сань.

— Ты еще расплачься, — съязвил, похлопав Артема по плечу. — На то мы и друзья.

— Настен, — Артем присел на край кровати. Она не смотрела на него, но руку не выпускала. — Это что сейчас было? Какие дети? Какая терапия? Что за бред?

— Сними, — вместо ответа попросила Настена. Артем стянул перчатку.

Настена прочертила кончиком пальца круг по его залатанной шрамами ладони.

— Думала, может, забеременею, и ты перестанешь уходить к этим своим... — она запнулась. — Знаешь, так вдруг семьи захотелось. Настоящей. Чтоб детский смех, топот ног, маленькие ручки в ладонях. Чтоб ты возвращался домой, а тут мы обнимаем тебя. И все счастливы. Дура, да?

Она повернулась. В рысьих глазах — тоска.

— Знала же, что тебе это не нужно. А потом, когда увидела с этой...

— Стоп! — не выдержал Артем. Голова шла кругом от непонимания. — К кому я ухожу? Я что-то не понял. И с кем и когда ты меня видела?

— Две недели назад. В парке аттракционов.

— Твою мать, Настен! — он встал. — С тобой рехнуться можно, честное слово. Две недели назад...

— Рыжая такая, обнимала тебя... — подсказала Настена.

— Я не понял? Ты что, ревнуешь? Ты? Меня?

Настена чуть приподнялась на подушках.

— А три дня назад ты вернулся поздно. И разговаривал по телефону с какой-то Юлей... Наверное, с рыжей той, да?

Артему стало смешно.

— Подходящее место для выяснения отношений, что тут скажешь.

Настена пожала плечами.

— Я ничего не выясняю. Просто трудно принимать факт, что со мной что-то не так.

— А что с тобой не так? — Артем удивленно изогнул бровь. — Что ревнуешь? Так это нормально. Я тоже тебя ревную до одури. И хочу так, что дышать больно. А ты говоришь другие, что-то не так. Глупенькая.

Он присел на край кровати, провел тыльной стороной ладони по ее щеке.

— Я спать не могу. Места себе не нахожу. В голове бред. А вдруг ты себе другого нашла.

А тут еще ты со своими заморочками.

Он вздохнул. Настена прикрыла глаза, потершись щекой о его ладонь.

— Две недели назад я встречался с Лесей, сестрой Алекса, — хрипло говорил Артем глядя лицо Настены, шею. — Давно не виделись, вот она и повисла на мне, как маленькая. С детства так делает. А Юля — это моя сестра.

— Сестра? — она недоверчиво глянула на Артема. — Не знала, что у тебя есть сестра.

— Она давно самостоятельная, живет в Германии, — неохотно отвечал Крутов. Врать не хотелось, как и говорить о сестре. Непростая эта тема, его семья.

— Поехали домой? — Настена улыбнулась.

— Настен, — он обхватил руками ее лицо, заглянул в глаза. — Давай ты больше ничего не будешь от меня скрывать, ладно? И о детях...

— Не надо, Тем, — попыталась возразить она.

— И о детях мы будем решать вместе, хорошо?

Она кивнула.

— Поехали, а? Я так по тебе соскучилась.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сентябрь. 2014 год.

Понедельник. День.

Данил сидел на лавочке, подставив лицо осеннему солнцу. Вдыхал теплый сентябрьский воздух, наслаждаясь свободой. По еловым веткам скакали рыжие белки, спрыгивали на дорожки, не боясь людей. По синему небу плыли одинокие облака. И Данил вдруг подумал, что любил в детстве фантазировать, представляя облака разными животными или еще чем-то.

Воспоминания накатывали волнами, и Данил не мог отвязаться от них. Несмотря на то, что слишком тошно и больно.

Когда Олеся сказала, что он свободен, Данил растерялся. Не знал, куда идти. Как жить дальше. У него никого не осталось.

Аринка до сих пор снилась ему в кошмарах — истерзанная, с мертвыми глазами — и улыбалась, маня за собой. А с матерью он даже проститься не успел. О ее смерти Данил узнал от следователя. Олеся тогда ругалась сильно и пыталась добиться, чтобы Данил смог быть на похоронах. Но следователь лишь разводил руками — невозможно. Олеся злилась, а Данил понимал. И думал, что возможно это и к лучшему — запомнит мать живой.

Игнат встретил его у СИЗО, отвез на кладбище. А Данил так и не смог подойти к могиле. Он впервые в жизни ощутил себя беспомощным мальчишкой. Мама была его тылом. Отца биологического он не знал. Его воспитывал Алекс, друг Игната. И Данилу не нужно было другого отца.

Костромин никогда не испытывал нехватки любви и внимания. Он рос в полноценной семье, где родители любили друг друга и баловали его. У него было счастливое детство. И Данил всегда знал — у него самый лучший папа в мире. И самая замечательная мама. Добрая, веселая, красивая и сильная.

Даже будучи маленьким и не знающим всей правды — Данил не чувствовал себя брошенным, когда мать с Алексом развелись. Алекс любит его. Но у Алекса другая семья. Его семья. А у Данила — никого. Даже Игнат, отводящий взгляд и за что-то извиняющийся

— так и не стал частью его мира.

После кладбища Данил выл всю ночь, уткнувшись в мамино платье. Он сходил с ума в четырех стенах, разгромил пол квартиры, не ел, мало пил. И никого не пускал в свое одиночество. Пока в одно утро не приехал Кирилл. И понеслось. Секс, алкоголь и «Агата Кристи» под гитару.

Время замедлилось и растянулось в одно сумасшествие на грани удовольствия. И Данилу впервые за несколько месяцев было легко и хорошо.

Но два дня назад реальность вернула его из дурмана наслаждения. Неожиданно к нему домой нагрянул Алекс. Злой, чуть морду не набил. Попытался пожуричь Данила, как будто тот маленький мальчишка, но лишь устало махнул рукой и сказал, что с Крутовым беда.

— Даня, братуха!

Данил опустил голову, стряхивая воспоминания. Напротив стоял длинноволосый парень в косухе.

— Здорово, Дэн, — улыбнулся Данил неожиданной возможности отвлечься от тягостных мыслей. — Какими судьбами? — спросил, пожимая приятелю руку.

А Дэн вдруг напрягся и руку не отпустил.

— Опа, а это чё такое? — вместо ответа кивнул на темный след от наручников на запястье. — Любишь погорячее? — и лукаво сощурился.

Данил выругался, выдернув руку, и спрятал в карман джинсов, натянув рукав ветровки. Дэн хмыкнул и присел рядом.

— Так какими судьбами здесь? — повторил вопрос Данил.

— Магушку навещал. Чё-то мотор барахлит у нее, — Дэн провел пятерней по волосам, собрал в хвост и снова выпустил. Данил раньше не замечал за приятелем подобных девчоночьих жестов. Да и волосы длинные тот раньше не носил. — А ты давно откинулся?

— Недавно, — нехотя буркнул Данил. Развивать эту тему не хотелось. Забыть бы побыстрее. Серые стены камеры с нужником в углу. Узкие нарты с провонявшим сыростью и чужими телами матрасом. Лязг дверей и бурду в алюминиевой миске. Да только то время, проведенное один на один с собственной совестью в «каменном мешке» тюрьмы, никак не удавалось вычеркнуть из памяти.

Отец позвонил вовремя — избавил Данила от объяснений.

— Извини, — бросил он Дэну, отходя.

— У Артема остановка сердца, — холодный голос отца в трубке.

— Жив? — спросил Данил и перестал дышать.

— В коме. Я жду тебя у себя. Будем кино интересное смотреть.

— Кино? — не понял Данил. Оглянулся, но Дэна и след простыл.

— Кино, сынок. Боевик я бы сказал. Игнат уже в пути.

Кино действительно смахивало на боевик, только фантастический. Потому что на записи с камеры наблюдения в палате Артема было четко видно, как Данил пытается убить Крутова. Вот он входит в палату, намеренно пряча лицо от объектива камеры. Но рост, походка, одежда — все его. И голос... Голос тоже принадлежал Данилу. Вот он подходит к кровати и что-то вводит в капельницу, отчего показатели на мониторах резко меняются.

Отец нажал на паузу.

— Ну? Что скажешь?

Игнат с отцом пристально посмотрели на Данила. Охранник перекрыл двери. Кабинет на третьем этаже клиники. Бежать некуда.

— Твою мать, — выдохнул Данил, криво ухмыльнувшись.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сентябрь, 2014 год.

Пятница, ночь.

...Ася пропала ночью.

Игнат не знал, почему проснулся. Словно кто-то пнул в бок. Он распахнул глаза и первое, что обнаружил — пустоту рядом. Ася ушла. Опять бессонница? Она часто не спала ночами, уходила на кухню, забиралась на подоконник и пила кофе. Игнат поначалу опасался, что она сиганет вниз. Уже снимал ее с подоконника темной ночью и находил в парке недалеко от дома. Даже таблетки, прописанные психиатром, не помогали. Поэтому он обезопасился сам. Окна в квартире открывались лишь, чтобы можно было проветривать. А дверь он запирал каждый вечер и ключи прятал. Сегодня забыл. И Ася ушла. Босая. В пижаме и плаще. А на улице — осень и дождь уже вторые сутки.

Игнат умел собираться очень быстро. Туфли, джинсы, пальто, ключи от машины. И плевать, что под пальто — ничего, а туфли обуты на босу ногу. Плевать, что квартира осталась не заперта, а мобильник — брошен на кухне в бессмысленных попытках дозвониться. И дороги не видно за пеленой дождя. Важно одно — найти Асю живой.

И на ум приходило только одно место. Старый пешеходный мост почти не освещался и всегда манил Асю. Желтоглазые фонари мигали, норовя вот-вот погаснуть. Над темными водами реки стелился туман. Некогда белые арки моста размывал дождь. А свет фар выхватил маленькую фигурку на самом краю.

Дыхание перехватило. Игнат ударил по тормозам и вылетел из машины. Он бежал, перепрыгивая скользкие ступени, не сводя глаз с хрупкой фигурки.

— Ася! Не смей! — орал он во все горло. Но крик тонул в ночной тишине. А девушка на краю даже не обратила внимания. Он не видел лица, только белый плащ, но чувствовал — там, над пропастью стоит Ася.

Она обернулась, когда Игнату оставалось всего пару шагов. Темные волосы разметались, ударили ее по щекам. Теперь Игнат видел ее измученное лицо и сумасшедшую улыбку на губах. Удар сердца, короткий рывок — Игнат почти поймал ее, но она разжала пальцы и шагнула вниз.

— Нет!..

...Игнат резко сел и осмотрелся — один в собственной спальне. Потер ладонью влажное от пота лицо. Выдохнул. Сон. Это всего лишь сон. Один из многих, навещающих его по ночам. В те минуты, когда ему удавалось уснуть.

На кухне сварил кофе, устроился на подоконнике, вспоминая. Похоже, сегодня ему не отделаться от прошлого, так бесцеремонно влезшего в душу.

...Вода была не просто холодной — обжигающей, беспокойной. Водовороты то и дело затягивали на дно. И девушки нигде не было. Лишь на короткий миг мелькнула ее головка и исчезла в черной воде. Игнат нырял. Легкие жгло от нехватки воздуха, глаза болели. Но темнота под водой давила и не давала шанса на спасение. Паника потихоньку прокрадывалась в мозг, усталость сковывала. И шансы таяли, как туман, оседающий на травянистых берегах. Но Игнат упорно нырял. Почему-то было важно спасти эту ненормальную. И он достал. Схватил за ворот плаща, когда очередной водоворот утащил его на дно. Вытянул на берег. Бледная, неживая, облепленная тиной, она была такая маленькая, словно кукла. Игнат перекинул ее через колено, надавил на живот, ударил по спине. Снова и

снова. Пытаясь выбить воду из легких. Заставляя дышать. И он сумел. Вода лилась из горла и носа толчками, с кашлем и судорогами. А он гладил ее по волосам, что-то шептал.

— С днем рождения, — дрожащими губами улыбнулся Игнат, глядя в широко распахнутые глаза незнакомки.

Она тяжело дышала, ее била крупная дрожь. В глазах — паника пополам с неверием. Игнат подхватил ее на руки, она не сопротивлялась, уложил на заднее сидение в машину. Хотел вызвать скорую и позвонить Семену, но мобильного не оказалось. Ругаясь и сильно нервничая, довез девицу до ближайшей больницы, сдал врачам и уехал, наплевав на то, что ему нужно остаться до приезда милиции. Оставил координаты и рванул в ускользящую ночь.

Ему казалось, что он проколесил весь город, всматриваясь в фигуры редких прохожих, расспрашивая об Асе. Из таксофона набрал Семена, дежурившего этой ночью. Тот прошерстил сводки — никаких пострадавших, схожих с Асей. Никаких происшествий, где она могла бы пострадать. Никаких неопознанных женских трупов или странностей. Ася жива. Но где она? Проезжая мимо своего дома, заглянул в квартиру в надежде, что Ася вернулась. Дверь распахнута, в квартире никого.

На телефоне с десятков пропущенных вызовов — большинство от Крутова. И смс: «Ася у меня». Игнат устало опустил на стул, набрал номер...

...Артем приехал утром. Рассказал, что встретил Асю случайно. Привязались на улице уроды какие-то, а она и не защищалась. Не кричала. Артем бы мимо проехал, не один был, но девушка была босая и полуголая. В таком виде не гуляют по ночам под дождем. Он вмешался. А потом узнал Асю. Он звонил Игнату, но тот забыл телефон дома. Спасал незнакомую идиотку в то время, как с Асей едва беда не случилась. Искал по всему городу и даже не догадался позвонить другу. Они проговорили несколько часов, выпили не одну чашку кофе. А потом Артем предложил открыть Асе свой тату-салон.

— Ее нужно отвлечь, — он взъерошил волосы, стянул перчатки, почесал ладони. — Иначе она сойдет с ума, понимаешь?

Игнат понимал, как и то, что в эту ночь они могли потерять ее. И от этого понимания становилось тошно.

— Или с моста сиганет, — добавил Артем мрачно. — И мы с тобой не поможем.

Не помогут, хоть Игнат и пытался. Психиатр, таблетки, путешествия, — ничего не помогало, даже рисование. Она ломала кисти, резала холсты. Пока Игнат не попрятал все колюще-режущие предметы в доме. Странно, что проделанное Игнатом не дало никаких результатов, а Сварог вытащил Асю в считанные часы и теми же средствами. Почему?

— Где она сейчас?

— У меня. С ней Кирилл и психиатр. Алекс посоветовал — мировой мужик. Когда я уезжал — она рисовала.

...Игнат поставил чашку на подоконник. Закурил. До сих пор не понимал, почему тогда Ася осталась с ним. Ей было плохо с ним, сейчас Крушинин это знал. Она никогда не любила его так, как Артема. Пожалуй, только Сварога и любила. В больнице после пожара так и сказала. Прощения просила, злилась. На него? На себя? Игнат не знал...

...Со временем Ася ожила, стала снова улыбаться. И рисовать. Желаящих разукрасить свое тело оказалось не так уж и мало. Но это потом, а сперва она боялась. Отказывалась рисовать что-то на людях. И чтобы побороть ее страх, Игнат стал ее первым клиентом.

— Ты серьезно? — улыбалась Ася, когда он разделся и заявил, что она может

использовать любую часть его тела. Игнат кивнул.

— И ты не боишься? — не унималась Ася, рассматривая его, словно видела впервые. — Татуировка — это же навсегда. Или тебе сделать временную? Кажется, такие тоже есть... — она призадумалась, закусив кончик карандаша.

— Делай, какую хочешь, — улыбался Игнат тому, как она разглядывала его, будто диковинную зверушку.

— А рисунок?

— Целиком и полностью отдаюсь твоей фантазии, — он развел руками.

— И где хочу? — она лукаво сощурилась, скользнув взглядом по его бедрам и ниже.

Игнат усмехнулся, расстегнул ремень.

А Ася хохотала так счастливо и заливисто, что не удержаться.

Их поцелуй был со вкусом акварели и смеха. Нежный, долгий и непозволительно искренний. Ася царапала его спину своими ноготками, а Игнат таял от наслаждения. Стискивал ее в своих руках, желая только одного — стать с ней единым целым. Чтобы она была только его. Вся, от кончиков волос до закоулков души. Сейчас и навсегда...

...Игнат закурил. Посмотрел в окно, по которому стекали ручейки дождя. Тогда тоже шел дождь, барабанил по подоконнику. И Ася сделала-таки ему татуировку.

«Only God can judge me» у самого сердца.

— Если ты не веришь в Бога, — сказала она в ту ночь, водя пальчиком по витиеватым буквам на его груди, — Он будет верить в тебя.

Он так и не понял, когда у них все разладилось. Просто в один момент она стала чужой, полностью ушла в работу, практически поселилась там. Игнат пытался пробиться к ней, чтобы она открыла ему свои чувства, как в ту ночь. Но она пряталась за улыбчивой маской и обжигающими поцелуями. Пока однажды не назвала его чужим именем. Тогда Игнат понял, что невозможно заставить ее забыть Артема. Он никогда не заменит его. Да он и не хотел. И он стал ей другом, избегая близости и разговоров о Свароге. Секс стал редким, но ярким. Вот только после таких ночей, когда забывалось прошлое, будто ничего не было; когда исчезало все, кроме Аси в его объятиях, — хотелось утопиться или напиться до потери пульса. Спасала работа. От мыслей, срывов и случайных связей. Пока не появилась Алиса.

Кто бы мог подумать, что та ненормальная с моста перевернет его жизнь. Что ею окажется Алиса, пропавшая полтора месяца назад. Что рядом с ней Игнат впервые за много лет почувствует себя желанным и счастливым. И что ее он будет подозревать в гибели Аси. Ее и лучшего друга.

Крушинин взял пепельницу и вернулся в спальню. Сел на кровать, поставил под ноги пепельницу и посмотрел на стену напротив. В тусклом свете настольной лампы стена казалась алтарем — свечей только не хватало.

Игнат мрачно улыбнулся, стряхнул пепел, сощурился. В самом центре его настенного расследования висела фотография Аси. Рыжая, смешная, спасающая ему жизнь.

...Она появилась утром...или днем. Игнат давно перестал различать ночь и день — для него все стало серым, как пепел сигарет на подоконнике. Странно, что ему позволяли курить. В этом месте все под запретом — даже стены мягкие и посуда из пластика. К нему не ходили санитары, а еду приносили друзья. Впрочем, ему было плевать на еду. На все плевать. Кроме нее. Светлая, задорная, она щебетала без умолку. Разговаривала с ним, хотя он молчал. Смеялась и рисовала. И чертовски мешала понять, кто убил Дашу. Он сделал все, чтобы его не отвлекали. Отделался от санитаров, назойливого главврача, так лживо

сочувствующего его беде, и лекарств, дурманящих мозг. Отвадил друзей — всех, кроме Алекса. Тому клятва Гиппократата не позволяла бросить Игната, он же ему и еду таскал. Он уже почти понял, кто убийца, но тут появилась Ася. И все пошло наперекосяк. Она единственная, кто не испугался его «приступов» — разорванных листов, брошенных в лицо, злого взгляда и синяков на ее тонких запястьях. Она приходила снова и снова. Как будто ничего не было. И он перестал ее выгонять. Стало вдруг любопытно, а что будет дальше.

Игнат украдкой подглядывал, как она рисует. Как смешно морщит нос, когда ей что-то не нравится. Как закусывает губу, увлеченная процессом. Как щурится, намечая контуры. И как закалывает карандашом волосы, а потом сердится, когда не может его найти. А еще она оставляла Игнату свои рисунки. И на каждом из них были драконы. Маленькие, только делающие первые взмахи перепончатыми крыльями. Или огромные, сжигающие деревни. А в один день среди всех рисунков Игнат обнаружил и свой портрет. Станный. Черно-белый. И лишь глаза, смотрящие на него как будто из тумана, были теплого янтарного цвета. Асины глаза, вернувшие краски его существованию.

А потом она не пришла.

Игнат потерял уйму времени, чтобы убедить Алекса и врачебную комиссию, что он здоров. А оно утекало как вода и отдаляло от него Асю. Выписавшись, он долго не решался идти к ней. Все-таки женщина его друга. Но что-то необъяснимое тянуло его к этой девушке. И с букетом ромашек он позвонил в дверь ее дома.

Ася открыла не сразу. Игнат уже почти ушел. Но когда увидел ее — бледную, измученную, с траурной лентой в рыжих волосах — понял, что уже никогда не бросит.

Тогда он видел только один способ вытащить Асю из того болота, в котором она увязла — подарить ей улыбку. Они проводили вместе сутки напролет. Гуляли по вечерним улочкам города, катались на лошадях и пропадали в парке аттракционов. Ели пиццу и сладкую вату, пили коктейли в пляжных кафе и заедали мороженым, и просто болтали. И сердце в груди Игната стучало сильнее, когда он видел Асину улыбку. Искреннюю, открытую, в которую он, сам того не подозревая, влюблялся сильнее с каждым днем.

Но незаконченное дело все разрушило.

В то утро они собирались на конную прогулку. Но неожиданно в гости приехал генерал Субботин, отец покойной жены Игната — Даши. Он попросил Крушинина вернуться на службу и разобраться в смерти его единственной дочери. Отказать постаревшему на десяток лет генералу Крушинин не смог. А еще через два месяца Ася сообщила, что беременна, а Игнат вышел на след убийцы жены. Им оказался сводный брат Аси...

...Игнат устало потер лицо, смял тлеющую сигарету. Курить расхотелось. Как и вспоминать. Попытался сосредоточиться на нынешнем незаконченном деле — гибели Аси. Перевел взгляд на снимок Сварога, к которому указывали все черные стрелки от газетных вырезок и других фотографий. Игнат смотрел и не верил собственным выводам. Когда так вышло, что все ниточки сошлись на Артеме? Как так получилось, что Сварог убил Асю? Женщину, которую любил до одури?

Взглянул на снимок своего сгоревшего дома. Черные стены и провалы окон, выжженная земля. Этот дом — подарок Эльфа и Сварога на свадьбу. Всем занимался Артем: от плана дома под руководством лучшего архитектора до подбора рабочих. Внутри дом — творчество Аси. Сварог знал каждый закоулок в доме, все ходы и выходы, в том числе и о тайной калитке знал. Он один мог попасть в дом тем вечером. Именно он зачем-то ехал к Асе. Да, он сказал, что якобы Ася сама ему позвонила. Но почему ему? И что странное — распечатка

звонков по его номеру показала, что Артем врет. Зачем? И Кирилл утверждал, что весь вечер его никто не беспокоил. А ведь он первый, кого Сварог бы вызвал в случае опасности. Почему Артем не позвонил Кириллу? Зачем вытащил Асю из пожара, если хотел убить? Часть плана? Тогда вполне может быть, что и Ася его узнала, потому и сказала, что ничего не помнит. Вообще ничего о том вечере. Выгораживала? Или же действительно не помнила?

Именно Артем рассказал Крушину о девице, покушавшейся на Асю в больнице. Он знал об особенностях Асиной крови, об опытах, результатом которых она была. И что девица в больнице — сводная сестра Аси. И что Игнат будет стрелять на поражение. И все бы хорошо, но Артем и тут ее спас. Зачем?

Игнат потер переносицу, прикурил. Он не понимал спектакля, разыгрываемого Сварогом. Или не Артема? Но тогда кто? Как объяснить все?

И натальный крестик Сварога, найденный в квартире Ольги после ее смерти. Как он мог там оказаться, если Артем никогда там не был? И откуда под ее ногтями частички волокон ткани, идентичной перчаткам Сварога?

И самоубийство брата Аси как раз тогда, когда Игнат решил поговорить с ним. С чего вдруг ни в чем не нуждающемуся мужику вздумалось повеситься? Или же кто-то его повесил? И если так, то что он мог рассказать Игнату?

И почему Сварог не рассказал, что знаком с Алисой?

Игнат потер ладонью лицо, подошел к стене, всматриваясь в фотографию женщины, которую он успел полюбить. И Алиса ни словом не обмолвилась, что в начале карьеры служила медиком в Африке. Служила вместе с командой Сварога. И что после тамошней войны выжили только они вдвоем. Теперь Игнат сомневался даже в том, что его знакомство с ней было случайным. А теперь Алиса исчезла. На момент гибели Аси — ее в доме не было. И тело ее не найдено.

Игнат стукнул кулаком по стене, выругавшись. Все слишком очевидно. И это настораживает.

В эту схему, чья бы она ни была, никак не вписывается убийство Даниной подружки. Слишком показное убийство. Игнат поморщился, выдохнул клубок дыма. Слишком явно указывает на гибель его бывшей жены. Как и способ убийства Ольги. Кто мог знать такие подробности того дела, если убийца давно мертв? Сварог?

Все сходилось на Артеме. Кроме одного. Отсутствие мотива. А без мотива все выводы полная чушь. Потому что жизнь показывала все наоборот. Сварог ушел в запой. Стал нелюдимым. Забил на бизнес, хотя верфи и заводы — его детище, за которое он глотку перегрызет кому угодно. Осознал, что сотворил и слетел с катушек? Не похоже на циничного Крутова. Не похоже на убийцу, продумавшего такую гениальную схему. Да и Крутов уже не похож на прежнего себя.

Нет, Игнат не жалел друга. Сам когда-то был готов убить его. Ночами, слушая тихие всхлипы Аси, он представлял, как стреляет в нагло ухмыляющуюся морду Сварога. Теперь Артем — овощ, запертый в психушке. Почти труп. Да только больше нет той, ради которой Игнат мечтал об этом. Ася погибла. Судьба расставила все на свои места. Сука...

Игнат затушил сигарету. Где же мотив? Месть? Деньги? Бизнес? Что?

Игнат тяжело выдохнул, взъерошил волосы.

Бред. Не мог Артем убить Асю. Ради нее убить — легко. Под пули за нее — не задумываясь. Но он бы пальцем не тронул ее. Слишком любил. И самого себя упечь в психушку тоже не мог.

Тогда кто? Крушинин осмотрел увешанную газетными вырезками и снимками стену. Кто мог выстроить такую схему, чтобы все сошлось на Артеме? Кто мог подставить Даню и попытаться убить Артема в больнице? Не сам же? И зачем теперь убивать его? Что же случилось такое, что Артем стал не нужен? Кому? Кто мог подобраться к Артему настолько близко? Только тот, кто всегда рядом. Тот, кто мог прийти к Артему в любое время суток. Тот, кто знал об Артеме все. Ну или почти все. Таких немного. Крушинин подошел к окну. И самый близкий из них к Артему — Кирилл Погодин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Март, 2015 год.

Среда. День.

— Крушинин слушает.

— Привет, Игнат.

— Ринат? — Игнат глянул на дисплей — номер незнакомый. — Ты откуда звонишь?

— Неважно. Я нашел, что ты просил. Просто бомба. Подъедешь?

— Говори адрес, — Ринат продиктовал адрес кафе неподалеку. — Буду через полчаса.

Заскочу только в одно место.

— Я жду.

Игнат залпом допил остывший кофе, в коридоре обулся, на ходу натянул куртку, открывая дверь. И нос к носу столкнулся с Алисой. От неожиданности он отступил на шаг и присвистнул.

— Охренеть, — только и вымолвил, разглядывая девушку. Мешковатый спортивный костюм, бейсболка, в руках темные очки. А на бледном и как будто постаревшем лице страх и сомнение.

— Привет, — голос тихий, надломленный. И в глаза не смотрит. Нервничает, теребя очки. — Нам нужно поговорить.

— Даже так? — Игнат прокрутил на пальце ключи, нахмурился. Появление Алисы спустя полгода вызывало целую гамму чувств. От яркого желания надеть наручники и отправить в «обезьянник» до не менее острого — придушить на месте. А она тут поговорить захотела. Если бы не факт, что она, как минимум, свидетельница гибели Аси, Крушинин и на порог ее не пустил бы, не говоря уже о разговорах.

Она кивнула.

— Пустишь? — и подняла взгляд.

— Ну проходи, — он отошел в сторону, пропуская Алису. Та мышкой шмыгнула внутрь, сжалась, притаилась. Боится? Чего? Или кого? А впрочем, правильно, что боится. Он ее жалеть не намерен.

Игнат вошел следом, запер дверь, провел Алису на кухню.

В молчании Игнат сварил кофе, налил в чашку, отпил большой глоток.

— Похоже, правила хорошего тона отменили, — хмыкнула Алиса.

Игнат пристально посмотрел на нее. Она дернула плечом, натянула рукава ветровки на самые пальцы, отвернулась.

Игнат усмехнулся. Вот и правильно. Пусть знает, что здесь она — не гостья.

— Я слушаю, — Игнат присел на подоконник, поставив чашку рядом, и скрестил на груди руки.

— Я... — начала она и осеклась. Вдохнула-выдохнула. Игнат не хотел ей помогать. У него накопилась тьма вопросов, на каждый из которых он жаждал получить ответ, но он

чувствовал — Алиса сама ему все расскажет. Важно, с чего она начнет.

— Я знаю, кто убил Асю, — на выдохе произнесла она.

— И кто же? — прищурился Игнат.

— Артем, — едва слышно ответила.

— Артем, значит, — Игнат глянул в окно. Сыпался снег, мелкими хлопьями облепляя карниз. Странно, что она указала на Артема. Врет? Игнат присмотрелся к Алисе, то и делс вздрагивающей непонятно от чего. Как разглядеть ложь в той, что уже однажды обвела его вокруг пальца?

— Почему я должен верить тебе? Ты исчезла на полгода. Ты жива, а Ася — нет. И теперь ты заявляешься сюда и говоришь, что мою жену убил мой лучший друг. Человек, который умер бы за нее. Почему? И где ты была все это время?

— У меня были проблемы.

Прозвучало неубедительно.

— Проблемы? Настолько серьезные, что ты даже не могла позвонить?

— Твой лучший друг приставил ко мне своих бульдогов. За мной следили, вплоть до того, сколько раз в день я хожу в туалет. А телефон вообще отобрали. Полгода я жила как в аду. Так что да, позвонить я не могла.

— И как же ты вырвалась от этих, как ты выразилась, бульдогов? — не складывалась у Игната картинка. Все как-то слишком киношно, что ли. Кто она, чтобы ее охранять, да еще полгода? И почему Артем оставил в живых столь ценную свидетельницу? Был уверен, что ей не поверят? Или же все гораздо проще — Алиса врет. Но зачем?

— Две недели назад твой друг снял своих ребяток.

— И ты решила примчать ко мне с повинной? — съязвил Игнат. Не верил он ей. Слишком все гладко у нее выходило. И все слишком сходилось с его собственными умозаключениями. И это настораживало. Но аргументов в противовес у него не было. оставалась надежда на Рината и его «бомбу». Игнат глянул на часы. Времени почти нет, но он не мог уехать, не спросив о случившемся полгода назад.

— Что произошло той ночью?

Алиса опустила голову.

— Была гроза... — заговорила тихо, кусая губы. Она сбивалась, подолгу молчала, возвращалась к началу. Голос ее дрожал, по щекам скатывались слезы. Ей было больно — Игнат видел. Но были ли ее чувства искренними? Действительно ли она боялась за Асю и хотела ее спасти, когда, по ее словам, Артем свернул шею Асе у нее на глазах? Действительно ли ей было страшно все эти полгода. И страшно ли сейчас. Игнат думал о ее чувствах, анализировал ее рассказ со стороны, абстрагируясь от собственных эмоций. Срываться сейчас нельзя. А он мог, потому что сам требовал подробностей. И Алиса ему дала их с лихвой.

— Ты уверена? — хрипло спросил, когда Алиса замолчала. Отпил кофе, чтобы промочить вмиг пересохшее горло. — Уверена, что то была Ася?

— В смысле? — она подняла взгляд. Глаза покраснели от слез.

— Ну ты же не видела лица, верно? Так с чего ты взяла, что Артем свернул шею именно Асе?

— А кому?

— Сколько ты отсутствовала в доме? — он подошел к окну, стряхнул пепел в стоящую на подоконнике пепельницу.

— Я...минут десять-пятнадцать.

— Пятнадцать минут...

Что могло произойти за эти пятнадцать минут? А ведь произошло — Игнат не сомневался. Но что?

— Игнат, — позвала Алиса. Он посмотрел на нее. — Но если в доме была не Ася, то кто? И где в таком случае Ася?

Хороший вопрос, учитывая, что родственники опознали в обгоревшем теле Анастасию Гурину. Игнат усмехнулся, вспоминая, как следователь показал ему протокол опознания. Из жалости, как он тогда сказал. Анастасию Гурину опознал ее сводный брат. По цепочке опознал с серебряным распятием и застарелым переломом трех пальцев правой руки. И остатки бинтов, как косвенная улика. Почему следователь не настоял на сравнительном анализе ДНК, Игнат не понимал. Его тогда по-тихому отстранили от дела. Он все понимал, таковы правила. Но когда ему не отдали тело, а похороны прошли без его ведома, Игнат подал рапорт об отставке. Держать его никто не стал. А он полгода пытался найти убийцу и могилу жены.

— Что было дальше?

— Дальше, — она встала со стула, прошла по кухне, — я пришла в себя в машине. И Артем убедил меня исчезнуть.

— Как? — Игнат смял сигарету, подошел вплотную к Алисе. — Как он убедил тебя?

— Это я ввела Асе зараженную кровь тогда в больнице, — дрогнувшим голосом выдохнула она.

— Что? Но как? Зачем? — Игнат сжал ее плечи.

— Сразу после операции. А потом позвонила Лизе, которую ты застрелил. Она приехала и...

— Ты! — взревел Игнат. — Как ты могла? Зачем? — он потрянул Алису. — Зачем, твою мать?!

— У меня не было выбора, — сжавшись в комок, проскулила она. — Я...Игнат... — она вцепилась в его руку. Но Игнат стряхнул ее пальцы. Отвернулся.

— Игнат, пойми, я... — она замолчала. — Я знаю, что ты мне не веришь. Для тебя Ася была всем. И я знаю, что виновата. Но я не хотела. Я...

— Кто? — сухо перебил Крушинин. — Кто заказал тебе Асю?

— Игнат, я правда не думала, что все так выйдет.

— Я спросил, кто?

Алиса судорожно вздохнула, вернулась за стол, обхватила колени руками.

— Марат Гурин, — выдохнула обреченно, как приговор.

Крушинин хмыкнул. Так вот, значит, по чьему заказу Асю едва не убили после пожара. Не зря тогда объявился ее братец спустя столько лет. Впрочем, теперь это не имело значения. Марат — мертв.

— У меня есть брат, — продолжала Алиса. — Он — игрок. Играет в карты на деньги. Тогда он впервые проигрался по-крупному. Сел за стол не с теми людьми. Его сильно избили, он два месяца в коме пролежал. За это время мама слегла с инфарктом. Нужны были деньги на операцию, немаленькие деньги. И Димкины кредиторы стали наезжать, — она раскачивалась на стуле взад-вперед, теребила тоненькое колечко на большом пальце. Единственное украшение, которое не снимала даже в операционной. Игнат помнил, как и то, что это колечко подарил ей он. Он отвернулся к окну, снова закурил. — У меня не было

таких денег. Мне квартиру предлагали продать, но что бы я выручила за двухкомнатную «хрущевку» в не самом благополучном районе? И куда бы потом привела маму? Впрочем, тогда я бы согласилась на многое, наверное. Но... — она запнулась, закусил губу, помолчала. — Но я пришла на тот мост. Ты меня спас...помнишь?

Игнат помнил, но отвечать не стал.

— А потом в моей жизни появился Марат, — продолжала Алиса. — Он достал деньги. Я не знаю, где, но достал. Я смогла расплатиться с долгами, сделать операцию маме, отправить на лечение брата после комы.

— Вылечила? — усмехнулся Игнат.

— Нет. Он снова играет. Он проиграл нашу квартиру. Мама умерла. Но это неважно.

Игнат промолчал. Он не знал, что важно. Он злился на Алису, придушил бы, если б мог. Да и мотивы ее возвращения вызывали сомнения. Что-то было еще, кроме мук совести и желания рассказать о гибели Аси. Но в тоже время он бы с огромным удовольствием свернул шею и ее братцу.

— Мы встречались с Маратом, потом разошлись. Остались друзьями. А год назад он узнал, что у него ВИЧ. И он пришел ко мне, — она задумалась ненадолго и добавила мрачно, — и потребовал долг.

— Ему понадобилась кровь Аси, — не спрашивал, утверждал Игнат.

— Да... — хрипло согласилась Алиса и откашлялась. — У Аси в крови есть антитела, которые уничтожают клетки вируса и восстанавливают иммунную систему. Но чтобы их выделить сразу в активной форме...

— Она тоже должна быть ВИЧ-инфицированной, — перебил Крушинин. — Поэтому ты познакомилась со мной?

— С тобой я познакомилась раньше. Марат не знал об этом. А я не знала, что Ася — твоя жена.

— Да брось, — Игнат уперся кулаком в стену, — тогда в больнице ты уже знала об этом. Разве это тебя остановило?

— Я не знала, что все так получится, — голос дрогнул. — Я правда не знала. Марат не говорил, что у нее может быть такая реакция. Игнат...

— Как Артем узнал об этом? — Крушинин посмотрел на жавшуюся на стуле Алису. Она дрожала и растирала ладонями плечи. Он смотрел на женщину, бывшую смыслом его жизни, и ничего не чувствовал. Ни ненависти, ни любви, ни жалости.

— Он видел меня с Маратом в машине и узнал по этому, — она закатала рукав куртки, обнажив запястье с красной птичкой. Игнат помнил ее. Асин рисунок. Игнат видел эту маленькую птичку с опаленными крылышками в ее каталоге уже после гибели. Странно, что он не вспомнил тогда про Алису.

— И он пригрозил, что все расскажет мне, верно? — он заглянул в кофейные глаза. Алиса молча кивнула. — Странно. Как-то не сходится, ты не находишь?

— Я...

Он жестом оборвал ее на полуслове.

— Как бы он узнал, что ты не пошла в полицию или ко мне? Не мог же он караулить тебя?

— Мог, — хмыкнула Алиса. — И его ребята отстали от меня всего лишь неделю назад.

Игнат нахмурился. Бред какой-то. Что случилось неделю назад, что Крутов снял наблюдение со свидетеля его преступления? Решил, что ей никто не поверит? А зачем тогда

«пас» полгода? Что изменилось неделю назад? А ведь изменилось. Сварог никогда ничего не делал просто так. Во всех его поступках был смысл. Значит, он имелся и сейчас. Вот только какой?

— Так, ладно, — он глянул на часы — к Ринату опаздывал. — Посидишь пока здесь, — достал мобильник, набрал своего бывшего подчиненного, попросил об одолжении. Тот согласился без вопросов.

— Не арестуешь? — Алиса уставилась на него непонимающим взглядом.

Он бы хотел. Так было бы безопаснее для нее в первую очередь. Но он не мог — больше не служил в «органах». Значит, лучшее, что он мог сделать, пока не проверит слова Алисы — запереть под замок в собственной квартире.

— Я тебе не доверяю, так что побудешь под присмотром, пока меня не будет. Я вернусь, и мы продолжим нашу беседу. И твои слова я непременно проверю, так что советую хорошенько подумать, не соврала ли ты мне? Потому что если соврала...

— Зачем мне врать?

— Тебе виднее.

Больше они не говорили. Саня с Жекой — лучшие оперативники некогда команды Крушинина — приехали быстро. Игнат попросил присмотреть за важной свидетельницей и уехал на встречу.

Ринат сидел за столиком, потягивая коктейль и не сводя глаз с симпатичной официантки.

— Привет, — поздоровался, хлопнув приятеля по плечу. Тот кивнул, пожав Игнату руку. Лицо вмиг посерьезнело. — Что нарыл? — без предисловий перешел к делу Крушинин.

Ринат придвинул Игнату кожаную папку. Тот расстегнул, извлекая снимки и бумаги. На снимках — Кирилл с немолодым мужиком в дорогом костюме.

— Это Семен Владиленович Карпатский — известный нотариус, занимается в основном делами, связанными с наследством и признанием законности наследников, — заговорил Ринат, откинувшись на спинку стула.

— И что же Погодину понадобилось от этого Карпатского? Это кто?

Он указал Ринату на привлекательную блондинку, снятую с Кириллом пару дней назад. Случайная встреча, судя по фото. Но узнать, кто она, стоило.

Ринат всего секунду смотрел на девушку.

— Катрина де Лакруа, уроженка французского города Лилль, — отрапортовал. — Сирота. В прошлом модель. Успешная очень. Ушла из модельного бизнеса семь лет назад на пике своей популярности. С тех пор о ней ничего неизвестно: ни где живет, ни чем занимается. Ходили слухи, что она давно умерла, так как будучи моделью подседа на наркоту. А самые близкие ее подруги сплетничали об удачном замужестве с миллионером. Но подтвердить слухи никак не удалось.

— Любопытно, — Игнат задумался. Девушка действительно была красивой. Высокая, фигуристая. Броский макияж, стильная стрижка. И выразительные серо-голубые глаза. И Кирилла зацепила — по фото видно, как он на нее смотрит. Но что-то странное было в этом. Почему эта Катрина появилась именно сейчас, спустя семь лет, к тому же еще и рядом с Погодиным? Игнат не верил в такие совпадения. Он потер лицо. Или у него действительно паранойя, или эта барышня появится снова.

Игнат поднял взгляд от снимков.

— Так что там с Карпатским? — напомнил Ринату.

Тот кивнул.

— Семен Владиленович признал Погодина законным наследником Анастасии Гуриной.

— Значит, все-таки родственник.

— Судя по документам — да, — Ринат отхлебнул коктейль. — Погодин — родной дядя твоей жены.

— Уверен?

— Обижаешь, — протянул, щелчком крутанув трубочку в бокале. — У меня только проверенные источники.

— А твой проверенный источник случайно не поделился, наследником чего стал Погодин?

— Там все есть, — кивнул на папку и отвлекся на рассмеявшуюся официантку. Игнат усмехнулся и пролистал документы. Исходя из написанного, Кирилл Погодин стал владельцем загородного дома на побережье, который прежде принадлежал отцу Аси, тату-салона и совладельцем судостроительной компании, полученной Крутовым от Гурина. Правда, с тех пор компания значительно разрослась и сейчас входила в тройку крупнейших в Европе.

Игнат пересмотрел документы несколько раз, не веря собственным глазам. Когда это Ася успела стать совладелицей верфей? И почему ничего не рассказала Игнату? Не успела? Не могла же она не знать? Этого, конечно, Игнату теперь не выяснить. Но зато кое-что начинало вырисовываться.

— Ну как? — сощурившись, поинтересовался Ринат.

— Ты был прав, это действительно бомба.

— А то, — и улыбнулся так, словно Америку открыл. Здоровенный детина, а радуется, как ребенок.

— Спасибо, Ринат. Я твой должник, — Игнат собрал документы, подхватил папку.

— Сочтемся, — серьезно кивнул Ринат. — И что теперь?

— Теперь? — Игнат поднялся. — Теперь я знаю, что у Погодина был веский мотив убить Асю. Осталось дело за малым — доказать.

Ринат фыркнул.

— Ладно, Казанова, удачного дня, — Игнат пожал на прощание руку и ушел.

Надо было в контору заскочить.

По дороге отзвонился Жека. Отчитался, что Алиса в конфликты не вступала да и вообще не разговаривала. При досмотре личных вещей ничего не нашли, даже мобильного телефона. Странно все. Зачем Крутов переписал на Асю половину акций компании? И когда он это сделал? Что произошло полгода назад? То, что видела Алиса — было спектаклем или же Артем действительно свернул Асе шею? И если спектакль, то зачем? А убил зачем, если убил Артем, в чем Крушинин сильно сомневался. Кто был сообщником Артема в ту ночь? И вообще был ли в доме тогда Артем? Не врет ли Алиса? Стоило проверить ее слова. И если не все, то хотя бы о ее прошлом. И Игнат знал человека, который мог подтвердить или опровергнуть ее слова.

В баре на побережье было тихо и малоллюдно. Музыка не играла, а из посетителей — только парочка в дальнем углу зала. Хозяин заведения кудесничал за барной стойкой, насвистывая незатейливую мелодию.

— Минералку с лимоном, — заказал Крушинин, сев напротив коренастого брюнета.

— Какими ветрами, товарищ майор? — хозяин поставил перед Игнатом бокал воды с

кусочком лайма.

— Давно не майор, Джокер, — отпив глоток воды, усмехнулся Игнат. Джокер поморщился как от зубной боли.

— Так и я не знаком с тем, кого вы Джокером величаете, — он протер столешницу, закинул белоснежное полотенце на плечо.

— Давно ли?

— Так с последней нашей встречи, — улыбнулся Джокер.

— Помнится, при нашей последней встрече я получил пулю, вытягивая тебя, — Крушинин сделал еще глоток минералки.

Джокер помрачнел.

— Не люблю быть должным.

— Я как раз о долге и пришел поговорить.

Игнат достал из кармана фотографию Алисы, положил перед Джокером.

— Красивая, — глянув на снимок, кивнул Джокер. — Но не в моем вкусе, — отодвинул фото ближе к Игнату.

— Ее зовут Алиса Вербицкая, — Игнат вернул снимок Джокеру. — Ее брат, Димон «Малой», проигрался по-крупному в твоём казино.

— В каком таком моем казино? — удивился Джокер. — Я законопослушный гражданин и не имею...

— Да брось, — Игнат выложил на стойку несколько снимков, сделанных в подпольном казино несколько месяцев назад. Пришлось потревожить старых коллег, работающих как раз в теме подпольного игрового бизнеса.

— Что ты хочешь? — от удивления и напускного простодушия не осталось и следа.

— Я предполагаю, что ты перекупил долг ее братца.

— Допустим.

— Сколько он должен?

— Тебе зачем, майор? — Джокер кивнул уходящей парочке. — Впрочем, неважно, — собрал фотографии, убрал под барную стойку. — Он должен мне сто штук и ее, — Джокер указал на фото Алисы.

Игнат осушил стакан, выдохнул. Примерно, такой расклад он и предполагал. Чувствовал, что не все так прозрачно с возвращением Алисы. Она знала, что братец проиграл ее в карты. Полгода она жила спокойно под бдительным оком Артема. А когда тот снял наблюдение, рванула к Игнату. Ей было плевать на Асю — ее интересовала только собственная шкура. По-хорошему, посадить бы ее или отдать Джокеру. Тот бы нашел ей красивое применение. Джокер слыл коллекционером красивых женщин. Она не заслуживала того, что Игнат собирался делать.

— Я хочу, чтоб ты оставил ее в покое. Это моя женщина, — произнес Крушинин. — Завтра утром у тебя будет триста тысяч. Взамен ты навсегда забываешь о ней, а я — о твоём долге и ее братце.

Джокер задумчиво посмотрел на фотографию.

— Не нужно мне твоих денег, майор. Проваливай, и забудь сюда дорогу. А я забуду о тебе и твоей крале. А ты знаешь, я держу слово.

Игнат выходил из бара со странным чувством облегчения.

До дома добрался быстро. Отправил сменившего Жеку Саню.

Алиса сидела верхом на стуле посреди его спальни и рассматривала настенное

расследование. Серьезная, сосредоточенная.

— С ума сойти, — произнесла, когда Игнат присел на кровать за ее спиной. — Ты такую работу проделал. Теперь я понимаю, как это важно для тебя. Значит, я правильно сделала, что вернулась. Вот только...

— Что только? — Игнат закурил.

— Ты и сам знаешь, кто убийца.

Игнат усмехнулся. Ничерта он не знал. Полгода прошло, а толку — ноль. Порой ему казалось, что он ходит по кругу, все время возвращаясь к началу. И отгадка, кажущаяся такой близкой, вновь ускользала.

— Ты меня обманула.

Она вздрогнула, посмотрела на него затравленно.

— Но я чертовски устал, чтобы что-то тебе доказывать. Поэтому сделаем так. Ты переночуешь у меня, но когда я проснусь утром — ничего не должно напоминать о твоём присутствии.

— А как же...? Куда же я пойду?

Игнат лишь пожал плечами.

— Я поняла, — она встала. Бледная, ссутулившаяся и как будто выпотрошенная. Игнат потер ладонью лицо, отгоняя ненужную жалость.

— Можешь занять соседнюю комнату. Чистое белье и сменную одежду найдешь в шкафу. Думаю, тебе подойдет. Это все, что я могу для тебя сделать. И да, о брате и долге можешь не беспокоиться.

Лишь на мгновение в ее глазах мелькнуло удивление и искорка чего-то отдаленно похожего на благодарность. Она слабо кивнула. И уже на пороге комнаты остановилась.

— Игнат, — он посмотрел на нее, — ты же давно понял, что это Артем. Почему ничего не сделал?

Крушинин пожал плечами и промолчал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Март, 2015 год.

Пятница. Вечер.

В ресторане уютно. Приглушенный свет, живая музыка, тихие голоса. Кириллу нравится это место. Здесь спокойно и легко забыть о проблемах. Почти интимная обстановка — шикарный способ очаровать спутницу или спутника. Кирилл усмехается, отпивая глоток вина. Его сегодняшняя спутница обворожительна. И наверняка горячая штучка. Кирилла давно так не возбуждали женщины. И дело не только в сексе. Было в ней что-то притягательное. Что-то, чего Кирилл не встречал ни в одной из своих любовниц. Он прикрывает глаза, вспоминая первую встречу с ней...

...Центральный парк две недели назад. Дождь. И она. Промокшая до нитки и радующаяся неожиданному ливню, как девчонка. Подставляла лицо холодным каплям, кружила по лужам, распахнув ладони. Кирилл опаздывал на встречу, но она зацепила его. Нечаянно столкнулась, легко коснулась. Свела с ума. Короткие белые волосы, завивающиеся у висков. Точеная фигурка в коротком плаще, длинные ноги на шпильках. И аромат. Этот дерзкий, почти мужской аромат ее парфюма заморозил. Кирилла сводил с ума ее запах. И ее шальная улыбка. Если бы он не опаздывал, то еще тогда непременно познакомился бы с ней и пригласил на свидание. Странное и нелепое желание просто наслаждаться ее присутствием. И не только в постели. Была в ней та неуловимая сексуальность, присушая

настоящим леди. Тонкая, прочерчивающаяся в казалось бы самых обычных движениях сумасбродного танца, улыбке, светящихся глазах. Он смотрел на нее и ловил себя на мысли, что хочет наплевать на все и провести этот день с ней. Но он спешил и ничего не мог отменить. А вечером пришлось наказывать Даню за потерянную девчонку. А Даня радовался его страсти, с наслаждением подставляя себя под удары плетью. И это злило Кирилла еще больше. Ему хотелось накала, сопротивления, а не тупого подчинения. И унять желание не помог ни секс с Даней, ни вид его красивого истерзанного тела, ни выпитая бутылка виски, ни наконец полученные верфи. Кирилл хотел ту белобрысую сумасшедшую из парка. Хотел всю, с ее смехом и шальной улыбкой. Всю и навсегда. И она снова появилась в его жизни десять дней спустя.

Все нервничали, потому что приходилось ждать неизвестно кого. Юрист молчал, хоть Кирилл и намеревался выбить из него информацию. Но Модестович тщательно избегал смотреть на Погодина, как и оставаться с ним наедине. Он лишь обмолвился, что должен прийти новый акционер компании. Кириллу было любопытно, потому что он знал: Крутов отдыхает в психушке за границей, а Костромин то ли в тюрьме, то ли в бегах. В общем, они — не конкуренты. Хотя Погодин ожидал, что Крутов будет бороться. Но он оказался слабее, чем Кирилл предполагал. Это расстраивало, хотелось хорошей игры. Но видать не судьба.

От мыслей его отвлекли голоса за дверью, заискивание секретарши. Какая-то неразбериха. Юрист поднялся, готовый выйти. Но в эту минуту дверь распахнулась и в конференц-зал вошла эффектная блондинка. Деловой костюм, строгое каре, броский макияж и цепкий взгляд. Кирилл замер, встретившись с ее пронзительными синими глазами хищницы. Юрист напрягся, но остался стоять. Она улыбнулась всем сразу, кивнула Михаилу Модестовичу и прошла к единственному свободному месту в зале — креслу гендиректора.

Погодин не верил собственным глазам. Прямо перед ним сидела та самая сумасшедшая из парка. Он ощутил, как волна желания растеклась по венам и пульс зашкалил до запредельных цифр.

Леди смерила его насмешливым взглядом и больше не смотрела на него, словно он враз стал пустым местом.

— Добрый день, дамы и господа, — заговорила низким, с сильным французским акцентом, голосом. По коже Кирилла рассыпались мурашки. Он передернул плечами. — Меня зовут Катрина де Лакруа. С этого дня я представляю интересы месье Крутова в этой компании.

Легким движением она положила на стол перед юристом папку с документами. Михаил Модестович углубился в чтение, а Кирилл не сводил глаз с блондинки. Катрина, значит. Красивое имя. Сладкое. Он усмехнулся, поймав себя на мысли, что представляет ее голой, пьющей утренний кофе на его кухне после жаркой бессонной ночи. Стало жарко. Кирилл слегка ослабил галстук. А Катрина тем временем раздавала указания начальникам отделов, с легкостью и профессионализмом отвечала на все вопросы. Была вежлива, холодна и цинична. Потому что в один момент уволила всех, кто посмел сказать слово против, сняла с ведущих должностей прежних сотрудников, заменив своими кадрами. И все это — Кирилл глянул на часы — за сорок две минуты ее присутствия в компании. Лихо, однако. Завораживающе. И ему вдруг захотелось оценить, как она поведет себя с ним наедине. Он хотел ее. Но не банально трахнуть, а разгадать ее, узнать ее секреты, таящиеся в небесно-синих глазах. И это пугало и возбуждало одновременно.

— Что-то еще, месье Погодин?

Значит, и о нем справки навела, потому что Кирилл не помнил, чтобы их знакомили. Подготовилась, значит. Это хорошо. Понимает, кто он. И наверняка подозревает, чего может захотеть. Переманить ее на свою сторону, конечно, дело хорошее, но не первостепенное.

— Месье Погодин? — она развернулась к нему. Верхняя пуговка блузки расстегнута, открывая тонкую цепочку, золотом стекающую в ложбинку между грудей. Захотелось увидеть, что же там прячется. Что носит на шее эта француженка. Грудь красивая, небольшая, а кожа белоснежная. На алых губах полуулыбка. В глазах интерес и шальной блеск. Ох, Кирилл чувствовал, что эта Катрина до добра не доведет. Слишком неоднозначные чувства она вызывала в нем.

— Что вас связывает с Артемом Крутовым?

Она в удивлении приподняла бровь, откинулась на спинку кресла. Белые волосы слегка разметались, и Кирилл заметил тонкие шрамы ниже скулы, тщательно затонированные гримом, но все же заметные, если внимательно смотреть. Она перехватила его взгляд и поспешно поправила волосы, скрывая шрамы. На запястье снова белесые шрамы, как от ожога. Странно, что он их не заметил сразу. В затылке заныло старой болью. Он понимал, что значат эти шрамы. Сам такие носил. Когда мать отдавала пятилетнего Кирилла отчиму на «воспитание». Он мог делать с ним все, что угодно. Бить, тушить сигареты и даже насиловать. А мать закрывала глаза на «невинные шалости» отчима. Пока в один прекрасный день он не зарезал собственную мать. Отчима посадили, а Кирилла отправили в детдом. Вот только и там ничего не изменилось...

Воспоминания так некстати всплыли в памяти, что Кирилл сжал кулаки.

«Кто же ты такая, леди, что заставила всплыть наружу все это дерьмо?» — так и рвалось с языка. Но Катрина опередила его.

— Хотите пригласить на свидание? — и на вопрос не ответила. Впрочем, и неважно. Она читала его мысли и совпадала с ним во всем, даже в похожем прошлом.

— Хочу, — хрипло ответил Кирилл и откашлялся.

Она усмехнулась, смерив его внимательным взглядом.

— И почему я должна согласиться? — она придвинулась ближе. Она играла с ним — Кирилл видел, как загорелись ее глаза после его ответа.

Терпкий аромат дурманил, не давал нормально дышать. И что странно, но Кириллу это нравилось. Как и ее неидеальное, с маленьким шрамом над бровью, лицом. Погодин медленно провел по нему подушечкой большого пальца. Она резко отпрянула, закусив губу. Встала. А Кирилл вдруг все про нее понял. Про деспота-отчима, которому нравилось избивать маленькую хрупкую падчерицу, добиваясь послушания. И про мать, закрывающую глаза на страдания дочери. И ее слезы в синих глазах, ее боль, искажившая лицо, лишь подтверждали его правоту.

Он подошел к ней, нежно обняв за плечи. Она вздрогнула, но не отступила. Ее дыхание сбилось. Кирилл слышал, как она пытается сдержать слезы.

— Так почему же, месье Погодин? — повторила она чуть слышно.

— Потому что я могу убить того, кто с тобой сделал это, — прошептал он, втянув носом ее аромат.

Она резко обернулась. Ее глаза потемнели. А губы оказались так близко, что Погодин с трудом сдержался, чтобы не коснуться их.

— Послезавтра в восемь в «Ампире», — выдохнула она и вернулась обратно в кресло. И не взглянула больше. — Приятного вечера, месье Погодин, — добавила, когда Кирилл

открыл дверь.

— Боюсь, без тебя это неосуществимо, леди, — улыбнулся он на прощание...

...И вот Кирилл сидит в отделанном под старину ресторане, потягивает вино и ждет, когда Катрина закончит прихорашиваться. Он крутит в пальцах бокал с темным, почти черным вином, вдыхает его сладкий аромат солнца и винограда и наслаждается моментом. Бокал Катрины пуст, а салат на тарелке не тронут. Она много пила и мало говорила. Но между ними нет напряжения. Кириллу с ней хорошо даже молчать. И любоваться ее тонкими чертами лица. Сегодня она почти без макияжа. И шрамы на лице заметнее, она почти не скрывает их. По крайней мере, от него. Уже ни к чему. Он и так все о ней знает — навел справки. Он все правильно понял про ее детство, про отчима. Узнал про модельный бизнес и наркотики. Она очень сильная женщина, раз сумела выбраться из того дерьма, в какое засунула ее жизнь. И Кирилл благодарил судьбу, сведшую их в том парке. Одного он не знал — почему она с Артемом? Надеялся, его сюрприз поможет ей немного расслабиться. Он отпивает глоток вина. Он все хорошо продумал — и терпкий вкус напитка запросто перебил вкус его сюрприза. А учитывая, сколько она выпила — ждать осталось недолго.

— Идем, — томный голос отвлекает от приятных мыслей. Тонкие пальчики сплетаются с его. Но в голосе слышится нетерпение, дыхание сбито, а в потемневших глазах шальной блеск. Похоже, его сюрприз уже действует. Не так, как ожидал Погодин, но тоже неплохо. Ни к чему им в романтику играть — не дети уже.

Кирилл следует за Катриной. За рулем она сосредоточена, напряжена. Спина натянута, как струна, черты заострены, глаза прищурены. А по запястью рассыпаются мурашки, когда Кирилл касается ее ладони. Возбуждена. Грудь тяжело вздымается, а через темно-зеленый шелк платья видны бугорки сосков. Кирилл не сдерживается, проводит кончиками пальцев по шее, опускается к заветной ложбинке, сжимает грудь.

Катрина шипит, резко вывернув руль. Бросает на него рассерженный взгляд. Но Погодин не убирает руку. Ему нравится дразнить ее. И ощущать, как она дрожит от его прикосновений. От возбуждения к нему. Его пальцы очерчивают твердый сосок, тербят его. Катрина закусывает нижнюю губу, крепче сжимает руль. Кирилл видит, что стрелка спидометра приблизилась к сотне. На трассе никого, а до города еще далеко. Он хрипло смеется, наслаждаясь эйфорией. Безрассудством женщины рядом.

— Ты — фаталистка, — он чувствует. В ней нет страха, только неистовая страсть и почти животное желание. И не только секса. Она такая же, как он. И это возбуждает похлеще принуждения и насилия. — Я хочу тебя, — он поднимает подол платья, глядя ее бедро и глубже. Рычит от удовольствия, облизывает пальцы, пробуя ее на вкус. — Сладкая, — протягивает, не отрывая взгляд от Катрины. Она улыбается. И есть в ее улыбке что-то... странное, как будто она где-то не здесь. Но он не успевает додумать.

Катрина одним движением выкручивает руль, машину резко разворачивает на трассе. Кирилл смеется. Кровь бурлит адреналином. Катрина сворачивает с трассы. Свет фар выхватывает очертания деревьев и озера. Катрина бьет по тормозам. Машина замирает на скалистом берегу.

Катрина молчит, но смотрит так, что все внутри закипает. Выходит из машины. Ненадолго замирает над темной гладью озера. Ветер тормошит ее волосы, играет тонкими серьгами, запутывается в подоле платья. Кирилл смотрит, как зачарованный. Впервые не зная, как вести себя. Она красива и не похожа на других, с кем спал Погодин. Ни на мужчин, ни на женщин. Она — другая. Сильная, страстная, отчаянная. И он до сумасшествия хочет ее.

Она угадывает его желание, легким движением открывает дверцу и увлекает Кирилла за собой. Но едва тот оказывается снаружи — впивается в его губы жадным поцелуем. Прижимает к холодному металлу, ногой обвивает его, прильнув всем телом. Ее ногти запутываются в его волосах. Кирилл обхватывает ее за талию, вдавливая в себя, чтобы почувствовать каждый изгиб ее тела. Чтобы она ощутила его возбужденный член. Тихий стон слетает с ее губ. Она разворачивается в его руках, трется попой о его пах и ловко выскользывает из объятий. Кирилл не сдерживает вздох разочарования.

А Катрина лукаво подмигивает и смеется. И от ее эротичного, дразнящего смеха у Кирилла сносит крышу. Он грубо хватается за руку и валит на капот. Рвет платье. Хруст шелка оглушает и доводит до иступления. Она подается ему, выгибается как кошка. И смеется, запрокинув голову. Белокурая Катрина на черном капоте — прекрасное зрелище. Как и ее тело, расписанное алым узором. Кирилл заморожен. Проводит кончиками пальцев по нитям татуировки: от бедра к талии и выше на спину. Что скрывает этот рисунок? Какие тайны ее непростого прошлого?

— Где она заканчивается? — спрашивает и не узнает собственный голос. От неожиданно нахлынувшей злости на того ублюдка, что посмел издеваться над ней. И от того, что Кирилл не может лично его убить.

Но Катрина не спешит раскрывать тайну. Медленно стягивает с плеч шелк разорванного платья. Ткань соскальзывает на землю. Катрина оказывается слишком близко. Ее маленькая грудь в ажурном лифе тяжело вздымается. Кирилл касается бретелек, рвет. Но Катрина вновь ускользает, оказывается за его спиной. Адреналин в крови зашкаливает. Сердце гулко стучит в висках. Ему нравится, как она играет с ним.

— Расслабься, — шепот у самого уха. — Тебе понравится, я обещаю.

И игриво приглашает его на капот. Кирилл сдается, запрыгнув на капот. Ложится, затылком ощущая прохладу лобового стекла, и отдается во власть незнакомых ранее ощущений. Шелковая веревка обвивает его запястье. Затем второе, распиная на капоте. Кирилл дрожит от возбуждения. Ее дыхание опалает, а запах сводит с ума. А она искусно перетягивает его руки веревкой. Привязывает к боковым зеркалам.

Раздевает. Медленно. Пуговица за пуговицей. Царапает кожу. Стягивает брюки. Шелковая веревка скользит по лодыжкам, опутывает яички, стягивается бантом на головке члена.

— Что ты?..

— Тшшш... — она прикладывает палец к его губам. И исчезает.

Кирилл начинает нервничать. Ветер холодит кожу, шелестит листвой, ласкает. Катрина появляется спустя несколько ударов сердца. Одета в джинсы и куртку. Волосы стянуты в хвост. В руках конверт. Кирилл дергается в путях.

— Что за черт? — рычит он. — Ты что творишь, сучка?! — срывается на крик. Голос эхом прокатывается над озером.

— Лучше не дергайся, — усмехается она. — Чем больше двигаешься, тем туже узлы. Боюсь, твой «дружок», — она кивает на член, — не выдержит такой пытки.

— Ты... — Кирилл бессильно падает на капот.

— Я, — хмыкает Катрина. Достает из конверта карточки и демонстрирует Кириллу, подсвечивая фонариком, чтобы тот мог видеть. Это фотографии. Какие-то бумаги. Кирилл ничего не понимает.

— Что это?

— Это снимки с камер наблюдения в доме Артема Крутова, — говорит она холодно и без тени акцента. И ее голос кажется Кириллу знакомым. — В тот день ты приехал к нему, чтобы подписать «липовую» доверенность на владения его долей компании. Вот здесь, — она подносит к его лицу снимок, — отчетливо видно, как тыходишь в дом с бутылкой водки. А здесь, — она переводит внимание на бумагу в файле, — заключение экспертов о наличии твоих отпечатков на бутылке и быстродействующем яде в ней. Плюс запись твоих откровений в спальне Крутова.

— Впечатляет, — присвистывает Кирилл. — Ну и чего же ты хочешь?

— Денег, — не задумываясь, отвечает Катрина. — Хочу единолично владеть компанией.

— То есть ты хочешь мою долю?

— Смышленный мальчик, — улыбается. — Все просто. Ты переписываешь на меня свою долю, а я не отдаю все это Крутову.

— Ты даже не представляешь, с кем связалась, девочка. Крутов так легко не отдает то, что ему принадлежит.

— Да ему как-то недосуг, знаешь ли. Умирает он часто в последнее время. Не твоих ли рук дело? — и смотрит пристально. Кирилл лишь ухмыляется. А она кивает понимающе. — Впрочем, мне до этого нет дела. Ему и так недолго осталось. А вот друзьям его будет любопытно узнать о тебе. Не считаешь?

Хороша все-таки сучка. Хитрая и алчная. Гремучая смесь.

— А ты не боишься?

— Тебя? — смотрит с жалостью, но в глазах веселье. Смеется над ним? Это она зря. — Нет. В общем, так, — собирает все обратно в конверт, зашвыривает в салон машины. — Я даю тебе два дня на раздумье. Послезавтра ровно в полдень ты согласишься.

— Послезавтра ровно в полдень я тебя убью, — Кирилл улыбается, а внутри закипает злорадия. Он не просто ее убьет. Она будет умолять его пощадить ее. И будет делать все, что он захочет. — Я буду делать это медленно, снимая твою белоснежную кожу. Слой за слоем. Начну с татуировки. Она так прекрасна, — криво улыбается. — И буду расписывать тебя кровавым узором, пока ты сама не попросишь убить тебя.

Она молчит всего мгновение. Наклоняется к его лицу и выдыхает, глядя в глаза:

— Сгораю от нетерпения, — и снова смеется. Слишком самоуверенно. Она недооценивает его. Ничего, он ее накажет. За ее самоуверенность и его неудовлетворенность. Но сперва добраться до города. Если она знает о Крутове, то и о Дане может узнать. Ему не нужны свидетели.

— Утром тебя найдут. А пока нескучной ночи, мальчик.

Надевает мотоциклетный шлем и перчатки. Тишину разрывает рев мотора. Но очень быстро становится вновь тихо. Кирилл дергает руками в попытке сломать зеркала, но без толку. Его машина сделана на совесть. Обессилено он запрокидывает голову к лобовому стеклу и хрипло смеется в ночное небо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

12 лет назад.

Артем вернулся поздно. Последняя сделка затянулась почти до полуночи и хотелось только одного — завалиться в кровать и проспать как минимум сутки. Выслушал отчет Кирилла о прошедшем дне, отпустил его отдыхать и направился к дому.

Но он замер на пороге, едва войдя. По коридору лилась музыка. Чарующая, до одури

знакомая. Она растекалась по углам дома, взрывалась брызгами света под потолком, трогала душу. В его доме не звучало музыки лет уже...а хренову тучу лет. Не разуваясь он вышел во двор, остановил уже отъезжающего Кирилла.

— Погодин, а что тут происходит? — нахмурился. Отдых отдыхом, но Кирилл кое-что упустил в своем докладе. А это недопустимо, особенно когда касается Аси.

Кирилл посмотрел вопросительно.

— А что происходит?

— Музыка откуда?

— Артем, ты только не горячись. Я знаю, ты не любишь, когда...

— Я спросил — откуда? — скрестив на груди руки, повторил Артем.

— Купила. Выскользнула из дома, а вернулась уже с магнитофоном.

Артем решил, что ослышался. Что значит, выскользнула? Сама? Он и спросил, а Кирилл лишь кивнул в ответ. И тут же доложил, что ребята уже выхватили по первое число.

Артем усмехнулся. Значит, музыки ей захотелось. Ладно.

— И давно?

Кирилл посмотрел на часы.

— Музыка весь вечер играет. А Ася ужин приготовила. Фотографии рассматривала. Теперь вот танцует.

Любопытно. Ох и девчонка. С самого первого дня не дает ему покоя. Он уже трижды пожалел, что ввязался в авантюру по ее спасению от бывшего ухажера. Артем с удовольствием отправил бы ее восвояси. И к черту свой интерес и что она дочка Гурина. Да только она сама как-то не особо рвалась куда-то. Сперва грозила отцом и что рабство давно отменили, а его действия можно расценить как похищение. Статьи перечисляла — недаром в юридическом училась, законы выучила. А он тогда спокойно напомнил о пари в «Домино» и что есть тому уйма свидетелей. И о попытке ее дружка опоить ее и подложить под другого тоже поведал. Всю спесь как рукой сняло. А теперь она хозяйничает в его доме и нарушает его устоявшийся уклад жизни. Он тряхнул головой и вернулся в дом.

Прислушался. Музыка была до одури знакомой и когда-то любимой. Перелив женского голоса, незабываемый ритм барабанов и мелодия флейты всколыхнули воспоминания.

...Белое платье кружит над полом, делая невесту похожей на птицу. Шаг, поворот, рука партнера на талии и счастливый смех. Оглушающий, выжигающий душу. Тогда Артем думал, что сдохнет от выламывающей боли или же от количества влитой в себя водки. Он так и не вошел в зал, не поздравил лучшего друга и бывшую возлюбленную, а стоял в дверях, наблюдая за их свадебным вальсом. Пытаясь понять, почему Дашка выбрала не его. Пытаясь принять, что Дашка теперь не с ним. И эта музыка. Фолк. Ее любимая песня. Их песня. Она украдала у него все: сердце, любовь, себя и даже песню. Он не помнил, как ушел из ресторана. Только слившиеся в одну полосу огни фонарей и машинных фар. И ночь в КПЗ. А утром он выбросил из дома магнитофон и все кассеты...

Артем уперся ладонью в стену.

— Твою мать... — процедил сквозь зубы.

С того утра в его доме не звучала музыка. Эльф говорил, что это бред — ненавидеть музыку. А Крутов ненавидел. Особенно фолк. Особенно эту песню, влезшую в самую душу, нарушающую тишину этой ночи.

Он был уверен, что давно похоронил эти воспоминания, сохранив дружбу. Оказалось, хватило всего одной песни, чтобы вытянуть из него дерьмо прошлого. Хватило одной

девчонки.

— Ася! — взревел он, двинув в сторону ее спальни. Музыка нарастала, заглушала его злость и ее имя. Он готов был придушить эту девчонку, но совершенно не был готов увидеть ее такой.

Она кружила по спальне в одном нижнем белье. Гибкая, словно кошка, перетекала в каждое движение. Выгибалась и скользила по комнате. Цветные блики ночника переливались в шелке ее белья, рассыпались по телу, и она играла с ними, ловя ладошками. Смеялась, поднимая волосы и бросая их на спину рыжими волнами. Она сама была музыкой: завораживающей, рождающейся нежностью мелодии флейты.

Артем не заметил, как она оказалась рядом, взяла его за руку, переплетая пальцы, и увлекла за собой. Он забыл, как танцевать — Ася напомнила. Шаг, поворот, так близко, что трудно дышать. Ее запах, шелк волос, легкое касание. Она вела, играла с ним, раскрывалась. Никого откровенней Аси в этом танце он не встречал в жизни. Живая, настоящая и такая ранимая. Дерзкая, смелая, но такая чувственная. Он перехватил инициативу, когда она снова крутанулась к нему. Прижал к себе, вдохнул терпкий аромат ее кожи и закружил совсем в другом ритме. Смотри ей в глаза, совсем близко, дыша в унисон. И в эти минуты у них было на двоих одно дыхание, один ритм, одна жизнь. Такая яркая и красочная, связавшая их этим танцем.

На последних аккордах Артем подмигнул ей и потянул за руку. Они рухнули на кровать, тяжело дыша.

— Спасибо, — прошептал Артем, улыбаясь.

— Ты здорово танцуешь, — Ася перевернулась на бок, подперев ладонью щеку. — Где научился?

— Я в школе танцами занимался.

— Ты? — не поверила она. — А Алекс рассказывал, что ты был задирой и хулиганом в школе.

— Был, — согласился Артем. — Пока не познакомился с одной девочкой.

Он посмотрел на растрепанную и покрасневшую Асю. Такая счастливая: глаза блестят, на губах озорная улыбка. И вдруг захотелось поцеловать эту улыбку. Он привстал на локтях, становясь ближе, чувствуя ее дыхание, как она вдруг спросила:

— Это ведь та красотка из "Домино", да?

Как удар под дых. Артем упал на спину, заложив под голову руки.

— Я нашла старые фотографии в подвале. Магнитофон искала. Не думала, что ты такой...несовременный. Так это она? Даша?

— Мы были вместе с седьмого класса, — неожиданно осипшим голосом проговорил Артем. — А потом она вышла замуж за Игната. А я до сих пор не знаю, почему.

Артем резко сел, стало вдруг душно. Он стянул рубашку, швырнул ее на пол. Не хотелось больше ничего говорить и стоило бы уйти, но он не мог. Рядом с этой проницательной девушкой он чувствовал себя другим. Он услышал, как Ася слезла с кровати и обошла его. Смотрел, как она стала на колени на полу напротив, заглянула в его глаза. И вдруг обняла его за шею и поцеловала.

Он давно забыл, что так бывает. Что можно потеряться в одном поцелуе, в одном прикосновении, в ее тихом шепоте и сбивчивом дыхании — в одной девушке. Забыл и не заметил, как попал. Попал в плен настойчивых пальчиков, стаскивающих с него брюки. Утонул в омуте рыжих, как пламя, рысьих глаз. В ее дурманящем запахе, шальном смехе и ее

страсти.

Он плохо помнил, как раздевал ее. Только ее глаза и податливое, красивое тело. Она плавилась в его руках, стонала, закусывала губу. А он стискивал ее, наматывал на кулак пшеничные волосы, запрокидывая шею, покрывая белоснежную кожу поцелуями. Кусал, делая больно, выплескивая злость на прошлое, и целовал, извиняясь и признаваясь в своем желании.

Он настолько увлекся, пытаясь получить ее, ощутить какая она, что не заметил ее слез, скатившихся по вискам из-под прикрытых век. Он остановился лишь когда вошел в нее и понял — он у нее первый.

— Твою мать, — выдохнул он, сжав кулаки. — Ты...ты...почему...зачем...

Слова не шли, мысли путались. И хотелось надрать задницу этой девчонке. Почему не сказала? Он бы не вел себя так... Он бы иначе. Нежно, осторожно. Как мужчина, а не как дикий зверь.

Но она не отпустила его. Прижала к себе, обхватив ногами, посмотрела потемневшими глазами.

— Темыч, пожалуйста...не останавливайся. Я...хочу так...тебя...

И коснулась его губ своими.

— Настена, — прохрипел он, упершись лбом в ее. — Спасибо.

И уже не смог остановиться, медленно вспарывая ее тело сильными толчками. Доводя до иступления, теряя связь с реальностью и...

...и они поссорились, как супруги с десятилетним стажем. Из-за ерунды какой-то. И она ушла. Он пытался ее уговорить, уходил сам, но она сама распалила скандал, говоря, что он не имеет права держать ее взаперти. Он понимал, что перегнул палку, заперев ее в четырех стенах. Но он не мог иначе. Боялся, что после недавнего разговора с ее отцом, тот понял, насколько дорога ему Настена. Боялся, что она может пострадать из-за него. Гурину плевать, кого использовать или убивать. Он не пожалеет никого, даже родную дочь.

А Настена не успокаивалась, требовала свободы. Артем стоял на своем — не стоит ей одной валандаться по ночам. А он давно не мальчик, чтобы шататься по ночным клубам. И тогда она вдруг пригрозила ему отцом. И он не выдержал, послал ее ко всем чертям!

И почти сразу пожалел об этом.

С трудом сдержался, чтобы не вернуть ее обратно. Остался в доме, в окно наблюдая как она села в такси. Гордая, с идеально ровной осанкой, ни разу не обернувшись, не остановившаяся, не давшая ему повода рвануть за ней, сгрести в охапку и просить прощения.

Он промаялся полвечера, выслушивая каждые полчаса отчеты Кирилла: то она едва ли не половину бутика скупил, то кормила голубей в парке, то сидела у фонтана, бросая в тот монетки, то пила, то отплясывала с парнями в ночном клубе. А в голову лезли навязчивые мысли и картинки одна красочнее другой.

Ревность душила раскаленными клещами. Крутов налил себе в стакан водки, выпил залпом. Не отпускало. Хотелось самому рвануть в тот гребаный клуб, перекинуть через плечо эту норовливую девчонку, а уж дома дать себе волю и все-таки хорошенько выпороть ее. Чтоб неповадно было так издеваться над ним, еще и откровенные фото присылать, где ее лапает какой-то юнец.

Глухо зарывав, Артем швырнул стакан в стену — тот со звоном разлетелся на осколки. К черту! Набрал Кирилла.

— Вези ее домой. Да мне плевать! — перебив возмущения Погодина о нежелании Аси

уходить из клуба. — Свяжи ее к чертовой матери, но чтобы через час она стояла у меня перед глазами живая и невредимая.

Они приехали ровно через час. Артем встречал их у ворот, пытаясь унять kloкотавшее внутри бешенство. Думал, прибьет. Но когда увидел ее, измотанную, несчастную, всю злость как рукой сняло. Она не развлекалась, ей тоже было плохо. И ее вымученная улыбка, сгорбленная спина и тоскливый взгляд говорили красноречивее слов — удовольствия от вечера она не получила.

Прошмыгнула мимо, даже не взглянула. И все время поправляла платье. В чем дело?

— Что? — проводив взглядом скрывающуюся в доме Настену, спросил Артем у подошедшего Кирилла.

— Я знаю, советов ты не любишь, — Кирилл закурил. — Но я дам один. Привяжи ее к батарее и не выпускай из дому. Или же води на поводке, а то... А еще лучше, верни ее папаше. Намучишься ты с ней.

— Что? — повторил Артем, по тону Погодина чуя — что-то произошло в том проклятом клубе. Не приведи Господь — что-то непоправимое. В порошок сотрет вместе с клубом. Сжал кулаки.

— Да ее там едва не трахнули, — процедил Кирилл брезгливо. — Дура пьяная.

Злость полынной горечью подкатила к горлу, осела на языке.

— А ты? — рыкнул, нависнув над Погодиным. — Где был ты? По-моему, я ясно сказал — глаз с нее не спускать.

— Я что, по-твоему, с ней в сортир должен был ходить?

— Да, твою мать!

— Я не собачонка, чтоб за каждой твоей шалавой...

Он не договорил, захлебнулся кровью, зажав хрустнувший под кулаком Артема нос.

— Зря ты так... — прогундосил Погодин, запрокинув голову.

— Запомни. Если я еще хоть раз услышу нечто подобное об Асе. От тебя или еще от кого бы то ни было. Или повторится сегодняшнее. Закопаю. Каждого. И не найдет никто. Все поняли?! — он окинул взглядом замерших ребят из охраны. Те отшатнулись от него. Закивали синхронно. — Свободны. Завтра выходной. Врачу покажись, — добавил уже Кириллу.

Настену нашел в спальне. Она лежала на кровати, скрутившись калачиком и так и не раздевшись.

— Нам нужно серьезно поговорить, — проговорил Артем строго, в два шага преодолевая расстояние до кровати. Пробежал взглядом по напряженному лицу с потекшей тушью, шее с пульсирующей жилкой, груди, открытой слишком глубоким вырезом, стройным ногам в разорванных чулках. Ощутил, как злость накатывает новой волной. — Чем ты думала, а? Ты же взрослая, умная девочка, а повела себя...

— Прости...

Артем вздохнул. Настена села. Бретелька упала с плеча.

— Дурацкое платье... — пожаловалась и вдруг принялась его стягивать. У нее никак не получалось и она злилась, дергая никак не поддающуюся молнию и топя ногами.

Артем подошел ближе. Одни рывком снял платье, не расстегивая, швырнул на пол. Настена уткнулась носом ему в грудь и тихонько всхлипнула.

— Я дура, прости, — она вздохнула, шмыгнула носом. — Но ты вечно на своей работе. Чем-то занят. Хмуришься, сердисься на меня. А теперь еще и спрятал от всего мира, словно

я зверюшка диковинная. И там, в клубе, не было ничего. И быть не могло. Однокурсника встретила, попросила подыграть. Ну...чтоб тебя позлить. А он вообще к девушкам не особо... — она замялась, вздохнула.

Артем улыбнулся, пропустил между пальцами прядь ее волос, вдохнул ее аромат и поморщился. Она что-то еще бормотала, но он уже не слушал. Запах не давал покоя. Чужой. Мужской.

— Твою мать, — тихо ругнулся он, заглянув в ее янтарные глаза. И увидел в них только слезы.

— А платье я сама порвала. Случайно. И чулки. Дорогие, а качество фигня полная. Слышишь, Тем? Прости...

Ничего не было, — повторил он мысленно. От сердца отлегло.

— Эх, Настена... — он вздохнул и подхватил ее. Перекинул через плечо.

Ему чертовски не нравилось, как она пахнет. Чужим мужчиной. И с этим надо было срочно что-то делать.

Настена завизжала. Молотила его руками по спине. И откуда вдруг силы нашлись? А он тянул ее в ванную. Открыл воду на всю и буквально затолкал в кабинку. Сам влез следом, отрезая ей пути к отступлению.

— Чокнутый, — отфыркивалась Настена. — Я знала, что ты...

— Ты меня еще не знаешь, — перебил Артем, вспенив на мочалке мыло.

— Ты собираешься меня мыть?

Она даже перестала отфыркиваться и уклоняться от тугих струй.

Но вместо ответа Артем принялся намыливать Настену: шею, плечи, спину. И она вмиг стала похожа на кошку, ластящуюся к ногам хозяина. Изгибалась, подставляя свое тело его рукам. Если б могла, наверняка замурлыкала бы от удовольствия. И Артему это нравилось. Он сто лет не получал удовольствия от простого душа с женщиной. Впрочем, он ни с кем никогда не принимал душ, да еще чтобы кого-то мыть. Нет, такое могло быть только с Настеной. И это будоражило, доводило до критической точки. И Артем с трудом сдерживался, чтобы не заняться любовью прямо в душе. Останавливало одно — ей сегодня эти любовные игры не под силу.

— Тёмка... — простонала Настена, когда Артем коснулся мочалкой ее груди.

— А у тебя веснушки, — улыбнулся он и развернул Настену к себе лицом. Смыл пену с ее груди, сжал ладонью. — Даже здесь, — обвел пальцем темный сосок.

Прижал Настену к стенке кабинки. Она застонала. А Артем достал с полочки шампунь. Настена рассмеялась. У нее были мягкие и длинные, до самой попы, волосы. Медные. Они струились между пальцами и походили на лаву, извергающуюся из жерла вулкана. И пахли теперь мятой.

— Я хочу тебя, — простонала она, прижавшись к Артему, и поцеловала.

На губах застыла кровь и поцелуй отдавал горечью. Глубокий, страстный. Словно она целовала его в последний раз. Словно завтра уже не наступит. Артем подхватил ее под попу, прижал к стенке, покрывая поцелуями шею, плечи, грудь.

Вода била в лицо, обжигала. И Артем не выдержал, чихнул. Настена расхохоталась. Ничего у них не вышло. Страсть, мгновение назад грозившая смести все вокруг, растеклась по венам нежностью и весельем. Они брызгались водой, наскоро целуясь в тесной кабинке, смеялись. А потом Настена охала и стенала, рассматривая себя в зеркале. Грудь, ноги, бока покрывали наливающиеся багрянцем пятна. Она едва не плакала и отчего-то ругала

любовные романы с их бредовыми фантазиями.

Артем смеялся, наблюдая. А в спальне растирал ее нежную кожу спасительной мазью. И она лежала рядом, горячая, податливая, нежная, едва не мурлыкающая от удовольствия. И Артем ловил каждое мгновение рядом, боясь спугнуть свое хрупкое счастье.

— Я не понимаю, что ты во мне нашёл? — пробормотала Настена, устраивая голову у него на плече и закинув на него ногу и руку.

— Себя, — с улыбкой ответил Артем, но она уже спала.

А он придумал, чем увлечь Настену, чтобы та не сходила с ума в его отсутствие, и...

...и через два дня Крутов понял, что попал в точку, купив Настене красок, кистей и прочей рисовальной ерунды. Полмагазина скупил, наверное, ничерта не разбираясь в названиях, видах, мягкостях и твердостях. Запутался, и решил не мудрить долго — покупал все, что попадалось под руку. И радовался как ребенок, наблюдая, с какими сияющими глазами Настена разбирала его покупки. Как визжала и прыгала от радости, обнимая его и поминутно повторяя: «Спасибо». Надеялся, что это займет ее, и она не заметит, как пролетит время, пока он решит дела в Германии.

А сам всю неделю не находил себе места и в офисе считал минуты до вечера. Чтобы прийти домой, набрать номер и услышать ее голос. И слушать, слушать, слушать. Как она будет рассказывать, какой замечательный пейзаж написала. Или портрет. Или натюрморт. И лишь в самом конце тихо шепнет, что соскучилась. И спросит, когда он прилетит, и...

...и он не выдержал — вернулся раньше. Наплевал на все дела, вызвав недоумение немцев. Но ему было все равно. Он больше и дня не мог вынести без Настены.

Она стояла на журнальном столике, ловко балансируя на кончиках пальцев как балерина. Рыжие волосы всклокочены, его белая рубашка перемазана краской. А тонкие руки порхают над стеной, как кисти над холстом. Впрочем, стена его гостиной и была холстом. И на нем небрежными мазками рождалось нечто. Изогнутое тело, закованное золотой чешуей, распахнутые крылья, сверкающие алым, длинный хвост и словно живые, пронзительные фиолетовые глаза.

Артем невольно дернул плечом. Похоже, в его доме теперь поселился самый настоящий дракон. Он обвел взглядом гостиную, уставленную картинами, и усмехнулся.

— Холсты закончились? — проговорил он едва слышно.

Настена покачнулась, оступилась и завалилась на спину, визжа. Артем подхватил ее у самого пола, встретился с перепуганным рыжим взглядом.

— Ты... — выдохнула облегченно.

— Напугал? — она кивнула и тут же улыбнулась. — Прости.

Она коснулась его щеки, потерлась о плечо своей.

— Я соскучился, — прохрипел Артем, зарываясь носом в ее волосы, пахнувшие гуашью и морем.

А Настена вдруг засмеялась и мазнула пальцем по его носу, щеке, шее.

— Ты что творишь? — всполошился Артем, смерив ее строгим взглядом.

— Рисую, — невозмутимо ответила Настена, продолжая расписывать его лицо, закусив губу от усердия.

И Артем не выдержал, поцеловал. Ее перепачканный краской нос, глаза, губы. Он прокладывал дорожку из нежных, невесомых поцелуев по шее вниз к ложбинке между грудей. Пока стало неудобно. Но идти в спальню уже не было сил. А заниматься любовью на прохладном полу в жару — самое удивительное, что могло быть. Но когда он уложил

Настену и вернулся к прежнему занятию, она вдруг перехватила инициативу, оказавшись сверху. Медленно, пуговка за пуговкой, расстегнула его рубашку, доходящую ей до колен. Так же медленно сняла ее с одного плечика, обнажив одну грудь, затем с другого. Рубашка соскользнула по ее узкой спине. Артем застонал, коснувшись ее персиковой кожи. Она чуть дрогнула от прикосновения, нахмурилась. Взяла его ладонь, прочертила круг, словно что-то нащупывала. Артем смотрел с замиранием сердца, соображая, что она хочет сделать. И когда ее пальчики коснулись застежки перчатки — резко дернулся. Но Настена не отпустила. Сосредоточенно расстегнула перчатку, бережно стянула ее с пальцев, обнажив изуродованную шрамами ладонь. Закусила губу.

— Не надо, милая, — осторожно попросил Крутов. Он знал, какие чувства вызывают его изуродованные руки. Помнил брезгливость барышень. Отвращение. У некоторых жалость и нежелание касаться уroda. И свою боль от касаний кожи к шрамам. Острую, подобно сотне вбитых в руку гвоздей. — Отдай перчатку, — он напрягся. Страх холодом сжал все внутри. Он понимал, что теперь Настене станут неприятны его прикосновения. Так уже было.

Она молча зашвырнула перчатку в дальний угол. Прodelала тоже самое со второй. Взяла его ладони и вдруг обняла ими свое лицо. Нежно, бережно, как будто держала нечто хрупкое. Теплые губы коснулись изувеченной кожи. Каждого шрама. Даря тепло, забирая колкую боль, излечивая душу от тяжелых воспоминаний. Артем перестал дышать. Он смотрел на нее и не верил. А когда она подняла на него сияющий взгляд и положила его ладони на свою грудь, перед глазами поплыло. И Артем не сразу понял, что плачет.

— Никогда не прячь их от меня, — строго наказала Настена, потершись о его ладонь. — Они потрясающие.

И прижалась к нему, подставляя тело под его руки, постанывая и блаженно улыбаясь. Горячая волна затопила все внутри, срывая запреты, осторожности и унося с собой реальность. Крутов глухо зарычал, подминая под себя разгоряченное податливое тело любимой женщины. Он тискал ее, ласкал, целовал и овладевал. Снова и снова. Благодаря каждым прикосновением, дыханием, шепотом.

Уже под вечер он все-таки дал Настене передышку. Она лежала на нем, вычерчивая гуашью причудливые узоры. Щекоча пальчиками. Артем улыбался, прикрыв глаза, чувствуя себя невероятно счастливым. И отчетливо понимал — он скорее умрет, чем отпустит эту женщину.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Март, 2015 год.

Пятница. Ночь.

Ей стало плохо еще на мосту. Голова раскалывалась, в ушах звенело, перед глазами расплзались фиолетовые круги. Но на мосту не остановиться — движение даже ночью не спадает. Пришлось лавировать между машинами, из последних сил удерживая мотоцикл. Но на набережной силы кончились. Живот скрутило, и тошнота подкатила к горлу. Слезая, Катрина не удержала мотоцикл — тот завалился на бок, чудом не задев ее саму. Доплелась до воды и рухнула на песок. Ее рвало долго. Казалось, еще немного и она выплюнет в залив желудок и все остальные внутренности.

Сознание путалось. Ясной оставалась лишь мысль, что надо ехать. Домой. Там безопасно. Но подняться не было сил. Она уткнулась лбом в ладони, тяжело дыша. Рвота отступила, хотя тошнота по-прежнему накатывала волнами. Во рту горчило и на зубах словно песок скрипел.

Визг тормозов и хруст песка под чьими-то шагами заставил вздрогнуть и обернуться. Катрина мазнула взглядом по приближающемуся мужчине, не похожему на Погодина, и тут же скрутилась в новом приступе.

Кто-то оказался сзади, поддержал ее, едва стоящую даже на коленях, приподнял лезущие в лицо волосы. Она зачерпнула ладонью морской воды, умылась. Дышать стало легче.

— Вы как? — обеспокоенный мужской голос впился в мозг, словно шило. Сердце зашлось в бешеном ритме. И воздух в легких закончился. А вода оказалась так близко.

Но сильные руки отдернули ее назад, подхватили. И спустя несколько шагов она сидела на раскаленном асфальте, пытаясь унять дрожь. Страх не отпускал. Впервые она так боялась, что не хотелось ничего. Она не знала, как выдержала эту сумасшедшую ночь. Не понимала, как смогла доиграть, уже зная, что это Погодин был в ее доме той проклятой ночью. Она вспомнила. Каждое его движение, каждое слово, каждое прикосновение. И то, что он с ней сделал. И связывая его, руки чесались затянуть веревку на его шею, да потуже. Катрина не знала, что заставило ее остановиться и не сбросить Погодина в озеро вместе с машиной. Она смогла бы.

— Вот так, — мужская куртка легла на плечи. Она дернулась. Исподлобья глянула на мужчину.

— Это просто куртка, — успокаивающе произнес он, демонстрируя клетчатый плед и пластиковую бутылку с водой. — Это вода. А я Игнат.

Катрина слабо кивнула, закутываясь в легкую ткань, хранящую тепло владельца.

— И это держите.

Он протянул Катрине бутылку.

— Вам сейчас нужно как можно больше жидкости. И к врачу не мешало бы.

Катрина отчаянно замотала головой — нет, к врачу ей сейчас точно нельзя. Неизвестно, какой дрянью ее Кирилл опоил. А лишнее внимание ни к чему. А и у нее есть персональный врач.

Она покосилась на бутылку в руке Игната.

Пить совсем не хотелось, как и сидеть рядом с ним, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом. Казалось, еще немного и он все поймет про нее. Почему именно Игнат оказался здесь?

Катрина вздохнула, отпила глоток и закашлялась. Вода оказалась горькой и обжигающе холодной.

— Лучшей не нашлось, извините, — усмехнулся он и отошел к своей машине.

Пить эту гадость Катрина не намеревалась — чувствовала, сделает еще глоток и ее снова вырвет. Хотя и понимала, что рвота — лучшее средство в данный момент. Но перспектива снова оказаться в неприглядном положении не радовала. Погодин, сволочь. Что за дрянь он ей в вино подсыпал? Отравить хотел или возбудить? Первое ему удалось отменно.

Она отставила бутылку, снова натянула куртку, стуча зубами. Куртка пахла машиной и дорогим парфюмом, чуть терпким, с нотой базилика. Катрина принялась — запах не раздражал, а наоборот успокаивал и сдерживал дурноту. Немного отпускало.

— Надо допить, — прозвучало совсем рядом.

Катрина глянула на Игната украдкой. Изменился. В черных волосах блестела седина. Обветренное и смуглое лицо осунулось и как будто постарело. У темных глаз появились

морщинки, словно он щурится постоянно. Наверняка курит много. Он всегда щурился, когда курил.

— Я посмотрел на ваш «Дукагти», — Катрине почудилось или он намеренно выделил марку мотоцикла? — Бок счесан, левое зеркало — вдрызг. Но в целом немного подрихтовать и... Может, объясните, что вас связывает с Алексом? Почему он дал вам мотоцикл, который не доверяет никому?

— А вам что за дело? — не объясняться же с ним, в самом деле.

— Потому что Алекс мой друг. И потому что беспокоится за вас, как не переживал за собственную жену! — он вдруг разозлился. — Поэтому я хочу знать, кто ты и что тебе нужно от Алекса?

— А мы разве перешли на ты? — Катрина посмотрела с удивлением и тут же пожалела — свет машинных фар резанул по глазам, в голове закружилось. — И вообще, если так интересно, у своего друга и спрашивай.

— Я спрошу, — кивнул Игнат. — А заодно расскажу, как ты развлекаешься с подозреваемым в убийстве матери его сына.

Катрина потеряла виски.

— Так что, будем говорить или...

— Или иди к черту! — огрызнулась Катрина и снова вырвала. Чтоб ему пусто было, сыщику проклятому. Узнал он мотоцикл, видите ли. Слезы лились ручьем. Горло саднило, но больше не тошнило. И в голове немного прояснилось. Она глубоко дышала. Надо было самой позвонить Алексу. Он же говорил, чтобы позвонила, как только уедет от Погодина. Но злость подгоняла вперед. А потом ей стало плохо и не до звонков.

— Легче? — Игнат снова оказался рядом.

— Иди...

— К черту, я понял, — усмехнулся, давая отпить воды. Катрина замотала головой, вода пролилась, стекла по подбородку. Зубы клацали от непонятного холода, пальцы дрожали. — А могу и в обезьянник до выяснения обстоятельств. Как тебе такой расклад, мадмуазель де Лакруа?

Катрина выдохнула, посмотрела на трясущиеся пальцы. Выходит, Игнат следил за ней и не случайно оказался рядом. И не только сегодня, раз успел навести о ней справки. И копа включил, вот только ей не страшно.

— На такой расклад, — намеренно подчеркнула она, — я гражданка Франции, а ты обычный прохожий.

Игнат усмехнулся. А Катрина вытащила из кармана куртки телефон.

— Не волнуйся, я уже позвонил. Алекс сказал — скоро будет.

— Вот и отлично, — согласилась она.

Алекс приедет, сам все объяснит странно смотрящему на нее Игнату, и отвезет ее домой. А утром она позвонит в клинику и узнает о самочувствии мужа. Врачи говорили, что есть улучшения. Хорошо бы. Плохо без него.

Алекс не соврал, приехал быстро. На двух джипах. С охраной. Алекс появился первый: высокий, наголо бритый, одетый в легкий свитер и драные джинсы. Нахмурился, завидев Игната, мельком глянул на Катрину, кивнул.

— Ну вот, — криво улыбнулась, — сам разбирайся со своим дру...

И осеклась, увидев мужа. Он вылез из второго джипа. Взъерошенный, небритый. Он шел к ней, никого не замечая. Мог бы — побежал, но мешала трость. Она взяла в песок, сбивая с

шага. Больная нога подворачивалась. Он ругался, но не сводил с нее глаз. Поймал ее взгляд и уже не отпускал. Катрина встала. Плед соскользнул с плеч. В голове зашумело, но она смотрела только на Артема. Его присутствие придавало сил, рождало в душе так необходимое сейчас чувство покоя.

— Ты в порядке? — спросил хрипло, остановившись в шаге от нее. Словно боялся подойти ближе. А так хотелось, чтобы обнял, прижал к себе и уже никуда не отпускал.

Катрина ощутила, как глаза защипало от непрошенных слез. Слабо кивнула.

— Я... твою мать... — рыкнул Артем, в полшага преодолел расстояние между ними и прижал к себе одной рукой. Катрина уткнулась носом в его грудь и разревелась. Страх, боль, напряжение выливалось со слезами. Только сейчас она начала осознавать, как сильно испугалась. А Артем гладил ее спину, шепча в самое ухо: — Ну что ты реवेशь, курносая? Все хорошо. Я рядом. Все хорошо.

От него пахло можжевельником и морем. Сводящий с ума аромат, в котором хотелось утонуть. Забыть обо всем и просто быть рядом с ним. Но Катрина нашла в себе силы отстраниться.

Провела ладонью по щетине.

— Ты плохо выглядишь. Зарос. И синяки под глазами, — коснулась дрожащими пальчиками скулы, виска.

— Я две ночи не спал, — проговорил тихо. — Боялся за тебя. Алекс говорил...

— Стоп! — Катрина сглотнула колющий ком. — Какие две ночи? — она нахмурилась, ничего не понимая. — Я только утром звонила в клинику и мне сказали, что ничего еще неизвестно. И что ты...

Она заглянула в его черные, как ночь, глаза и все поняла. Он все знал с самого начала. Про Кирилла знал. Знал, что если сам предложит ей эту аферу, она не согласится. Поэтому разыграл целый спектакль со своим отравлением, даже собственный дом спалил. А потом якобы болтался между жизнью и смертью. То с остановкой сердца. То в немецкой психушке. Катрина выдохнула. Помнила слова Алекса, что она — единственная, кто сможет спровоцировать Кирилла совершить ошибку и попасться. Взять «на живца», как сказал бы Игнат. Артем снова обманул ее. Злость и обида запульсировали в висках.

Она закусил губу, сжала кулаки.

— Ты... — она глубоко вдохнула, выдохнула. — Ты меня использовал. Алекса. Даню. Разыграл шикарную партию, как по нотам. Bravo!

— Катрина! — одернул Артем, крепче прижав ее к себе. — Ты о чем?

— Я о чем? — хмыкнула в ответ. — Я о том, что ты сукин сын, Крутов.

— Успокойся, — в глазах Артема мелькнула злость. Катрина давно изучила всего его взгляды, тоны. У нее было предостаточно времени, чтобы понять его. Но хватило лишь одного вечера, одной фразы, чтобы осознать, как сильно она ошиблась. Ошибалась все эти годы.

— Знаешь, — она сдула со лба упавшую челку, вцепилась в его плечи, потому что вдруг подкосились колени. Но обида не отпускала, душила. Он всегда говорил, что любит ее. Что ради нее убьет, а сам лишь использовал ее как разменную монету. Сперва с отцом, теперь с Погодиным. Она перевела дыхание. — Ты когда-то сказал, что не понимаешь, почему всегда выбирают не тебя. Теперь я знаю.

— Любопытно, — усмехнулся он. На мгновение Катрине показалось, что его забавляют ее слова. Но ей было уже все равно.

— Тебе плевать на всех. На Алекса, у которого жена и трое детей. А он мчит к тебе по первому звонку, потому что дружба для него — святое. Тебе плевать на него, — Катрина махнула рукой в сторону Игната. Артем проследил ее движение, и Катрина ощутила, как он весь подобрался, словно хищник, выследивший жертву. — Тебе важно доказать, догнать, убить, отобрать. Ты же собственную жену убил ради...

Она осеклась, споткнувшись о холодный взгляд Артема.

— Ты... — она прикрыла глаза, слезы скатились по щекам. — Ты ничем не лучше Погодина. И за это я тебя ненавижу. Слышишь? Ненавижу! — прошипела она, забившись в его руках. — Ненавижу. Сукин ты сын! Ты...Ты... — она задыхалась и захлебывалась слезами.

— Катрина. Хватит истерики! — он заглянул ей в глаза и выругался. — Я же просил ничего не есть и не пить, — процедил зло. — Поехали домой! — он попытался перехватить ее за руки, но она вырвалась, упала на песок.

— Ненавижу... ненавижу... — повторяла как мантру.

— Катрина! — он рванул ее на себя, беспомощную. — Ася, твою мать! — рывкнул, сильно трянув ее за плечи.

— Ну вот, — она криво усмехнулась, — и чужим именем называешь. Ненавижу...

— Все. С меня хватит, — выдохнул, устало опершись на трость. — Алекс, с ней что-то не так. Помоги, пожалуйста.

Катрину била крупная дрожь, зуб на зуб не попадал. И отчаянно хотелось умереть здесь и сейчас, а еще лучше полгода назад. Не выжить в той больнице. Не бороться. Не цепляться за жизнь, которая не нужна никому. Она не слышала, что говорил Алекс, усаживая ее в машину. Только ощущала прохладу салона, его сильные руки. Тепло, растекшееся по венам, слабость и такую притягательную темноту, где ее поджидал долгожданный покой...

... Артем злился. Предупреждал же, чтобы ничего не пила в ресторане. Чтобы глаз не сводила с этого выродка. А она. Мало того, что напилась, так еще и потащила Погодина черт знает куда. Заранее подготовилась: мотоцикл Алекса спрятала в лесу, снаряжение собрала, сменную одежду. И никому ничего не сказала. Чертова девчонка! Артем оперся на трость, перевел дыхание. Он испугался. За нее испугался так, что до сих пор сердце рвалось на части в груди и боль пульсировала в затылке. А она снова обвинила его во всем. Он не думал, что снова может быть так трудно. Находиться рядом с ней. Смотреть в ее глаза, полные ненависти. Слушать слова, сочащиеся ядом. Не верил, что она так сильно ненавидит его. Понимал, но отказывался принимать. Не сейчас. Еще и Игнат.

Артем посмотрел на курящего у машины Крушинина. Он совсем забыл о нем, о слежке за Кириллом. Знал же, что Игнат «наружку» установил. Знал и забыл. Обо всем забыл, когда понял, что потерял жену. Игнат напомнил, позвонил Алексу, сказал, что нашел его «Дукатти» вместе со странной девицей. Хорошо, что они оказались рядом с заливом, иначе Крутов с ума сошел бы, пока доехал. Но когда увидел жену: взъерошенную, бледную, уставшую и живую, — отпустило немного. А потом она сказала, что ненавидит и все. Острая иглока засела в груди, не давая нормально дышать. Хорошо, что Алекс увез Катрину. Домой отвезет, прокапает. И перезвонит. Надо ехать. Ей сейчас гораздо хуже, чем ему. Неизвестно, чем Погодин опоил ее. Артему нужно быть рядом. Как всегда.

Выдохнул и отправился к ждущей его машине. Но уже в шаге от джипа его остановил голос Игната.

— Даже не поздороваешься со старым другом?

Обернулся. Игнат смотрел на тлеющую сигарету. Напряженный. А в машине еще двое. Уж не по его ли душу?

— Значит, не поздороваешься, — щелчком выбросил недокуренную сигарету. — Ну и черт с тобой. Только поговорить все же придется.

Артем вздохнул. Не до разговоров ему сейчас. Молча подошел к Игнату, положил на капот визитку с новым номером.

— Позвони завтра. Сегодня я нужен жене.

И развернулся, чтобы уходить.

— Извини, Сварог, — голос Игната звучал глухо, — но тебе придется со мной поговорить именно сейчас. А иначе...

Из машины появились двое оперативников из группы Крушинина. Артем глянул на Игната через плечо. В груди давило, дыхание срывалось, ногу тянуло и стоять было тяжело. Но Артем нашел в себе силы усмехнуться.

— Арестуешь? — голос сорвался на хрип.

— У ребят ордер. Но мы можем договориться.

— Я же сказал, завтра. Все завтра.

Он устало выдохнул, сделал несколько шагов, осторожно выверяя каждый, сдерживая расплзающиеся судороги. Но Игнат схватил его за плечо, резко развернул.

— Ты хоть понимаешь, что ты натворил? — прорычал, сдавливая плечо. — Ты заигрался, Артем. Ты женщину убил. Мою женщину. Думаешь, я...

Артем слушать не стал. Ударил тростью в живот и в челюсть справа. Игнат упал. Из щеки хлестанула кровь.

— Она... — дыхания не хватало, в глазах плыло от боли и ярости, колючим комом скопившейся внутри. — Она не твоя. Никогда...

— Артем! — женский голос разлетелся по побережью. Хлопнула дверца.

Резкий удар выбил из руки трость. Артем упал на колени. Боль прострелила ногу, выкрутила судорогой. Чьи-то голоса кричали наперебой. Руки вывернули за спину, сковали наручниками. А Артем не сводил мутнеющего взгляда от севшего напротив Игната. Тот вытер рукавом кровь, облизал разбитую губу. Посмотрел зло.

— Артем! — появилась Леся. Прическа растрепалась, лицо напряжено. Глянула на Артема и выругалась. Артем опустил голову, выравнивая дыхание. Но легкие словно сжали в кулак — воздуха не хватало. И болело в груди, в плече, под лопаткой. — Игнат, что вы творите? Он же твой друг! Отпустите его. Игнат! У него же два инфаркта за полгода было, а ты...

Присела рядом, пошарила по карманам Крутова. Нашла пузырек с таблетками. Засунула ему одну под язык. Горечь осела на языке.

— Да мы его сейчас в обезьянник упакуем на пару суток, — насмешливое за спиной. — За сопротивление властям. Там и подлечат.

— Да? — Артем уловил, как ее бровь изогнулась, глаза сощурились, обострились черты, и она вмиг стала похожей на хищницу. — А кто это здесь власти? Вы, что ли? Похожи на обычных отморожков, приставших к женщине. А он, — Леся заглянула ему в лицо. — Ты как?

Артем кивнул. Отпускало.

— Хорошо, — она улыбнулась, встала. — Игнат, отпусти его. Иначе твоих молодчиков завтра же вышвырнут с волчьим билетом. Ты меня знаешь.

— Отпустите его, — отмахнулся Игнат, поднимаясь. Сплюнул под ноги кровь. Подошел к Артему. Сзади резко дернули, расцепили наручники. Артем потер запястья и с трудом встал — не хватало еще перед ними на коленях стоять — Леся поддержала, когда нога подкосилась, подала трость. Он оперся на нее обеими руками. По виску стекла капля пота.

— Что, всех друзей под себя подмял, да? Весь такой белый и пушистый, — усмехнулся и тут же поморщился, стер выступившую на губе кровь. Шагнул вплотную, глядя Артему в глаза. — Зачем ты убил Асю?

Леся рядом ахнула. Артем выдохнул. Устал. Как же он устал от всего. Проще было пристрелить Погодина, правильно сестра ему говорила. А он не мог, черт бы все это побрал. Придумал целую комбинацию. Удачно разыграл. Остались последние штрихи. Вот только он совершенно не подумал, как будет трудно ему самому довести все до конца.

— Только не говори, что не понимаешь, о чем я, — Игнат расценил молчание Артема по-своему. — Я знаю, что это ты.

Крутов и не собирался ничего отрицать. Надоело.

— Ты ничего не докажешь, — Артем сжал набалдашник.

— У меня есть свидетельница, — спокойно парировал Игнат.

— Вернулась-таки, — усмехнулся Крутов. — У меня тоже есть свидетели. Или ты думаешь, я не подстраховался?

— Даже не сомневаюсь, что ты все просчитал. И впутал в это всех: Алису, Алекса Леську, меня, жену свою, Асю. Зачем, Артем? Неужели ради банальной мести?

Артем не ответил. Ушел. Игнат не стал его останавливать. И на том спасибо. Он сел в прохладный салон, запрокинул голову и закрыл глаза. Прислушался к себе: сердце стучало глухо, под лопаткой тянуло, покалывало руку и ньюло в затылке. В остальном вполне терпимо. Рядом плюхнулась Леся. Артем спинным мозгом чуял — она хочет спросить об услышанном. Но она всю дорогу не сказала ни слова. Уставилась в окно и курила, постукивая коготками по обивке. А у Артема не шли из головы слова Игната. Его ярость, перекошенное злобой лицо. Он тоже поверил. Лучший друг и матерый мент верил так искренне, что возненавидел Артема. Неужели не усомнился? Неужели он так ничего и не понял? Они же знакомы с детства. Вместе из таких передрыг выбирались, что вспоминать стремно. И так легко поверил Алисе. После всего, что она сделала.

Крутов взглянул за окно. Черета витрин сменялась огнями новостроек. Артем потер грудь в области сердца, выпил еще одну таблетку. Что-то не так. Глупо как-то все. Нелогично. Зачем Игнат следит за Кириллом? В чем подозревает? Почему, если уверен, что убийца — Артем? Он бегло глянул на строгую и сосредоточенную Лесю и вдруг все понял. Игнат знает все: про Погодина, про Дашку, про Асю. Возможно, о чем-то только догадывается. Неспроста он ведь так рьяно ищет Асину могилу вот уже полгода. Неспроста хотел провести экспертизу, после эксгумацию. Ему не дали — Артем постарался. Ни к чему тревожить мертвых.

И говорил сегодня Игнат не об Асе. Не ее называл своей. А ту, что действительно любил. Ту, что погибла из-за Артема. Ту, из-за которой Артем едва не покалечил лучшего друга. Дашку.

Артем помнил тот день, как будто все случилось вчера.

Он опаздывал на самолет, когда позвонил Саня.

— Дашу убили, — сказал сухо, без предисловий. Артем не поверил сразу, решил, что ослышался.

— Какую Дашу?

— Нашу, Сварог, нашу. Игната подозревают. Я сейчас...

Он не слушал больше. Вообще ничего не слышал. Мир умер: исчезли звуки, голоса, запахи. Только слова Сани в голове. И его собственный хриплый, говорящий таксисту поворачивать. Он думал, будет больно. Но внутри оказалось совершенно пусто. Будто выскребли все, оставив одну оболочку. Странное ощущение ничего. Неверия. Даже когда он увидел черный мешок на каталке, ничего не екнуло в груди. словно не он потерял близкого человека. самого близкого в той гребаной жизни.

— Стойте! — проорал, выскочив из такси. Но его не услышали, погрузили каталку в машину, захлопнули дверцы. — Стоять, я сказал!

Он оттолкнул фельдшера, попытавшегося преградить путь, распахнул дверцу, запрыгнул в салон. Замер над телом. Дрожащими пальцами открыл лицо и заорал.

— Убью!

Он вылетел из машины, схватил фельдшера.

— Где? Муж где?

Тот пробормотал невнятно, указал на подъезд, у которого сидел на корточках Игнат. Безучастный.

— Убью, — прорычал, ринувшись к другу.

Несколько метров. Всего несколько метров пройти. Трудно. И боль сшибает с ног, бьет под дых, выворачивает наизнанку. А перед глазами ее лицо. Багровое, распухшее с улыбкой от уха до уха.

Он упал на колени. Кто-то помог встать. Артем оттолкнул. Шагнул к Игнату. Схватил за грудки, встряхнул. Тот посмотрел отрешенно, улыбнулся дико.

— Ты же обещал! Обещал, сволочь! — ударил в живот. Игнат захрипел, сполз по стене. Артем снова поднял его. — Как ты мог? Как? Отдать ее этому животному? Ты...

Еще один удар в живот, следом в челюсть. И снова в живот. Под кулаком хрустнула кость, из разбитой губы брызнула кровь. Игнат не сопротивлялся, только улыбался. А Артем бил, вымещая злобу и боль, что-то говоря. Бил, чтобы убить. Хотел до одури, и, наверное, смог бы, если бы не оттащили. Отправили в КПЗ, а Игната в больницу. Утром его забрала Ася. А через два дня Алекс сообщил, что Игната направили в психушку.

Он все помнил. Как Алекс ему в морду дал при первой встрече. И как лично отправил Асю спасать Игната. Сам отдал ее. Артем усмехнулся. Дважды пытался убить человека, вытащившего его с сестрой из горящего дома. С кем вырос, и бок о бок прошел по жизни. Кто рискнул всем, чтобы помочь ему отомстить за смерть родителей. Только он больше ничем ему не обязан. Расплатился с лихвой. Все. Точка.

— Приехали, Артем Максимович, — произнес водитель, въезжая во двор и паркуясь за детской площадкой.

— Спасибо, Юра, я пройдуся.

Он выбрался из машины, вдохнул свежий вечерний воздух. Где-то трещали цикады, орали коты и лаяли собаки.

— Артем, — Леся вылезла следом, подошла и обняла его. — Береги себя, — прошептала в самое ухо. — И жену береги. И никому ее не отдавай.

Артем чмокнул ее в нос, как делал с самого детства, взъерошил челку и тихо поблагодарил. Она так ничего и не спросила.

Саня встретил его в дверях квартиры.

— Тебе самому врач не помешал бы, — изрек он, хмуро осматривая Артема, пока тот раздевался.

— Я в порядке. Как... Катрина?

— Спит. Интоксикацию я снял, кровь на анализ взял. Еще минут пять, сниму капельницу и домой. Ну и дрянь он ей ввел, скажу я тебе. Еле вытащили девчонку. Что у него за тяга к отравам такая, а?

Артем прошел на кухню, налил воды, выпил залпом. Саня замер на пороге, прислонившись плечом к косяку.

— Он еще в детдоме химичить любил. То взрывпакет соорудит, а потом на озере рыбу глушит. То порошок какой подсыплет в еду, после чего старшие из туалета не вылезают, — Крутов взглянул на Саню. — Его травили в детдоме, били. Воспитатели в карцер частенько отправляли ни за что. Он ни с кем не дружил, кроме меня.

— Как же ты не узнал его? Не проверил, когда он пришел к тебе? — Саня задумчиво почесал бровь. — Ты же профи и так облажаться?

— Да проверял я, — Артем выпил еще воды. — Чистая у него биография. Как у всех: родился, учился, женился, развелся. Ни единого упоминания о детском доме, как и об усыновлении. Это уже потом я узнал, что его усыновили и в детдом съездил.

— Остался главный вопрос: за что он тебе мстит так жестоко?

Саня глянул на часы и скрылся в коридоре. Вернулся через минуту.

— Капельницу я снял. Если вдруг Катрине станет плохо, звони или вызывай скорую и ко мне в больницу. Ребят у подъезда оставлю на всякий случай. Все, — пожал Артему руку. — Отдыхайте. Утро вечера мудренее.

Артем запер за Саней дверь, заглянул в спальню. Катрина лежала на спине, уставившись в потолок.

— Чего не спишь? — Артем присел на край кровати, погладил ее тонкие пальчики.

— Прости меня, — прошептала хрипло.

— Все в порядке. Отдыхай.

И он поднялся уходить.

— Тем, — окликнула Катрина уже в дверях. — Не уходи.

И отодвинулась к другому краю.

Артем лег рядом, не раздеваясь, притянул жену к себе.

— Я люблю тебя, — пробормотала Катрина, удобнее устраиваясь на его руке.

— Спи, курносая, — улыбнулся Артем.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Лето. Полгода назад.

Вторник (день пожара). Вечер.

Уборка помогала отвлечься. Ася бросила тряпку в ведро с водой, выполоскала, отжала. Паркет в кухне сверкал чистотой. Ася улыбнулась, сдув со лба выпавшую из-под косынки прядь волос. Горячий ветер трепал занавеску: та надувалась, как парашют, и опадала. На подоконнике шелестели листья цветов, купленных накануне. Она давно мечтала о комнатных цветах, но все как-то руки не доходили. А вчера проходила мимо магазина цветочного и купила. Продавщица смотрела на нее, как на полоумную, когда она едва полмагазина не скупилась. Зато в доме теперь не так пусто. Ася подумывала еще кота завести или собаку. Чтоб веселее стало.

Она села на пол, вспоминая вчерашний день. Наконец увидела, с кем встречается Игнат.

Давно подозревала, что у него появился кто-то, а вчера видела их в кафе. Она красивая и чем-то похожа на его первую жену Дашу. И выглядел он с ней счастливым. Хотелось подойти поздороваться, но Ася решила не смущать Игната. Боялась, что девушка неправильно поймет. Решит еще, что Ася скандал собралась устраивать. А она не хотела никаких скандалов. Ее волновало, почему Игнат ей до сих пор не рассказал ничего. Зачем прячется? Они же договаривались ничего не скрывать друг от друга. Когда поняли, что семьи из них не получится. Вот только отчего-то сердце щемило от неясной боли.

Они ведь давно не живут как супруги. И вроде никого такое сожителство не напрягало. Они и виделись то редко. Игнат приходил поздно или торчал на своей работе сутками напролет. Впрочем, сейчас Ася понимала, что и не на работе вовсе. Врал зачем-то. Хотя сам не так давно убеждал ее поговорить с Артемом. Говорил, что пора оставить прошлое в прошлом. Да вот только как? Оно все равно накатывало, а Игнат злился и говорил, что они ведут себя как маленькие. Себя винил, что тогда не разобрался сам.

Ася вздохнула. Не стоило ему себя так винить. Он не мог поступить иначе. Тогда казалось, что у них все может выйти: любовь, семья, дети. Игнат был надежным. С ним Ася чувствовала себя защищенной и нужной. Он всегда был рядом, когда она нуждалась. И она была влюблена. В его смешные шутки, мелкие морщинки у самых глаз, и глаза, в которых теплилась так необходимая ей нежность. Он дарил ей ромашки и подсолнухи, а не ненавистные розы. Кормил дынями и пахнущим костром шашлыком. Катался с ней на роликах и ходил в горы. Он подарил ей целый мир, полный красок и счастья. Называл лисичкой. И Ася была счастлива — по-настоящему. Никогда и ни с кем ей не было так легко и спокойно, как с Игнатом. А потом снова появился Артем и перевернул ее жизнь вверх тормашками. Разрушил такой уютный и теплый мир с Игнатом. Разбил и без того хрупкое счастье. Он выкрал ее из собственного дома, полного охраны. Увез накануне свадьбы. И она поддалась страсти. Как в тумане, ловила каждое его слово, каждое движение и таяла в его руках.

Опомнилась, когда показались дома небольшой деревушки. Билась в его руках, отпустить умоляла. А он не отпустил. Впервые в жизни не отпустил. На колени встал, попросил не уходить.

Ася прикрыла глаза, вспоминая.

Деревянная церквушка, молодой священник, веселая детвора окружает их шумным хороводом. Ася смеется, держа за руку Артема. В его настороженном взгляде проблески счастья. Неправильного. Украденного. Но ей все равно. Она словно пьяная, голова идет кругом и хочется танцевать. Она не слышит слов священника, тонет в черных, как бездны, глазах Темы. Горячая волна растекается по телу от его пальцев. Он надевает ей детское колечко с голубой бабочкой. И тихие слова врезаются в память:

— Клянусь любить тебя, даже если буду ненавидеть.

— Клянусь, — эхом отзывается Ася и смотрит в хмурое небо.

То подмигивает ей золотым лучиком и улыбается пестрой радугой. А на старой церквушке поет колокол венчальную песню...

А на следующее утро Ася узнала, что беременна. Сходила к местной повитухе, когда с утра неожиданно вырвала. И жизнь перевернулась снова. Вот только счастья уже не вышло. Она согрешила, и Бог наказал ее, отняв самое дорогое. Наверное, тогда все разладилось. Хотя они честно пытались все склеить. Но тогда Ася с головой нырнула в работу. Рисование татуировок увлекло, и построение семейной жизни ушло на второй план. А потом Игнат

заявил, что она должна вернуться к Артему. Что тот до сих пор любит ее, а она только мучит и себя, и его, и Артема. И получается не жизнь, а черте что. А Ася не могла вернуться к человеку, убившему ее ребенка. К человеку, который отказался ей помочь, когда она попросила. К человеку, который был женат на другой. И ей было все равно, что Игнат говорил утром. Что-то внутри не давало ей окончательно его простить.

Она усмехнулась. Глупо как-то. Еще два дня назад она занималась с ним сексом и плавилась в его руках. И хотелось быть только с ним. И чтобы ничего не было: ни прошлого с нелепыми недомолвками, ни неловкости разговоров после секса, ни глупой гордости, ни десяти лет существования друг без друга. Чистый лист. Новые поступки, слова, жизни. Все новое. И, наверное, стоило попробовать. Разрубить этот гордиев узел, отпустить Игната и наконец, признаться себе самой, чего она хочет и кого любит. Вот только сможет ли Артем так же отпустить и Катрину? Впрочем, попытка не пытка. А она слишком часто отступала.

Достала из-за пояса телефон, набрала Артема. Абонент недоступен. Набрала снова, но в дверь позвонили. Нехотя Ася подошла к двери — пришел Кирилл. Видеть его не хотелось, как и впускать в дом. Не нравился он ей. Что-то было в нем настораживающее. И взгляд шальной. Но Артем ему доверял, а значит мог прислать его по ее проблеме. Сам Артем по-прежнему оставался вне зоны. Ася включила автодозвон, засунула телефон обратно и открыла.

— Привет, — на лице Кирилла играла приветливая улыбка, руки в карманах, сумка на плече, а в глазах — настороженность. — Меня Артем попросил дом проверить.

Ася только кивнула, приглашая войти.

— Игнат когда будет? — спросил, осматривая столовую. — Мне бы с ним обсудить кое-что.

— Часам к десяти, — не моргнув, соврала. Знала, Игнат сегодня не придет. Очередной аврал на работе.

— Ясно, — бросил Кирилл насмешливо. Или показалось?

Да и черт с ним. Ася махнула рукой. Пусть рыскает. Подхватила ведро и швабру, поднялась на второй этаж.

Она домывала ступени, как что-то твердое уперлось в спину.

— Замри, — холодный голос парализовал. — А теперь медленно поднимайся вверх.

Ася не пошевелилась, спиной ощущая дуло пистолета. В зеркало на стене видя отражение Кирилла: напряженный, готовый к атаке хищник. И черный пистолет как продолжение его руки, часть его самого. Дико. Закрыла глаза. Вдохнула-выдохнула. Опустила взгляд. Решение пришло само.

— И не брыкайся, девочка, — усмехнулся. — Больше будет.

Она слабо кивнула, поднялась на две ступени. Мокрые, они были скользкие и приходилось ступать осторожно. Но ей легче босиком, а вот на Кирилле очень удачные туфли, по льду в таких нельзя, как и по мокрым деревянным ступеням. Все произошло очень быстро. Адреналин пенил кровь, страх придавал сил. Она сделала вид, что оступилась, забалансировала и ловко толкнула Кирилла, в сторону отбив пистолет. Погодина поскользнулся, выстрелил — пуля прошла по касательной, разбила напольную вазу — и завалился на спину, кубарем покотившись по ступеням. А Ася рванула вверх. Захлопнула дверь в спальню, выскочила на балкон. Внизу — кусты розы. Пара царалин не самое страшное. Страх подстегивал. Осторожно перелезла через ограду, схватилась за прутья, опустила как можно ниже. Зажмурилась и прыгнула.

Шипы обожгли ноги, руки, лицо. В висках пульсировало. Кое-как выбравшись из куста, рванула в сторону калитки. На ходу ища телефон — но того не оказалось за поясом. Обронила где-то и не заметила. Застонала от досады. Но едва она добежала до забора, как что-то колючее обвило шею и рвануло назад. Задыхаясь, она упала на спину, ухватившись за веревку на шее, в глазах потемнело. Спину обожгло гравием, ноги саднило и дышать становилось все труднее. Она цеплялась за веревку, раздирая в кровь ладони. Хрипела. Из глаз текли слезы, и мир терял краски. Хватка ослабла через несколько метров, стало легче дышать. Ася закашлялась. Горло разрывало на части и голоса не осталось.

— Я же предупреждал, — голос тихий, вкрадчивый и от того еще страшнее.

Он волок ее через весь двор. Ася брыкалась, изворачивалась, но петля на шее только туже затягивалась. Перед глазами плыло, легкие пылали. Но она отчаянно боролась за жизнь. И впервые в жизни пожалела, что согласилась жить в этой глуши за высоким забором. В доме Погодин швырнул ее к лестнице.

— Вставай! — приказал, дернув за веревку. Пошатываясь, Ася поднялась. Едва устояла на ногах. Голова кружилась, в затылке пульсировала боль, тело выламывало, а сердце едва не лопалось в груди. — На колени! — последовал новый приказ. Ася криво улыбнулась. Ему подчиняться она не станет. Все равно этот чертов извращенец убьет ее. Но она не будет унижаться перед ним.

— На колени, я сказал, — шепот в самое ухо и холодное лезвие под рубашкой.

— Пошел к черту, — просипела Ася. Могла бы — в морду плюнула, не смотря на страх, сковывающий тело. Не взирая на рвущиеся слезы. Больше она не станет плакать.

— Гордая, значит, — обвел языком ее ухо. Она зажмурилась и из последних сил ткнула его локтем. Но лишь рассекла воздух. Довольный смех эхом раскатился по дому. — Ты будешь лучшей в моей коллекции. Если не станешь умолять о пощаде. Они все умоляли. Даже Даша. Гордая, смелая Даша оказалась пустышкой.

Он притянул Асю ближе за веревку. Петля врезалась в кожу, обагрилась. Ася невольно запрокинула голову, высвобождаясь из удушья.

— Шагай, — и толкнул в спину.

Ася едва не упала, уцепилась за перила лестницы. Медленно поднялась по ступеням. Теперь Погодин держался на расстоянии. Дыхание срывалось. Она привалилась к стене, отдышаться. Спину пекло, ноги саднило, и прохлада ступеней приносила мимолетное облегчение.

— Устала? — наигранно заботливый тон. — Жарко?

Он встал напротив и одним движением разорвал рубашку. Ася вздрогнула, распахнула глаза. Он изучал ее, водя острием ножа по коже. Едва касаясь и нажимая сильнее, до лопнувшей кожи и крупных капель. Одну он слизал прямо с ножа. Асю передернуло и мурашки рассыпались по телу. Стало страшно. От того, что смерть неизбежна, но она не так близка как казалось вначале.

— Ты не умрешь, — покачал головой, на губах играла безумная улыбка. — Быстро.

И со смехом дернул на себя, прижал крепко, связал за спиной руки, чуть запрокинув ее голову. Провел языком по губам, раздвинул их углубляя поцелуй. Ася укусила. Он отпрянул, облизал кровь на нижней губе, улыбнулся. Следующий поцелуй был грубее, а петля на шее — туже. Ася дергалась в путах, хотела ударить, но вдруг заметила телефон. Он лежал у стены, и дисплей засветился принятым вызовом. Она не сможет сбежать, но попросить о помощи — легко. Артем поймет. Должен! Он же всегда спасает ее, и сейчас успеет. Главное,

чтобы услышал.

Ася высвободилась из поцелуя, упала на колени. Он посмотрел озадаченно.

— Пожалуйста, — прошептала. Веревка рвала кожу на запястьях. Слезы застилали глаза и голос дрожал. Но она должна была. — Пожалуйста, я прошу...не надо...не делай этого, Кир...

Она не договорила. Он рывком поднял ее, обхватил пальцами подбородок — не отвернуться.

— Ты что это выдумала? — прошипел зло. — Что за перемены? Только что дралась и кусалась, а теперь что? Решила стать паинькой?

Ася промолчала.

А он потащил ее в спальню. Швырнул на кровать. Ася рухнула на спину, закусил губу от боли в спине и вывернутых руках. Перетянул веревкой ноги до самых бедер, широко раздвинув, и привязал к бильцу. Ася пыталась лягнуть его, но он справлялся быстро. А от ее брыкания только кровь выступала на бедрах, и боль прожигала до костей. Петля на шее стала туже.

И только потом развязал руки. Распаял, приковав наручниками. Ася рванула запястья — без толку.

— Будешь дергаться, сломаешь, — улыбнулся, рассматривая ее. Достал нож. Сел ей на колени. Ася выгибалась дугой, рвалась в стороны — не дать ему так легко завладеть ею. А он лишь улыбался. Всунул лезвие между тканью шорт и кожей. Лезвие обжигало холодом. Страх выступал липким потом, выдавал мелкой дрожью, приносил ему удовольствие. Одним движением разрезал ткань — хруст ткани оглушал. Снова. Теперь лезвие прошлось по голым бедрам. Ася замерла, боясь дышать. По вискам скатились слезы.

Внезапный телефонный звонок дал передышку. Кирилл глянул на дисплей своего мобильного и тихо рассмеялся. Быстро поднялся, разорвав на ней трусики, скомкал и попытался впихнуть ей в рот. Ася мотала головой, не даваясь, даже укусила за палец, а он натянул веревку. Она забилась как выброшенная на берег рыба, хватая воздух. Погодин впихнул комок в рот и ослабил хватку. Ася замычала зло, а он лишь усмехнулся и ответил.

— Привет, — он глянул на Асю, не сводящую с него глаз. Странное предчувствие кололо затылок. — Нет, не занят. Так. Хорошо, Артем. А чей номер? Аси?

Она дернулась, попыталась закричать, выплюнуть кляп, но из горла вырывалось лишь слабое мычание. Как же она не подумала, что Артем позвонит ему? Дура. Кому же еще, как не начальнику собственной безопасности. Ася обмякла, закрыла глаза. Теперь ей точно не спастись.

— Я перезвоню.

Подошел к кровати — Ася слышала, как он дышит. Провел кончиком лезвия по щеке. Надавил. Острая боль разлилась по щеке. Ася закричала, напрягшись всем телом. Но кляп украл ее голос. А по щеке потекла горячая струйка. Погодин облизал нож. Прочертил кровавый узор по груди, вывел спираль на животе. Ася выгибалась дугой, кричала и захлебывалась слезами.

— Плохая девочка, — он укоризненно покачал головой. — Теперь придется Артема убить. Видит Бог, я этого не хотел.

Рассмеялся и вышел. Вернулся через мгновение с ее телефоном в руке.

— Автодозвон, значит? Умно. Но уже не поможет. Хотя так даже веселее.

Он отшвырнул телефон, достал из-за спины плетку. Ася вжалась в кровать, предчувствуя

невыносимую муку. А Погодин улыбался, накручивая на запястье цепи плетки. Смеялся, рассекая ею воздух и тонкую кожу.

А она тихо молилась, прося только одного — забыться, не чувствовать ничего. Пусть этот монстр получит ее плоть, но не душу. Пусть она умрет, не чувствуя издевательств. И не видя, как из-за нее убьют Артема.

И кто-то смилостивился над ней, потому что когда Кирилл навалился на нее всем телом, целуя и истязая и без того измученное тело, она вдруг увидела море. Ласковый прибор омывал босые ноги. Игривое солнышко грело лицо, плечи. Шепот волн убаюкивал, дарил покой. И страх отступал. И боль стиралась ослепительным счастьем. Теплым, долгожданным. Но кто-то за спиной позвал ее. Она обернулась и потонула в темноте. С мраком пришла боль. Раздирающая, не дающая дышать. И страх прокрался в мозг. Колючий и липкий, как кровь, стекающая по щекам, застилающая глаза. И монстр, крадущийся следом. А впереди лишь запах, знакомый до одури. И шепот, складывающийся в одно имя: — Тема...

Ее шепот. Она шла на запах, цеплялась за него, когда ноги опаляло пламя. И звала. Артема звала. И где-то вдаль слышала его голос, родной и взволнованный. Он искал ее и не мог найти. Она уже бежала. Шептала, что монстр уже близко. Она слышала его смех и свист плетки. И бежала из последних сил. Споткнулась, упала, поднялась. Тяжело дыша, едва ступая на окровавленные ноги. Шла на голос, заставляла себя дышать и жить. И когда она, казалось, нашла его, дозвалась, тьма рассеялась, явив ей залитую солнцем палату и Игната рядом...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Март, 2015 год.

Суббота. Утро.

Он кричал и метался на постели. Рвал простыни, раскидывал подушки, бился о стену, замирал, словно ища что-то, и снова кричал. Срываясь на хрип, истекая потом и слезами. Кричал и, что самое жуткое, спал.

— Артем! — Катрина бросилась к нему, упала на колени рядом с кроватью. — Проснись! Тема, ты меня слышишь?! — толкнула его в плечо, перехватила руку.

— Нет...нет...Пустите меня... — Артем затряс головой, отмахнулся. Удар оказался сильным. Катрина упала на пол. Лицо обожгло болью, в ушах зазвенело, потемнело перед глазами, а во рту появился привкус крови. Зажмурившись, Катрина отползла к стене, отерла с разбитой губы кровь. Глубоко подышала. Открыла глаза. Звон в затылке прекратился, комната больше не плыла, и Артем спал спокойно.

— Что ж за жизнь такая дерьмовая, — простонала она, по стеночке поднимаясь на ноги. Голова не кружилась, только щеку пекло и саднило губу. — Как же меня так угораздило вляпаться в тебя, Крутов?

Злясь и мысленно ругаясь, она добрела до кухни, налила полный стакан воды и вернулась в спальню. Долго примерялась, как бы половчее вылить воду на напряженное лицо Артема, выдохнула. Набрала в рот, взобралась Артему на колени, развела в стороны расслабленные руки, выплюнула воду в лицо и отпрянула...

...Артем распахнул глаза, но некоторое время не мог понять, где находится. Еще мгновение назад он пытался выбраться из горящего дома. Искал сестру, а после — выход. Задыхался. Вырывался от пожарных, пытавшихся остановить его. Он не мог бросить сестру. Не мог. А теперь...

Он обвел взглядом комнату. Все правильно. Вечером он приехал к Катрине и остался у нее. А все, что было после — лишь кошмар. Он вытер ладонью почему-то мокрое лицо и взглянул на Катрину.

Она сидела на его ногах. В синих глазах — страх. Он напугал ее своим кошмаром. На нижней губе кровь. Артем осторожно коснулся раны.

— Это я? — спросил хрипло.

Катрина кивнула и сделала попытку улыбнуться, но тут же скривилась, отдернув голову и облизав закровившую губу.

— Ты кричал, — попыталась объяснить она. — Я хотела разбудить тебя, но ничего не вышло. И вот... — она развела руками.

— Прости, я не хотел, — прошептал он, большим пальцем погладив ее щеку. Она на секунду прикрыла глаза, затаив дыхание, а потом все-таки улыбнулась.

— Конечно, не хотел. Это все кошмар. Не бери в голову. До свадьбы заживет. Кофе будешь?

И ловко спрыгнула с кровати, не дав и шанса остановить ее. Артем усмехнулся.

— Мне бы чего-нибудь покрепче.

Она замерла на пороге, глянула через плечо, в изумлении изогнув бровь.

— Крутов, ты меня удивляешь. Алкоголь с утра?

— У меня была трудная ночь, а сегодня выходной, — улыбнулся он. — И себе налей, — прокричал Артем, когда она, демонстративно закатив глаза, скрылась в коридоре, — не люблю пить один, — добавил уже себе и поднялся. — И никаких больше свадеб. Ты уже замужем. Хватит.

Подошел к окну. На кухне кудесничала Катрина: чем-то звенела, гремела, что-то напевала. Двор гомонил. Солнце сияло. Все как обычно. Только тревога сдавила клещами и не отпускала.

— Крутов, — донесся из-за спины возмущенный голос, — мало того, что ты алкоголик, так еще и девушку решил спить.

— Ты не девушка, — он взял протянутый бокал коньяка, осушил залпом, — ты моя жена. И не забывай об этом.

Она только фыркнула в ответ и последовала его примеру. Он улыбнулся, притянув ее к себе, нежно коснулся губами ее губ с привкусом крови и коньяка.

— И я хренову тучу лет не напивался с тобой, — проговорил он, уткнувшись лбом в ее. — А это так здорово. Я забыл, как это здорово.

— О да, — протянула она весело. — Особенно наутро... мы всегда такие веселые.

Она состроила смешную рожицу.

— И по лицам домочадцев лихорадочно пытаемся вспомнить, что же мы натворили, — добавил Артем ей в тон.

А она вдруг сделалась очень серьезной. И морщинка пролегла между бровей. Артем стер ее подушечкой пальца.

— Что с тобой, Тема? — спросила взволнованно. — Это все из-за кошмара, да?

Он сел на подоконник, увлек Катрину за собой, обнял за талию.

— Расскажи, — попросила тихо.

— Зачем? — он уже рассказывал однажды. А потом потерял Настену.

Артем помнил тот день. Шел дождь. Черное небо вспарывали молнии. Он прилетел из Германии, с трудом вырвавшись от дотошных немцев. В тот день хоронили Гурина. Артем

не жалел его, тот получил по заслугам. Единственное, о чем он мог сожалеть — что не он спустил курок. Да и в официальную версию самоубийства не верил — не тем человеком был Гурин. Он слишком любил жизнь. Настолько, что продал единственную дочь. Впрочем, его убийце он отдавал должное, тот сработал профессионально, и даже был благодарен. И внутри как-то легче стало, будто с него сняли тяжелую ношу. Хотелось веселиться, любить и наконец, радоваться жизни. И для этого ему не хватало лишь ее.

Артем не ожидал, что Настена так болезненно воспримет смерть отца. Не понимал, как она могла его любить и простить ему смерть родной матери. Но она смогла, как и переложить свою ненависть на Артема.

Он вошел в дом промокший, ища только ее. На поминках собралось много народу и большинство из них презирали Гурина, Артем знал. Слетелись как стервятники. Крутов с удовольствием разогнал бы всех к чертовой матери, но он искал Настену. Он прилетел, чтобы забрать ее с собой. И ему было плевать на все остальное. Как и на то, что она вдруг оказалась против.

Она стояла у окна с бокалом вина. В рыжую косу вплетена черная лента. Глухое черное платье доходило до щиколоток, делало ее невероятно хрупкой. Он подошел со спины, обнял за плечи, уткнулся носом в пахнущие полевыми цветами волосы.

— Как же я соскучился по тебе, — пробормотал, не в силах отпустить.

— Пришел за своим? — холодное в ответ. — Мне сейчас уйти или ты, как новый хозяин, великодушно позволишь дожидаться, пока все разойдутся? Или...

Он резко развернул ее лицом к себе. На щеках дорожки туши, а в ясных глазах — слезы. Он не стал ничего спрашивать, не стал слушать ее бред. Подхватил под колени и перекинул через плечо. Бокал выпал из ее пальцев, разлетелся осколками по паркету. Она взвизгнула, стукнула его по спине кулачками. Артем передернул плечами, поправил ношу и, не слушая ее, двинул в сторону выхода. Щуплый мужик попытался его остановить, но Артем лишь глянул на него и тот моментально ретировался. Торопливыми шагами Крутов сбежал по ступеням, прошел по дорожке через фонтанную аллею, свернул к центральным воротам, за которыми уже виднелась его машина. Насвистывал под нос детскую песенку и старательно не вслушивался в слова Настены. Потом разбираться будут, как долетят домой. Он толкнул кованые ворота, как услышал за спиной:

— Отпусти ее.

Мужской голос и щелчок взведенного курка заставили остановиться и обернуться.

Охранник стоял в нескольких шагах. Держал Артема на мушке.

— А если не отпущу? Выстрелишь?

Тот сосредоточенно кивнул. Артем усмехнулся.

— А не боишься в хозяйку попасть?

Охранник замешкался.

Настена взбрыкнула, ударила по спине. Больно, но Крутов стерпел.

— Послушай...

— Я сказал, отпусти...

— Коль, это свои!

Игнат появился из-за поворота. Остановился за спиной охранника. Он тяжело дышал, как после пробежки, взгляд хищный, настороженный, а в руках пистолет. Но он не целился. Не сводил взгляда с Артема. Настена прекратила брыкаться.

— Ей же неудобно, — проговорил Игнат, кивнув на висящую на плече Настену.

Положил руку на плечо охранника. Тот пистолет опустил. Артем выдохнул.

— Езжай, — устало произнес Игнат. — Увози ее отсюда.

Артем кивнул. Усадил Настену на заднее сидение. А она все время смотрела через его плечо. Он проследил ее взгляд — на Игната смотрела. И в рыжих глазах стояли слезы.

— Что? — спросил, замерев напротив, придерживая дверцу. Холодный дождь молотил по спине, скатывался за шиворот.

Настена всхлипнула.

— Я тебя ненавижу, — повторила, наверное, в сотый раз. Теперь Артем слышал. И на душе становилось хреново, словно бочку кислоты залили. — Ты жестокий и циничный ублюдок. Ты убил моего отца. Ты использовал меня! И ради чего? — она криво усмехнулась. — Ради этого? — она кивнула в сторону Гуринского поместья. — Так подавись, — она плюнула ему под ноги.

— Настена, ты же ничего не знаешь, — хрипло возразил Артем. Не думал, что станет так больно говорить. — Гурин убить тебя хотел. Ему плевать на людей, понимаешь? Ему же только деньги нужны. Он и мать твою...

— Не смей! Ты ничем не лучше. А он мой отец. И он...

— Продал тебя! — не выдержал Крутов. Надоело. Хоть самому в могилу ложись. — За три целковых продал...

Настена дернулась, как от удара, лицо исказилось и во взгляде появилось что-то муторное и опасное. Для нее самой.

— Он продал, а ты купил, значит? — по щекам скатились слезы. — Вот только я не вещь. И я лучше умру, чем буду твоей. Уходи. Убирайся из моей жизни!

Она попыталась оттолкнуть его, но Артем захлопнул дверцу. Плюхнулся на водительское сидение и рванул с места. Он не знал, как далеко уехал от особняка, но все это время Настена смотрела назад и заламывала пальцы. Неужели она так ненавидит его? Так любит Игната? Он ударил по тормозам. Машина вильнула в сторону, развернулась и замерла посреди пустого шоссе. Настена качнулась в сторону, чуть не завалилась набок и метнула в него злой взгляд.

— Ладно. Твоя взяла, — он тяжело выдохнул. — Хочешь остаться с ним, валяй. Я не мальчик, чтобы бегать за тобой и выпрашивать твою любовь. Я не понимаю, чего ты хочешь. Ненавидишь меня за отца? — он достал сигарету, закурил. Пальцы почему-то дрожали и хотелось напиться.

— Ты меня использовал, — а у Настены дрожал голос и она обнимала себя за плечи, словно пыталась согреться. Хотя печка в салоне жарила на полную. — Тогда, в «Домино», ты ведь не просто...

— Не просто. Пожалел тебя, дуру, — усмехнулся Артем. — Видел, как твой дружок дряни какой-то в бутылку подсыпал. И ребята мои видели.

— Благодетель, значит? В сияющих рыцарских доспехах, — съязвила.

— Я далеко не рыцарь, — затанулся, выдохнул клубок дыма. Окно открыл. Запахло дождем и скошенной травой. — Думал, с твоей помощью к Гурину будет легче подобраться. Кто же знал...

— Что моему отцу плевать на меня, — насмешливо перебила Настена.

— Что ты станешь важнее мести, — устало возразил Артем.

— Мести? За что? Бизнес не поделили? Так он теперь...

— Помолчи! — отрезал Артем зло. — Не говори того, о чем не знаешь, — перевел

дыхание. — Наши родители дружили со школы: твои, мои и Игната. Учились в параллельных классах, но почему-то дружили крепко. Были самой крутой бандой на районе. После школы разошлись по разным институтам. Но все равно остались друзьями. Они даже свадьбы сыграли в один день, — он улыбнулся, вспоминая рассказы матери об их сумасшедшем дне свадьбы. Вспомнил ее теплые глаза, сияющие счастьем, нежные руки и ямочки на щеках. — Помимо дружбы они вместе делали бизнес. Но Гурину стало мало, он влез в криминал. А отец отказался в этом участвовать. Пригрозил, что расскажет Крушину-старшему, который к тому времени в подполковниках ходил, связи имел в «органах». На следующий день родители сгорели заживо в собственном доме. Практически у меня на глазах. А Юльку много лет я считал мертвой. Винил себя, что не успел. Что вытащил ее слишком поздно. Что не спас сестру. А она все эти годы следила за моей жизнью. И ненавидела меня.

— Как же ты нашел ее? — она положила голову на спинку переднего сидения.

— Она мне позвонила, — он криво усмехнулся. — Так просто: «Привет, братец. Неплохо уживаешься со своей дрянной совестью». Игнат пробил номер и мы приехали по адресу. Нет, тому, с кем она жила, спасибо огромное. Найти бы его, отблагодарить. Но он словно растворился, а Юлька не признается, кто ее обеспечивал много лет. У нее все было: лучшие врачи, лекарства, лучшие тренажеры, сиделка. Только меня не было рядом, — он ударил кулаком по рулю. — Это уже позже выяснилось, что много лет назад родителям Игната сказали, что девочка не выживет, и они не стали брать на себя такую ответственность. Меняхватило. Я после детдома злой стал, замкнутый. Проблем им хватало. Пока живы были. Отец Игната раскопал, кто виновен в гибели моих родителей. А потом так нечаянно в аварию попал. И мы с Игнатом сиротами остались. Мы Гурина вместе искали. По материалу, что его отец накопал. Игнат через ментовку, я по своим каналам. Подбирались к нему много лет. Но появилась ты и все изменилось.

Он повернулся к Настене.

— Я не хочу тебя терять. Но если я тебе не нужен, держать не стану...

Она молчала недолго.

Шепнула: «прости», — и ушла. Артем обещание сдержал, останавливать не стал. А через месяц узнал о скорой свадьбе лучшего друга...

— Тем, — Катрина осторожно тронула его за плечо, вытягивая из воспоминаний. Он все помнил, ни единой минуты не забыл из их прошлого. И жалел лишь об одном — что отпустил ее.

— Ты уверена, что хочешь знать? — заправил за ухо белоснежную прядь ее волос, обвел пальцами контур ее ушка, коснулся пульсирующей жилки, провел по руке, сжал ее ладонь.

Она сосредоточенно кивнула.

— Я же твоя жена. Да, я знаю, ты уже рассказывал, но может стоит снова, а? — она заглянула ему в глаза. — И тогда кошмар уйдет и не сбудется.

— Сбылся уже, — невесело улыбнулся Артем. — Мне сестра снится. Пожар. Нам же тогда с Игнатом по десять лет было всего. А он меня с Юлькой на плечах из горящего дома вынес. Родители там остались. Я помню, как их хоронили. В одном гробу, в одну могилу. У них и памятник один на двоих.

Сердце сжалось в кулак, он потер грудь, сделал глубокий вдох. Выдохнул.

— Таблетку? — Катрина обеспокоенно заглянула ему в лицо.

Артем усмехнулся.

— Вот только не надо. Штучек этих твоих не надо и жалости твоей мне тоже не надо. Я не Игнат.

— Дурак, — хмыкнула она. — Я не жалею тебя. Нет, — и головой покачала для убедительности. — Я просто...

Он посмотрел внимательно, уловил, как напряглась, замешкалась, словно боролась с собой.

— Я просто люблю тебя, — произнесла на одном дыхании.

— Любишь? Но до сих пор считаешь убийцей. Хотя, знаешь, я бы убил Гурина. Но он выкупил свою жизнь тобой. Переписал на тебя свой бизнес. Юридически все грамотно оформил, чтобы не иметь даже лазейки получить все обратно. Меня все устраивало, потому что мне нужна была ты. Так что не убивал я твоего отца. Мне было ради чего жить и что терять. Ты, Юлька...

Он запрокинул голову, закрыл глаза. Не хотел вспоминать. Слишком больно до сих пор. Он понимал, что ничего не изменить и не вернуть. И что многое стало иначе. Вот только дышать по-прежнему трудно, и голос срывался от непрошенных слез, и обида снедала изнутри.

— Она любит тебя, Тем, — Катрина прильнула к нему. — Юлька, — прочертила круг по его груди. — Когда ты в больницу попал, она попросила меня купить икону святого Пантелеймона. Ему молятся о здравии тех, кто болен, — Артем смотрел в изумлении на жену, вычерчивающую рисунки на его груди. И сердце щемило от нежности. — А потом попросила научить, как правильно молиться, чтобы ты выздоровел. Она очень переживает за тебя. И любит. Ты же ее брат. Самый родной человек.

Слеза блеснула на ее щеке, но она быстро вытерла ее.

— Ты восхитительная женщина, — он обхватил ее за шею, запрокинул голову и поцеловал. Нежно, мягко проникая в ее рот языком, не выпуская ее жаждущего взгляда, не торопясь. Желая только одного — показать, как сильно он ей благодарен. Сейчас, в эту минуту. Просто за то, что она есть в его жизни. И она поняла. Тихо вздохнула и прикрыла глаза, а из-под опущенных век скатились слезы. Артем собрал их губами, чмокнул в кончик носа и зарылся в ее волосы, вдыхая аромат полевых цветов. — Как же я тебя люблю.

— Я знаю, — Артем почувствовал, как она улыбнулась. — И прости меня, что не верила. Убийцей считала.

— Хотел бы я знать, кто внушил тебе эту чушь.

— Кирилл, — тихо ответила Катрина, опустив голову. — Вы с ним тогда вместе уезжали, тем вечером, когда отца убили. Вернулся Кирилл один. А я случайно услышала, как он говорил тебе, что ты чисто сработал и никто не догадается, что Гурин не покончил с собой.

Артем заглянул в ее рыжие, без линз, глаза.

— Ты серьезно? Все вот это...все эти годы ненависти и непонятного сосуществования из-за какого-то мифического разговора? Да меня даже там не было.

Катрина пожала плечами.

— Ну ты даешь, Настена, — он вздохнул и прижал ее к себе.

— Мы же договаривались, — обиженно пробормотала она куда-то ему в плечо, — ты больше не называешь меня так. Забыл?

— А Погодин молодец, — не слыша ее, задумчиво заключил Артем, — все просчитал еще тогда. И разговора никакого не было, веришь?

Снова посмотрел на нее. Она кивнула.

— И еще, — сглотнула, занервничала. — Вчера. Я вспомнила. Ту ночь.

Катрина отстранилась от него, в рыжих глазах пролегла тень страха.

— Кто? — хрипло спросил, чувствуя, как ярость вспенивает кровь. Сжал кулаки, стиснул зубы.

— Кирилл. Он тогда сказал, что ты его прислал дом проверить. Я...

— Ублюдок! — процедил Артем, саданув кулаком по подоконнику. Катрина вздрогнула. — Убью! Хватит игр.

— Ты убьешь его. Игнат посадит тебя. А как же я? Снова меня бросишь? — выпалила сгороговоркой.

Артем посмотрел внимательно.

— Странно. Ты обвиняешь меня в том, что постоянно делала сама?

Катрина вздохнула.

— Прости. Я была душой. Но мне казалось, что я с тем, кому нужна.

Артем обхватил ладонями ее лицо.

— Ты мне нужна. Каждый день. Каждую минуту. И так было всегда.

— Я...

Ее оборвал звонок мобильного. Артем достал из кармана телефон — звонил Игнат.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Март, 2015 год.

Суббота. Утро.

Она не хотела его отпускать. Задерживала вопросами. Смотрела умоляюще и ходила следом, как побитая собака.

— Настена, в чем дело? — спросил Артем, не выдержав ее метаний.

— Ты ему доверяешь? — вопросом на вопрос, кусая губу и заламывая пальцы.

— Игнату? — Артем в удивлении выгнул бровь. — А почему я не должен ему доверять? Он не предавал меня, не обманывал. Всегда был предельно честен. Аж тошно, — когда Дашка ушла, в никуда, как говорила тогда, Игнат пришел с бутылкой водки и заявил, что любит Дашку. Что не может без нее. Что хочет на ней жениться и совершенно не знает, что с этим делать. Тогда они напились вдрызг, а Артем взял с друга клятву — защищать Дашку. А иначе тот его убьет. Он усмехнулся, вспоминая, что оба не сдержали данное слово. Так было и с ней — все честно. Игнат позвонил ему и пригласил на свадьбу. — Но в этом весь Шина. И потом, он мент, хоть и в отставке. Без него нам Погодина не прижать, понимаешь?

Обнял Катрину, потерся носом о пахнущую цветами макушку.

— Все будет хорошо, курносая. Об этой квартире никто не знает. К тому же охрану я тебе оставлю. Юра с тобой побудет и двое ребят на улице.

Взял ее лицо в ладони, заглянул в глаза.

— Это лучшие ребята Алекса, слышишь?

— Кирилл тоже лучший, — скривилась она.

— Но нас больше. И мы на своей территории, — улыбнулся ободряюще, и она сдалась, расслабилась и даже робко улыбнулась в ответ.

Артем мягко поцеловал ее разбитую губу и ушел.

И всю дорогу к Сане нервничал и смотрел на дисплей. Тревога острой занозой засела в затылке, мешала думать, расщаливала сердце, которое и так припадочно мотылялось в груди. Он то и дело ждал звонка, ожидая худшее. Но телефон молчал и Артем не выдержал сам —

набрал Юру и попросил отзваниваться каждые полчаса, иначе свихнется. Юра согласился без вопросов.

Штаб был назначен на веранде за круглым столом с ароматным кофе. Игнат уже ждал, разбираясь в каких-то бумагах. Саня мерил шагами дощатый пол, матеря кого-то по телефону. Вокруг простирались стройные сосны, внизу в полукилометре скользила река, играющая солнечными бликами. Артем вылез из машины и вдохнул терпкий аромат леса, невольно улыбаясь. Ему всегда здесь нравилось — Алекс выбрал шикарное место для семейного гнездышка. Краем уха уловил детский смех, обернулся. Прямо на него летело трое сорванцов, поднимая клубы пыли. Первым мчал белобрысый худощавый мальчуган, за ним двое чернявых поменьше. Пронеслись гурьбой, выкрикивая нечто вроде: «Ату его, ату!» — и скрылись за воротами дома. Артем весело фыркнул. А в голову пришла шальная идея. Присев на капот, достал из кармана мобильный, набрал жену.

Катрина ответила сразу, словно только и ждала его звонка.

— Я хочу, чтобы у нас был большой дом где-нибудь в лесу или у реки, неважно, — заговорил он, едва услышав ее голосок. — И много детей. Много счастливых детей, гомонящих наперебой и устраивающих кавардак. Слышишь? Наших детей!

Катрина всхлипнула.

— Но я же...

— Это неважно, — перебил Артем, окрыленный столь странным, но таким правильным желанием. — Мы усыновим. Одного, двоих, пятерых, да хоть целую футбольную команду. Я хочу, чтобы у нас была семья. Самая настоящая. И я люблю тебя! Ты меня слышишь?!

— Я слышу, — ему показалось, или она смеется? — И я тебя люблю. Возвращайся скорее.

— Не дрейфь, родная, — подмигнул Артем, словно жена могла его видеть. — У нас все получится.

И отключился.

А через несколько минут сидел напротив Игната и слушал, что тот нарыл на Погодина. Слушал вполуха — все это уже было известно. И даже больше. Игнат, например, не знал, что в вечер смерти Арины Рыжовой, Даня видел в подъезде Кирилла. Родственников, друзей или каких иных дел в том районе у Погодина не было, и быть не могло. Значит, приходил он туда с единственной целью — убить Арину. Игнат не знал, что мать Арины в надежде спасти дочь и сына намеренно направила Даню в квартиру Звягинцева. А все, что Погодину было нужно — подставить Даню, чтобы тот не совал нос куда не положено. И о Юльке не знал. Зато Артем выяснил много лет спустя. Знал бы раньше, многого можно было бы избежать. Но, увы, жизнь не терпит сослагательного наклонения.

— Банальная подстава, — заключил Игнат, выслушав Артема.

— Да, управляющий верфью занимался контрабандой. Даня вышел на него еще полгода назад. Но он тогда сомневался, что тот сам работает. Решил копнуть глубже, — Артем отпил кофе. — Видимо, нарыл что-то интересное, раз Погодин занервничал. Я думаю, задумка была проста. Кирилл убивает Арину, подставляя ее мужа, заманивает в квартиру Даню. Ну а зная о его чувствах к этой девчонке и вспыльчивом характере — догадаться не сложно, что тот Звягинцева прикончит. Так все и вышло.

— Почти, — вставил слово Саня, закурив. — Леська выяснила, что Звягинцев скончался не от побоев, а от сильнодействующего препарата, вызвавшего остановку сердца. Если бы не повторное вскрытие, на котором она настояла — ничего бы мы не узнали и посадили бы

Даню надолго.

— Вот только Погодин затеял все это не из-за Дани. Верно, Сварог? — Игнат зло посмотрел на Артема. Хочет переложить вину на Артема? Крутов усмехнулся, отодвинув пустую чашку.

— Я знаю, что виноват, — нахмурился, поменяв положение больной ноги: та ныла, словно кости выворачивали из суставов. — Но не я убил твою сестру и спалил твой дом.

— Да, но ты убил Асю, — рявкнул Игнат, нависнув над столом.

— Ну если это я — посади меня, — парировал Артем не менее зло.

— Все, брейк, — осадил Саня. — Что вы как дети малые, ей-богу. Меряетесь, кто круче?

Детский сад.

Он покачал головой.

За его спиной показалась Ирма. Длинная бирюзовая юбка развевалась на ветру, темные волосы склоты на затылке. А в коляске, которую она катила перед собой, озорно улюлюкали розовощекие малышки. Она помахала рукой издалека, тепло улыбнулась мужу. Артем наблюдал, как Саня выбросил сигарету, подошел к жене, легко поцеловал в губы, подхватил на руки девчонок и скрылся в доме.

— Может, еще кофе? — спросила Ирма, задержавшись на крыльце.

— Не надо, родная, — улыбнулся появившийся в дверях Саня. — Мы сами, если что. Не волнуйся.

— Ну хорошо, — согласилась она, — только вы недолго, нам еще в город ехать. Ты не забыл? — Едва уловимым движением поправила куртку на муже.

— Я все помню, — кивнул Саня, счастливо улыбаясь. — И мы недолго, обещаю.

Она еще раз махнула им рукой и ушла в дом.

Телефоны зазвонили одновременно: у Сани и Игната. Артем глянул на свой — молчит.

Вслушиваться, о чем говорят друзья, не стал — прикрыл глаза, стараясь абстрагироваться от боли.

— Погодин ушел, — устало выдохнул Игнат и саданул кулаком по столу. Чашки зазвенели, одна упала. Запахло кофе. Артем распахнул глаза.

— Когда? — бегло глянул на Саню: тот еще разговаривал, но был серьезен и сосредоточен. Не нравилось Артему это.

— Ринат сказал, что потерял его в центре около получаса назад. Машина стоит на стоянке, а Погодина и след простыл. Где твоя жена?

— Дома под охраной, — растерянно ответил Артем. — Саня пообещал...

— Юра звонил, — перебил подошедший Саня. И в его взгляде мелькнуло что-то нехорошее. Артем ощутил, как сердце пропустило удар. Бросило в жар, по ноге прокатилась судорога.

— Что? — не выдохнул, просвистел. А в горло будто гвоздей насыпали. И зудящая в затылке тревога отозвалась пульсирующей болью.

— На них напали, — ответил Саня, не глядя в глаза.

Артем сорвался с места. Забыл про трость, чуть не упал, когда ногу прострелило. Ухватился за край стола. Рядом оказался Игнат. Артем мазнул по нему взглядом. Ничего не ответил. Перехватил поданную трость, двинул к машине. А в голове только одна мысль — Настена. С ней не должно было ничего случиться. Они все просчитали. Ребята должны были справиться. Но если они ошиблись — Артем найдет этого ублюдка и убьет к чертовой матери. И плевать на все. С Игнатом как-нибудь разберется. Не в первой.

Он добрался до машины вспотевший и почти не чувствующий ноги. Распахнул дверцу машины, как кто-то схватил его за плечо. Из-за спины вышел Игнат.

— Я поведу, — сказал решительно.

Артем кивнул.

— И давно ты женат? — спросил Игнат, рассеивая тягостную тишину и вдавливая в пол педаль газа.

— Девять лет, — Артем не сводил взгляда с серой ленты шоссе.

— И друзьям ничего не сказал?

— Друзья имеют привычку уводить моих женщин, — съязвил, не сдержался. Хотя знал — Катрину Игнат не увел бы, она слишком зависела от Артема и новой дозы.

Красивая, сексуальная, ее хотели самые гламурные журналы и крутые подиумы мира. Она была звездой, когда связалась с каким-то недоделанным рокером. Тот посадил ее на наркоту, а сам свалил в неизвестность за очередной музой. Тогда сестра впервые попросила его о помощи. Они с Катриной дружили. Юлька талантливый дизайнер. Можно сказать, она слепила из Катрины звезду модельного бизнеса: сделала ей имидж, шила одежду, учила быть леди. Артем еще удивлялся, откуда все это взялось у Юльки, с ее-то детдомовским прошлым. Но не переставал радоваться хоть какому-то развлечению сестры.

А потом Катрина попала в беду и Юлька посчитала, что только Артем сможет ее спасти. Катрину нужно было лечить, но сама она не желала расставаться с героиновой эйфорией. Выход был один — стать ее опекуном. Тогда-то они и сыграли свадьбу, после чего Артем отправил ее на лечение. Почти год он вытаскивал ее из дурманного болота, практически не отходил от ее постели, скинул дела на замов. Для него было важным спасти эту девчонку. Помочь сестре. Быть ей нужным.

Врачи помогли, и Артем с Катриной познакомились заново. Она была хорошей. Трогательной, нежной и обделенной любовью. Она была настоящей. И рядом с ней Артем ощутил себя живым. И она расцветала: писала стихи, грезилась о детях, смеялась и, казалось, хотела жить. Но просветление длилось недолго — около полугода. Пока однажды среди ночи Артем не нашел Катрину в ванной со шприцем в руке и дозой в вене. И все началось по новой. Она мучила себя и изводила Артема. Тогда он запер ее в психушке и вернулся в родной город. Отвлекся, помогая Сане выпутаться из смертельной опасности. Понял, как важна семья и что ему никогда не забыть Настену.

Хотя он пытался, когда снова наступила светлая полоса. В Германии появился целый реабилитационный городок, где Артем и поселил жену. Он приезжал к ней, порой даже появлялся шанс на возможность нормальной жизни. Полтора года они жили счастливо. И он начинал влюбляться в живую, светлую и такую нежную Катрину. Радовался, как мальчишка, когда она, смущаясь и краснея, сообщила ему о беременности. На руках носил, ощущая себя счастливым. И молился, чтобы ребенок, которого она носила под сердцем, заставил ее забыть о наркотиках. Но в один прекрасный день она сбежала. Написала, что встретила свою самую большую любовь. Артем нашел ее через неделю. В луже крови, исколотую. А рядом валялась в отключке ее «большая любовь» — тот самый рокер.

Покалеченного Артемом рокера спасти не удалось, как и его, Артема, ребенка. Катрина жила и для него казалось важным, что она дышит и выбирается из наркотической комы. Наивно верил, что теперь все наладится. Уже потом врач рассказал, что Катрина сама спровоцировала выкидыш. Она сама убила их ребенка. А когда она попыталась украсть наркотики в клинике, Артем понял — ему ее не спасти.

Тогда, незадолго до «смерти» Настены, Артему позвонили и сообщили о притоне, где в очередной раз нашли его жену. Он вытащил Катрину из-под обдолбанного наркомана, когда они трахались среди шприцов и бутылок в провонявшей дурью квартире. Такую же неадекватную, рыскающую в поиске дозы. Артем просто дал ей то, чего она хотела — маленький шприц с мутной жидкостью. Он знал — доза смертельна. Видел, как она корчилась в агонии, как билась в судорогах и блаженную улыбку на последнем выдохе. А потом он похоронил ее вместо Настены.

— С ней все будет в порядке, — поддержал Игнат, сворачивая во дворы

— Хотелось бы верить, — усмехнулся Артем, увидев у подъезда полицию и скорую.

Сердце сжалось в кулак, и дышать стало нечем...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

Март, 2015 год.

Суббота. Вечер.

Ася смотрела в потолок. Время нещадно ускользало с солнечными лучами. Закат заливал багрянцем комнату. Где-то глухо пробили часы — Ася сбилась со счета. Сперва отсчитывала секунды, а потом устала. Погодин не приходил. Руки затекли, ноги ныли от веревки. Глаза болели от смотрения в одну точку, отдохнуть бы, прикрыть их ненадолго, но скопившееся внутри напряжение не позволяло расслабиться. Сегодня ее должны убивать.

Вот только страшно не было. Даже помня, что Кирилл уже однажды с ней сотворил. Она просто знала — сегодня все будет хорошо. Сегодня она не одна. И Артем успеет вовремя, потому что он рядом. И он услышит, когда придет время. Главное, разговорить Погодина.

Она прикрыла глаза всего на мгновение, собираясь с мыслями. Тихие шаги не заставили себя ждать. Они приближались и под тяжестью веса поскрипывал пол. Ася осторожно повернула голову в сторону темного провала двери. Погодин замер в пороге: на губах хищная улыбка, в серых глазах шальной блеск, а в руках — черная плетка с металлическими шариками на кожаных косах. Ася помнила эту плетку и боль, обжигающую, рвущую плоть. По коже рассыпалась дрожь, и позвоночник лизнул холод страха. А Ася думала, что не боится его. Ошибалась.

— Ну здравствуй, миледи, — холодный голос, без тени эмоций. И только взгляд, блуждающий по ее полуголому телу, выдавал Погодина с потрохами. Он хотел ее, и это желание сводило его с ума. — Как видишь, я держу свое слово.

— Прости, не подготовилась, — она демонстративно дернула связанными руками. — Ждала тебя позже. Ты же обещал завтра к полудню меня... убить. Решил начать пораньше?

— Кусаешься? — он осклабился и подошел ближе, проводя плеткой по бильцу кровати. Вышел жалобный стон, резанувший по ушам. Ася невольно поморщилась. — Это заводит, — добавил, коснувшись плеткой ее ступни. — Ты не такая, как все. Другая, — задумчиво произнес Погодин.

— Только не для тебя я, — Ася облизала губы. — А тебе ведь хочется, правда? Чтобы я твоей была. Твоей, не Крутова. И не только в постели, верно?

Он бросил гневный взгляд, взмахнул рукой — шарики со свистом рассекли воздух, впились в кожу бедра. Ася с трудом подавила крик от обжигающей боли. Она ждала удара, но отвыкла от такой боли.

А Погодин сел на край, собрал пальцем выступившую на бедре Аси кровь, облизал.

— Не дразни меня, девочка, — прохрипел, прикрыв глаза, смакуя ее кровь.

Ася ощутила, как тошнота подступила к горлу. Она сглотнула колючий комок, глубоко вдохнула. Выдохнула едва слышно.

— А то что? — знала, что его нельзя провоцировать. Артем предупредил, чтобы она не лезла на рожон. Но она не могла иначе. Погодина так просто не разговорить — его нужно вывести из равновесия. А провокация — самый действенный способ. — Убьешь? Запытаешь до смерти как родную мать?

Ася увидела, как он напрягся — пальцы добела сжали плетку.

— Ты поэтому ненавидишь Крутова? — Ася облизала пересохшие губы. — Потому что он бросил тебя в детском доме, как твоя мать когда-то оставила тебя для игр пьяному сожителю? Потому что он обещал быть тебе братом и вытащить из приюта, а сам забыл о тебе? И тебе снова и снова приходилось испытывать унижение...

— Замолчи, — процедил сквозь зубы, распахнув глаза. Они потемнели от гнева. — Моя мать была конченной алкоголичкой и заслужила то, что с ней стало. Как и ее любовник, сгнивший в тюрьме за убийство. Никто ведь не мог подумать на маленького мальчугана, — он усмехнулся. — Все меня жалели, а я мечтал только об одном — наконец жить нормально. Без ежедневных побоев и пьяных мужиков, использующих меня в качестве секс-игрушки.

Ася слушала, затаив дыхание, страхась спугнуть его лирический настрой. Пусть говорит, лишь бы все это быстрее закончилось.

— В детдоме было гадко, — он поморщился, — но я справлялся. Пока не появился Артем. Он все время молчал, ни с кем не дружил. Просто ел, пил и спал. Все остальное время либо в окно смотрел, либо в потолок, лежа на кровати. Он даже на занятия не ходил. И пахло от него выкристаллизованной ненавистью. Такой яркий, ничем не замутненный аромат. Так пахнет только от тех, кто все потерял. Как я.

— Отбираешь людей по запаху? — не сдержалась Ася.

— От тебя тоже вкусно пахло, — вместо ответа проговорил он, чуть поведя носом. — В нашу первую встречу. Страстью и одиночеством. Ты тоже кого-то ненавидишь. Ты такая же, как я или Артем.

— Я тебя ненавижу, — усмехнулась Ася. — И я не такая, как ты. Я не убиваю женщин. Не пытаю их и не подставляю своих друзей. А ты убиваешь. Дашу, Арину, Ольгу, Асю, — она запнулась на собственном имени. — Ты так сильно любишь деньги или же настолько ненавидишь Артема, что...

— А кто говорил о ненависти? — он покачал головой, поднялся, подошел к окну. Ася непонимающе смотрела в его напряженную спину и пыталась понять, что он имел в виду. Если он не ненавидит Артема, если не мстит ему, тогда к чему столько смертей?

— Знаешь ли ты, миледи, какво это — любить человека, до сдвига по фазе, хотеть его так, что яйца лопаются от возбуждения, когда он рядом, и не иметь возможности не то что прикоснуться, даже посмотреть в его сторону? Наблюдать, как какие-то девки касаются его и получают от него ласки и удовольствие, и представлять себя на их месте? Ты знаешь, что это такое? — он обернулся и его глаза затянула мутная пелена. А Ася все поняла. Он не ненавидел Артема. Любил. Больной извращенной любовью. Но любил. И эта любовь загнала его в угол. И теперь он пытался оправдать свою жестокость. — А он меня даже не узнал, — он криво усмехнулся, и в его серых глазах блеснули слезы. — Когда я пришел к нему и предложил помощь в поимке Гурина, он не узнал меня. А я спас его. Вытащил из ледяной реки, когда весь детдом наблюдал, как он тонет. А потом убил каждого, кто обидел его. Они просто исчезли. Сбежали из детдома и пропали. А кто будет искать никому не нужных

сирот? Верно, никто. Я достал ему компромат на Гурина, помог подобраться к этому уроду как можно ближе. Сделал за него всю грязную работу. А он сказал, что убьет меня из-за какой-то шалавы, которая просто игралась с ним. Он всегда выбирал не тех. А я просто хотел быть рядом с ним. Стать самым близким. Даша мешала. Как и Ася. И в них была частичка его. Я лишь получал любимого. По капле. К тому же, смерть Даши рассорила Артема с Крушининым. А Ася лишь укрепила их неприязнь. Жаль, что ее убил не я. Она была сладкой. Вкуснее, чем Даша. И норовливее. Было невероятно кайфово трахать ее, когда в ней еще оставалась сперма Артема. Его запах был на ней. И было легко представить...

— Ты псих, — скривилась Ася. — Тебе лечиться надо.

— Может быть, — он задумчиво покрутил в пальцах плетку.

— А Арина? Рыжова? А Ольга, сестра Игната? Они ведь не спали с Артемом, а ты и убил. Цинично и жестоко. Из-за денег убил. И любовь тут совершенно ни при чем.

— Иногда приходится чем-то жертвовать и отступать от своих принципов. Даня влез в мои дела и я наказал его. А Ольга...она погибла из-за Игната. Если честно, я не думал, что он рванет спасать Асю. Я дал ему выбор. Но он выбрал неправильно и потерял сестру.

— Нет, у него уже нее было выбора. Когда твой поделщик звонил Игнату, Ольга уже была мертва. Игнат сделал правильный выбор. Если бы он тогда не приехал, у тебя бы все получилось. И мы с Артемом были бы мертвы. Но ты ведь не думал, что Артем окажется таким упертым. Что рванет спасать меня даже после того, как я десять лет была женой его друга. Даже после того, сколько принесла ему боли.

Кирилл смотрел озадаченно, а Ася устала. Не осталось больше сил на пустые разговоры. Хотелось домой. Она закрыла глаза, голос охрип. Но нужно было договорить.

— Ты тут распинаясь про любовь. Не любишь ты никого. Ты отнимал у любимого человека самых близких. Ты столько лет скрывал Юльку, зная, как Артем был к ней привязан. Как он уперто не верил, что она погибла. А ты возвращал в ней ненависть к родному брату. А она, дурочка, любила тебя, верила тебе. Это ведь она навела тебя на квартиру, где я жила. Юля знала адрес, а выследить меня ты не мог. И ты не мешкая, отправил ко мне своего поделничка. Ты использовал ее для удовлетворения собственных больших желаний. Как и всех остальных, даже Артема. Так что ты не жертва обстоятельств, а эгоистичный самовлюбленный ублюдок. И я буду только рада, если Артем тебя пристрелит.

Скрипнул пол. Ася открыла глаза. Погодин стоял совсем близко, склонившись над ней. И в руке его блеснул нож. А за спиной приближался Игнат.

— Значит, это он разыграл спектакль с твоей смертью, Ася, — он поморщился и лицо его исказила гримаса неподдельной боли. — Ну что ж, придется исправить свою ошибку и все-таки убить тебя.

— Это вряд ли, — Игнат приставил к затылку Погодина пистолет. — Брось нож.

Погодин вздрогнул. В глазах скользнуло отчаяние, но он повиновался. Короткий нож упал на пол.

— На колени, руки за голову.

Тот с усмешкой опустил на колени. На его запястьях защелкнулись наручники.

— Не думал, что меня возьмешь ты один.

— Почему один? — Артем появился в пороге. Злой. Бледный. В два шага он преодолел расстояние до кровати. Ловко разрезал веревки, связывающие Асю. Прижал к себе, тихо успокаивая. — Просто в отличие от Игната моя женщина жива. А ты убил его жену и сестру. Идти можешь? — он заглянул Асе в глаза, та кивнула. — Тогда идем отсюда. Игнат сам

разберется.

Он укутал ее в покрывало, обнял за плечи, уводя за собой.

— Поздравляю! — донесся до них голос Кирилла. — Отличный спектакль...

Уже на улице Ася спросила:

— Игнат его убьет?

— Зачем? — Артем усадил ее в машину, закурил. — Смерть для Погодина слишком простой выход. Игнат его посадит. Доказательств достаточно, плюс признание, записанное на видео. Да и Дэн даст показания. А на зоне пусть сам справляется, как может. Таких как он там очень любят, — он усмехнулся, посмотрел в сторону. Ася проследила его взгляд. Подъехала полицейская машина. Погодина вывели из дома, посадили в машину. Игнат остановился на крыльце.

— А Дэн? Надо же, как все просто оказалось. Два мальчика с одинаковым именем. Два школьных друга. Какая жестокая судьба. Что с ним будет?

— Думаю, он получит по минимуму, если будет сотрудничать со следствием. Я обещал, что он отсидит с комфортом. Он просто несчастный, запутавшийся мальчик. К тому же, он никого не убивал. Просто Нику спрятал. Он же жил по соседству с родителями Звягинцева и просто забрал малышку к себе, когда Кирилл пришел. Девочка его знала, доверяла ему. Вот только игрушку потеряла у его калитки. Жаль только, мы не сразу сообразили дом проверить.

Он вздохнул, выбросил сигарету. Зазвонил его мобильный. Он ответил и отошел в сторонку. Ася закуталась в покрывало, откинулась на спинку сидения.

— Можешь уделить мне минутку? — голос Игната вывел из полудремы. Ася кивнула, слегка подвинулась внутрь салона. Игнат сел рядом.

— Прости, — проговорила чуть слышно.

— Простить? — удивился.

— Но ты ведь все слышал. Все понял.

— Я хочу рассказать тебе одну историю, — он проигнорировал слова Аси, — только не перебивай меня, ладно?

Ася снова кивнула.

— Жили-были два друга. Артем и Игнат. Они дружили с детства. Но так сложилась судьба, что любили они одних женщин. Сперва Дашку. Потом появилась Ася. Одиннадцать лет назад ради Артема она бортонула сына самого мэра. Тот не смог смириться с потерей выгодной невесты. К тому же его отец лишился мэрского кресла, потому что отец Аси неожиданно обиделся из-за разрыва помолвки и отказался иметь всяческие дела с мэром. И отвергнутый женишок, назовем его мажором, не смог стерпеть, что его лишили всех привычных благ богатой жизни. Сперва пустился во все тяжкие: алкоголь, наркотики и беспорядочные связи. Так он и заразился СПИДом и слетел с катушек совсем. Обвинил во всем Асю и решил отомстить. С помощью Асиного брата-наркомана, который поделился с мажором секретами Асиной крови, он похитил Асю. С помощью того же брата сколотил целую лабораторию, чтобы получить вакцину от СПИДа.

Он выдохнул, взъерошил волосы. Ему было трудно говорить, голос срывался. И Ася видела, как напряжен каждый мускул его тела.

— Артем с Игнатом искали ее больше недели. Все это время она выцарапывала себе жизнь. Себе и своему ребенку, которого тогда носила под сердцем.

Ася ощутила, как к горлу подступил комок. По щеке скатилась слеза. Она помнила все

это. Помнила, как цеплялась за жуткую, пугающую реальность. Как отнимала у человека в черном своего младенца. И как Артем убил его. Боль стянула сердце, украла дыхание. Она закусила губу, тяжело дыша. А Игнат продолжал.

— Вдвоем они вышли на них. Они не собирались оставлять их в живых. Они брали их вдвоем. Мстили за своих женщин.

— Ты... — ей нужно было говорить, иначе она умрет от боли и нехватки воздуха. — Ты думал, что один из них убил Дашу?

Игнат коротко кивнул.

— Были неопровержимые, как тогда казалось, доказательства его вины. Мы же тогда не знали, что все это было спланировано Погодиным. Даже похищение Аси. Главное, было правильно направить нужных людей. Да... В общем, когда Артем и Игнат освобождали Асю, произошла перестрелка. И Ася пострадала от шальной пули. Пули, убившей ее ребенка. Моей пули.

Ася вздрогнула, как от удара.

— Мы тогда экспертизу сделали. Пуля была выпущена из моего табельного оружия. А Артем взял всю вину на себя.

Ася вцепилась в руку Игната. Тот посмотрел на нее, и в его тяжелом взгляде было столько неисчерпаемой вины, что Ася не выдержала, отвернулась.

— Он тогда скрыл и от меня правду. Я узнал позже и спросил, зачем он так поступил. Артем ответил, что тебе нужно кого-то ненавидеть, винить в смерти ребенка. А он привык к твоей ненависти.

— Зачем...зачем ты мне рассказываешь об этом? Сейчас...

— Я хочу, чтобы ты наконец простила его. За все простила. Он виноват лишь в том, что до сих пор любит тебя. Он никогда и никого так не любил. Поверь мне.

— Я...

— Просто будь счастлива. Это ведь так просто, — он легко сжал ее пальцы. — Прощай.

И ушел. Хлопнула дверца. На водительское сидение плюхнулся Артем.

— Все в порядке? — спросил напряженно.

Ася нашла в себе силы лишь кивнуть.

— Юлька звонила, — он улыбнулся. — Согласилась на операцию. Маленькая Ника ее растормошила. Спасибо Дане.

— Тем, — позвала Ася. Он повернулся к ней, посмотрел внимательно. Наверняка знал, о чем Игнат говорил с ней. — Почему нас тогда не развенчали?

— Отец Сергей отказался. Сказал, что не может разорвать связь, дарованную Богом. Глупо, наверное, но я не стал настаивать. Мне кажется, он был прав.

Да уж, вот только они поняли это слишком поздно. Ася поняла слишком поздно.

— Ты точно в порядке? — нахмурился Артем.

Ася закивала.

— Тем, — она придвинулась ближе, вдыхая аромат его неизменного Фаренгейта. — Пообещай мне, что больше никогда не отпустишь меня. Обещаешь?

Он взял ее лицо в ладони, впервые не затянутые в кожу перчаток, коснулся губами ее щеки, мягко, проникновенно, от чего приятно заныло в низу живота и затуманилось в голове от накатившего желания.

— Не дождешься, — выдохнул и поцеловал, сменяя ее губы и запечатывая обещание
Конец,

